

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

2(18)

2019

Научный журнал

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес редакции: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3. Тел. 8(8362)686800.
E-mail: sociotime@volgatech.net

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки РФ от 23.03.2018) по следующим направлениям: 07.00.00 – исторические науки и археология; 22.00.00 – социологические науки; 09.00.00 – философские науки

Редакторы *Л. С. Емельянова, П. Г. Павловская*
Компьютерная верстка *С. Н. Эштыкова*

Подписано в печать 12.04.2019. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,35. Тираж 500 экз. Заказ № 4817.
Дата выхода в свет: 02.05.2019. Цена свободная.

Поволжский государственный технологический университет. 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3
Отпечатано в ООО «Вертола». 424004, Йошкар-Ола, ул. Льва Толстого, 45

Перепечатка или воспроизведение материалов номера
допускается только с письменного разрешения редколлегии.

© Поволжский государственный
технологический университет, 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) – главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук (Йошкар-Ола) – секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

• Члены редсовета в регионах России:

Аршинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмеринович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Дадаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Ершов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Кутырев Владимир Александрович, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Максимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Набиев Ринат Ахматгалиевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Никитина Татьяна Багишевна, д-р ист. наук (Йошкар-Ола)
Полищук Ростислав Феофанович, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Сергей Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Спирова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Степанов Евгений Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Шалаева Светлана Леонидовна, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Н. Новгород)

• Члены редсовета и представители журнала за рубежом:

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Миттвайда, Германия)
Водопьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Ильева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левецка Яна, д-р, проф. (Трнава, Словакия)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тарароев Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

2(18)

2019

Scientific journal

Founded in 2015
Published 4 times a year

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3 Lenin Square. Tel. 8(8362)686800.
E-mail: sociotime@volgatech.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 07.00.00 – historical sciences and archeology; 22.00.00 – sociological sciences; 09.00.00 – philosophical sciences.

Editors *L. S. Emelyanova, P. G. Pavlovskaya*
Computer imposition *S. N. Eshtykova*

Signed in 12.04.2019. The format 70×100^{1/16}. Offset paper.
Circulation 500 ind. Ordering № 4817.
Release date: 02.05.2019. Open price.

Volga State University of Technology. 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square
Printed in "Vertola" LLC. 424004, Russia, Mari El Republic, Yoshkar-Ola, Lev Tolstoy street, 45.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted
only with prior written permission of the editorial board

© Volga State University
of Technology, 2019

EDITORIAL BOARD

Shalaev V.P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Editor-in-Chief
Dakhin A.V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Lepsky V.E., Doctor of Psychology (Moscow)
Pavlova A.N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Polutin S.V., Doctor of Sociology (Saransk)
Chumakov A.N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Shatunova T.M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Khrenkov V. V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Secretary

EDITORIAL COUNCIL

• *Members of the editorial board in the regions of Russia:*

Arshinov V.I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Astafeva O.N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Bekarev A.M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Belyaev V.A., Doctor of Politology (Kazan)
Voitsekhovitch V.E., Doctor of Philosophy (Tver)
Gavrov S.N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Dadaeva T.M., Doctor of Sociology (Saransk)
Dunets A.N., Doctor of Geography (Barnaul)
Yershov A.N., Doctor of Sociology (Kazan)
Ilyin V.I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)
Kovalyova A.V., Doctor of Sociology (Barnaul)
Kosachev K.I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Kutyrev V.A., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Maksimova S.G., Doctor of Sociology (Barnaul)
Nabiyev R.A., Doctor of History (Kazan)
Nikitina T.B., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Polishchuk R.F., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)
Pchelina O.V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Savchuk V.V., Doctor of Philosophy (St. Petersburg)
Sergeyev S.A., Doctor of Politology (Kazan)
Smolin O.N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Solodukho N.M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Spirova E.M., Doctor of Philosophy (Moscow)
Stepanov E.I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Sukhova M.G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)
Tishkin A.A., Doctor of History (Barnaul)
Cherdantseva I.V., Doctor of Philosophy (Barnaul)
Shalaeva S.L., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Shashkova Y.Y., Doctor of Politology (Barnaul)
Shchelkunov M.D., Doctor of Philosophy (Kazan)
Shirokalova G.S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

• *Members of the editorial board of the journal and representatives abroad:*

Babosov E.M., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Bilalov B., Doctor of Philosophy (Baku, Azerbaijan)
Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)
Vodopianov P.A., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Zelenkov A.I., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)
Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Levická J., Doctor of Philosophy (Trnava, Slovakia)
Perinchek M.B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)
Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)
Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)
Tararoev Y.V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора7

ФИЛОСОФИЯ

Анохина В. В. Концепция «зелёного роста» и ее альтернативы9

Бекарев А. М., Пак Г. С. Выбирая между эпистемой и доксой.....24

Журенков Д. А. Особенности философско-методологического анализа научно-технического развития китайской цивилизации в контексте постнеклассической парадигмы37

Краснов А. С. Прологомены к онтологии неоклассической философии45

Лепский В. Е., Журенков Д. А., Савельев А. М.
Научная дипломатия и социальные инновации.....54

Ростова Н. Н. Идея философской антропологии и современная философия63

Шишкин А. Е. Метафизика небытия в концентриальной битве
Г. Р. Державина76

СОЦИОЛОГИЯ

Беляев В. А., Ахметшина А. А. Генерационная специфика языковой и этногосударственной политики в полиэтническом обществе85

Дахин А. В., Сергеева Э. А. Идеиная позиция государства в современном социальном контексте.....96

Ильин В. И. Русская деревня как пространство дуального образа жизни: между прошлым и будущим.....104

Сергеев С. А., Сергеев А. С. «Школьные стрелки» и их мотивация: «синдром Крысолова», «синдром Герострата», «синдром Нибелунгов»?114

ИСТОРИЯ

Киндинов М. А., Чедурова Е. М. Политика России в Южной Сибири: освоение земель Алтая в XVII – первой четверти XVIII вв.....125

Набиев Р. А., Рогатина Е. С. Дискриминация в конфессиональной сфере как угроза устойчивому развитию общества на Украине.....134

ИНФОРМАЦИЯ. РЕЦЕНЗИИ. КОММЕНТАРИИ

Широкалова Г. С. Фаворитизм. Это приговор?.....142

Подготовка и порядок приема рукописей.....150

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

<i>Anohina V. V.</i> The concept of “green growth” and its alternatives	9
<i>Bekarev A. M., Pak G. S.</i> By choosing between epistem and docs	24
<i>Zhurenkov D. A.</i> Features of philosophical and methodological analysis scientific and technical development of the Chinese civilization in the context of the post-non-classical paradigm	37
<i>Krasnov A. S.</i> Prolegomenes to ontology of neoclassical philosophy	45
<i>Lepskiy V. E., Zhurenkov D. A., Saveliev A. M.</i> Science diplomacy and social innovations	54
<i>Rostova N. N.</i> Idea of philosophical anthropology and modern philosophy	63
<i>Shishkin A. E.</i> Metaphysics of non-being in the battle of G. R. Derzhavin	76

SOCIOLOGY

<i>Belyaev V. A., Akhmetshina A. A.</i> Generation specificity of language and ethnical state policy in a poliethnic society	85
<i>Dakhin A. V., Sergeeva E. A.</i> Ideal viewpoint of a state in the modern social context.....	96
<i>Ilyin V. I.</i> Russian village as a space of the dual way of life: between past and future.....	104
<i>Sergeev S. A., Sergeev A. S.</i> "School shooters" and their motivation: "Pied Piper syndrome", "Gerostrat syndrome", "Nibelung syndrome"?	114

HISTORY

<i>Kindinov M. A., Chedurova E. M.</i> Russia's policy in South Siberia: the development of lands of Altai in the XVII – first quarter of the XVIII-th centuries	125
<i>Nabiev R. A., Rogatina E. S.</i> Discrimination in the confessional field as a threat to sustainable development of society in Ukraine	134

INFORMATION. REVIEWS. COMMENTS

<i>Shirokalova G. S.</i> Favoritism. Is that a sentence?	142
Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	150

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В восемнадцатом номере международного научного журнала **SocioTime / Социальное время** (с 2018 года журнал входит в перечень ВАК научных журналов России по направлениям «Философия», «Социология», «История») представлены оригинальные научные материалы, подготовленные учеными и исследователями России и зарубежья, посвященные актуальным вопросам социально-гуманитарного знания, охватывающего современные и исторические процессы развития человека и общества под влиянием доминант социального времени. SocioTime позиционирует себя как сетевое международное научное издание. Интеллектуальное партнерское

сообщество журнала нашло свое отражение в составе его редколлегии, представленной исследователями из университетов и академических институтов Российской академии наук из городов Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Твери, а также университетских центров зарубежных стран: Беларуси, Украины, Германии, США, Турции, Болгарии, Словакии, Азербайджана.

Восемнадцатый номер международного научного журнала «SocioTime / Социальное время» имеет широкую географию. Он включает в себя 14 статей авторов, представляющих крупнейшие вузовские и научные центры России и Беларуси. Российские авторы представлены работами из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода, Самары, Горно-Алтайска.

В разделе «Философия», размещены семь научных статей. Раздел открывает работа В. В. Анохиной, в которой исследуются концепции «зелёного роста» и ее альтернативы (Белорусский государственный университет, Минск). В исследовании авторов из Н. Новгорода А. М. Бекарева и Г. С. Пак (Нижегородский государственный университет) осуществлено оригинальное погружение в философскую проблему эпистемы и доксы. В центре внимания Д. А. Журенкова (Институт философии Российской академии наук, Москва) проблема особенностей философско-методологического анализа научно-технического развития китайской цивилизации в контексте постнеклассической парадигмы. Автор из Казани А. С. Краснов (Казанский (Приволжский) государственный университет) представляет пролегомены к онтологии неоклассической философии. Другой исследователь классических философских проблем Н. Н. Ростова (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) анализирует в своей статье идеи философской антропологии и современной философии. Роли научной дипломатии и ее связи с социальными инновациями посвящена статья В. Е. Ленского, Д. А. Журенкова, А. М. Савельева. Автор из Самары А. Е. Шишкин (Медицинский университет «Реавиз») исследует проблему метафизики небытия в конциентальной битве Г. Р. Державина.

В разделе «Социология» представлено четыре работы. Статья авторов из Казани В. А. Беляева и А. А. Ахметшиной (Казанский научно-исследовательский университет КАИ) посвящена анализу генерационной специфики языковой и этногосударственной политики в полиэтническом обществе. В работе авторов из Нижнего Новгорода А. В. Дахина и Э. А. Сергеевой (Научно-исследовательский

университет – филиал РАНХиГС в Н. Новгороде) на примере России анализируется идейная позиция государства в современном социальном контексте. Ученый из Санкт-Петербурга В. И. Ильин исследует проблему русской деревни как пространства дуального образа жизни: между прошлым и будущим. В центре внимания авторов из Казани С. А. Сергеева и А. С. Сергеева (Казанский научно-исследовательский технологический университет) актуальная проблема «школьных стрелков» и их мотивации, рассмотренная сквозь призму «синдрома Крысолова», «синдрома Герострата», «синдрома Нибелунгов».

Раздел «История» открывает статья М. А. Киндинова (Майминская СОШ № 1, Алтайский край) и Е. М. Чедуровой (Горно-Алтайский государственный университет), исследующая политику России в Южной Сибири на примере освоения земель Алтая в XVII – первой четверти XVIII вв. Работа авторов из Казани Р. А. Набиева и Е. С. Рогатиной (Казанский (Приволжский) государственный университет) посвящена анализу проблемы дискриминации в конфессиональной сфере как угрозы устойчивому развитию общества на современной Украине.

В разделе «Информация. Рецензии. Комментарии» представлена статья Г. С. Широкаловой (Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия), где анализируется монография С. П. Парамоновой «Роль фаворитизма в социальном процессе».

Восемнадцатый номер журнала «SocioTime» основан на оригинальных авторских статьях, посвященных актуальным проблемам современного общества и социально-гуманитарного научного дискурса. Редакция «SocioTime / Социальное время» приветствует оригинальные исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, посвященные творческому осмыслению актуальных процессов и проблем развития человека и общества в профиле основных разделов журнала. Отдавая дань уважения маститым авторам, особое внимание редакция уделяет поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы науки, культуры, мировоззрения и общества.

Уважаемые коллеги, мы ждем Ваши работы и открыты для обсуждения и дискуссий. Журнал «SocioTime / Социальное время» – это, несомненно, Ваше социальное время, здесь и сейчас!

Адрес редакции: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб. 426, 430а. E-mail: sociotime@volgatech.net, ksnt@volgatech.net. Тел. редакции: 8-8362-686800.

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также онтологией выпусков можно ознакомиться на сайте журнала (<https://www.volgatech.net/sociotime/>) и в системе Elibrary.

УДК 1:316.422.42

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.9

КОНЦЕПЦИЯ «ЗЕЛЁНОГО РОСТА» И ЕЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

В. В. Анохина

Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

Введение. Целью данной статьи является анализ внутренних противоречий концепции устойчивого развития, вытекающих из многозначности термина «устойчивость», который принимает различные, часто противоположные друг другу, значения в зависимости от того, о социальной, экономической или экологической устойчивости идет речь.

Методы. Альтернативные толкования идеи устойчивого развития в различных стратегиях перехода к сбалансированной социально-экологической динамике рассматриваются в статье на основе методов сравнительного анализа и понимающей интерпретации.

Основные идеи исследования, результаты и их обсуждение. Показано, что осевой проблемой стратегии устойчивого развития, вокруг которой вращаются современные дискуссии, является возможность бесконфликтного сочетания следующих целей: рост и/или устойчивость, экологическое и/или экономическое равновесие. Автор осуществляет сравнительный анализ конфликтующих интерпретаций парадигмы устойчивого развития, выявляя различия их ценностных предпосылок и аргументов. Споры вокруг данной парадигмы исследуются на примере дискуссии между концепцией «зеленого роста» и ее оппонентом – концепцией «антироста». Возможность экологической развязки утверждается в рамках первой из этих концепций, критический пафос которой направлен против идеи глобального равновесия и утверждения о неизбежности исчерпания ресурсов планеты. Альтернативная же концепция постулирует необходимость перехода к «постростовой» экономике, включая радикальную реструктуризацию потребностей и ценностных предпочтений людей.

Заключение. Выявлено, что разработчики стратегии «зеленого роста», критикуя авторитарный крен концепции «пределов роста», развивают идею «Вселенной возможностей», с характерной для западной традиции верой в созидательные возможности людей, научный и социальный прогресс. Обоснован тезис, согласно которому положения стратегии «зеленого роста» являются более инструментальными, поскольку позволяют принимать сбалансированные решения, являясь реальным политическим инструментом для перехода к устойчивому развитию.

Ключевые слова: инвайронментализм, устойчивое развитие, социальный прогресс, социально-экологическая устойчивость, экологическая развязка, глобальное равновесие, пределы роста, зеленый рост, антирост, постростовая экономика

Введение. В современных научных кругах одной из наиболее опасных проблем, порождаемых техногенной цивилизацией, признана экологическая про-

блема. Внутренняя логика развития индустриальной системы не только предопределила глобальный характер современной экологической угрозы, но тесно связала ее с серией вызовов, отвечать на которые с неизбежностью приходится странам как с передовой экономикой, так и только вставшим на путь интенсивной модернизации. На первый план выходит вопрос практического значения: каким образом, с помощью каких средств и технологий можно обеспечить экологическую безопасность? В последние десятилетия в науке и СМИ активно обсуждаются пути экологизации социального и научно-технического прогресса, различные стратегии перехода к устойчивому развитию. Поскольку мировоззренческие и концептуальные допущения этих стратегий часто входят в незримый конфликт друг с другом, представляется необходимым провести сравнительный анализ ценностных приоритетов наиболее известных моделей перехода к устойчивому развитию, являющихся частью более общей парадигмы «sustainable development».

Классическое определение понятия устойчивого развития было дано в докладе Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» (1987). Отмечая, что современные государства бездумно растрачивают уникальный экологический капитал Земли, Г. Х. Брундтланд подчеркивала: «Человечество способно придать развитию устойчивый и долговременный характер, с тем чтобы оно отвечало потребностям нынешнего поколения, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности» [7, с. 24]. В резолюции Нью-Йоркского Саммита ООН (2015) «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» парадигма устойчивости описывается посредством «универсальных и ориентированных на преобразования целей» [9, с. 1], которые «охватывают весь мир: как развитые, так и развивающиеся страны» [9, с. 3]. Являясь комплексными и неделимыми, они связывают воедино и гармонично сочетают друг с другом ключевые составляющие парадигмы устойчивого развития – социальную, экономическую и экологическую, – определяя их в качестве ее базовых приоритетов.

Целью этой статьи является сравнительный анализ мировоззренческих оснований четырех различных версий концепции устойчивого развития – «нулевого роста» (Limits of Growth), «прекращения роста» (De-Growth), «постростовой» экономики (Post-Growth) и «зеленого роста» (Green Growth). В связи с широким толкованием парадигмы устойчивости в современном инвайронментализме сложились конфликтующие интерпретации ее базовых принципов и ценностей.

Структурообразующей осью современных дискуссий вокруг данной проблемы является вопрос о возможности бесконфликтного сочетания следующих целей: 1) достижение экологического и экономического равновесия; 2) согласованность устойчивого развития на глобальном, региональном и локальном уровнях; 3) переход к зеленой экономике; 4) создание более эффективных институтов для устойчивого развития. Дискуссионность вопроса определяется различиями в трактовках понятий «экономическое» и «экологическое» равновесие, «зеленый рост», «устойчивое развитие», а также отсутствием единства в понимании экологических приоритетов развития техногенной цивилизации. Эти различия обрета-

ют рельефность, когда мы начинаем анализировать механизмы перехода к устойчивому развитию, предлагаемые указанными выше стратегиями.

Методы исследования. Для выявления специфики различных толкований идеи устойчивого развития в концепциях LG, DG, PG и GG, а также экспликации ценностных установок, лежащих в их основании, применялись методы сравнительного анализа и понимающей интерпретации.

Основные идеи исследования, результаты и их обсуждение. *Мировоззренческие основания концепции «нулевого роста».* Истоки концептуальных и ценностных конфликтов по поводу экологического будущего уходят в начало 70-х гг. XX века, когда публикации книг «Мировая динамика» Дж. Форрестера и «Пределы роста» группы Медоузов произвели сенсацию. Прогнозы этих исследователей говорили о том, что в мировой экономике приближается спад промышленного производства, вызванный кризисом ресурсов – снижением добычи нефти и дефицитом промышленного сырья. Предполагалось, что количество продовольствия на душу населения начнет резко сокращаться под воздействием роста народонаселения и прогрессирующей деградации почв. Нехватка питьевой воды и эндемические загрязнения атмосферы приведут к снижению средней продолжительности жизни и посредством петли обратных связей к неизбежному сокращению жителей планеты [6; 11]. Стратегия «нулевого роста» в качестве ключевого механизма перехода к экологически сбалансированному состоянию рассматривала сокращение численности мирового населения, объема потребления природных ресурсов и остановку промышленного роста. Экологического коллапса можно избежать только за счет перехода к глобальному равновесию экономических и демографических показателей, достижение которого требует введения двух базовых ограничений развития: а) уровень рождаемости не должен превышать уровень смертности; б) объем инвестиций в производство не должен превышать определенный уровень потребления с учетом амортизационных издержек [6].

Мировоззренческой особенностью этой модели является признание необходимости авторитарных методов управления обществом в процессе радикальной перестройки его институтов. Такое положение не может не вступить в конфликт с либерально-демократическими ценностями западной цивилизации, а именно с представлениями о незыблемости политических, социальных, экономических и культурных прав человека; о безусловной ценности жизни, свободы и достоинства личности; о свободе предпринимательства, рыночной конкуренции и др.

Критикуя авторитарный крен экологической утопии группы Медоузов, известный немецкий эколог Р. Фукс отмечает, что сделанные допущения подобны карикатурам на человека и демократию. Люди в этих прогнозах рассматриваются как недалёковидные ловцы краткосрочной выгоды, а демократические институты – как неподвижные социальные структуры, не способные к самокоррекции. Он подчеркивает, что авторитарные режимы значительно менее устойчивы, чем демократические, и, в силу особенностей централизации управления, почти лишены рефлексивности. Это делает подобные режимы жесткими и чрезвычайно уязвимыми к внешним вызовам, а следовательно, не способными к длительному

существованию. Люди же, полагает Р. Фукс, не столь близоруки, чтобы не замечать опасности, они стремятся к справедливому распределению нагрузок, а также желают быть вовлеченными в процесс принятия решений [15].

Несмотря на популярность «Пределов роста» и многомиллионные тиражи, эта книга подверглась справедливой критике. Согласно Э. У. фон Вайцзеккеру и А. Вейкману, основной мировоззренческий просчет концепции Медоузов заключался «в том, что прогноз игнорировал такой важный фактор, как человеческая изобретательность. <...> Модель не могла предсказать ошеломляющие успехи в борьбе с промышленными выбросами, которые позволили многим странам избежать драматического загрязнения воздуха, воды и почв» [24, с. 12].

Анализируя ошибки в логике интерпретации показателей модели «World 3», Дж. Л. Саймон в конце 1970-х гг. обратил внимание на факт, что человечество не может знать наверняка, насколько малы запасы конкретного промышленного сырья, ведь ресурсы являются функцией технологии. Технологические новации позволяют задействовать те ресурсы, которые ранее были недоступны человечеству, и мы только начинаем рассматривать что-либо как ресурс, когда появляются технологии их добычи, переработки и использования [23]. В отличие от Медоузов, он настаивает на безграничности креативных способностей человека, утверждая, что изобретательность людей всегда находит новые решения для проблемы ресурсного дефицита.

Несмотря на высказанные критические аргументы, концепция «нулевого роста» вновь обрела популярность в конце 90-х гг. XX в. благодаря политической и культурно-просветительской деятельности А. Гора – лауреата Нобелевской премии мира за вклад в борьбу с изменением климата и защиту окружающей среды (2007) [3]. К этому времени на Западе сложилось сильное «зеленое» движение с социал-демократическими взглядами, подвергнувшее критике неolibеральные модели экономического развития. Осуждение экологической ущербности и экономической одномерности западного индустриального общества, высказанное Д. Медоузом, поддержали такие знаковые мыслители, как Р. Хейлбронер, Л. Туроу и Э. Шумахер [12; 13].

Сегодня Д. Медоуз, опираясь на многократное уточнение сделанных прогнозов [5; 6], по-прежнему полагает, что вопреки успехам экологической модернизации, позволившей оттянуть наступление катастрофы, принятые технологические решения все же не смогут ее предотвратить. Он утверждает, что надежды на научно-технологические новации иллюзорны в условиях, когда страны третьего мира вступают на путь индустриализации, и еще более скептически относится к возможности эффективного сочетания принципов демократии с принципом «глобального равновесия» [16]. Его коллега, норвежский эколог-экономист Й. Рандерс дает наиболее пессимистическую оценку перспектив мирового развития. Полагая, что парламентская демократия не сможет справиться с хаосом наступающей катастрофы, он в качестве оптимальной формы политической организации общества, погружающегося в экологическую катастрофу, рассматривает диктатуру. «Глобальное общество, – пишет Й. Рандерс, – прекрасно осведомлено о том, что нужно сделать для создания лучшего мира для наших детей.

Нам необходимо преодолеть бедность и решить проблему изменения климата. Мы знаем, что технологически это возможно и что это можно сделать по относительно низкой цене. Но, к сожалению, ...я не верю, что это будет сделано. <...> Причина этого заключается в том, что процесс принятия решений в демократических национальных государствах представляет собой слишком сложную и трудоемкую процедуру» [22, с. 6]. Образ «великодушного диктатора» Й. Рандерс рисует по образцу авторитарных лидеров китайской коммунистической партии, полагая, что свобода индивидов вполне оправданно может быть принесена в жертву задаче выживания человеческих популяций. Основной целью авторитарной экологической политики в условиях кризиса станет выживание вида, а цена потерь перестанет иметь значение [22, с. 181–188, 210–217, 274–282]. При этом сторонниками идеи «нулевого роста» не обсуждается теневая сторона диктатуры, которая заключается в наличии у лидера, его окружения и силовых структур принципиальной возможности преследовать партикулярные, а вовсе не универсальные экологические цели (как, например, цель удержания власти в ситуации дефицита ресурсов).

Специфика «антиростовых» стратегий достижения устойчивости.

Концепция «нулевого роста» является одной из первых моделей интерпретации парадигмы устойчивости. Ее современные вариации связаны с такими концепциями будущего, как «De-Grows» и «Post-Grows». Характеризуя парадоксальность выражения «sustainable development», один из авторов идеи прекращения роста (DG), У. Элвуд, отмечает: «Мы поставили рост перед устойчивостью в той мере, в какой устойчивость стала маркетинговым инструментом, и даже более того, оправданием роста. Мы больше не можем развивать экономику, стремясь при этом к устойчивости. Эти два понятия являются взаимоисключающими» [14, с. 13]. Согласно его оценке, к концу 2030 г. нам понадобятся две планеты для удовлетворения растущих потребностей людей. Приводя конкретные свидетельства того, как цивилизация трансформирует Землю и ее экосистемы, У. Элвуд также исходит из принципа ограниченности природных ресурсов. Критикуя неоллиберальную парадигму роста, он показывает, что на волне экономических подъемов, сопровождающихся впечатляющим взлетом ВВП, вовсе не происходит снижения уровня нищеты и социально-экономического неравенства. Напротив, имеет место большая поляризация доходов, и лишь незначительная часть бедного населения планеты начинает жить лучше. Одновременно волна роста увеличивает нагрузку на биосферу, и так называемые «эффекты рикошета» («rebound») в полной мере выявляют негативные экологические последствия роста, нивелируя любые приобретения от него.

Мировоззренческие основания концепции DG восходят к идеям Т. Мальтуса и Дж. С. Милля, которые, наблюдая бешеные темпы развития капитализма, первыми высказали идею о необходимости перевода индустриального общества в «стационарное состояние». Важное значение для стратегии DG имеет ценностный аргумент Дж. Кейнса, автора теории государственного регулирования экономики, который отмечал, что у экономического роста должны быть моральные пределы, связанные с правильным пониманием благополучия. Подчеркивая зна-

чимось философских идей Шумахера, который продемонстрировал ограниченность ментальной парадигмы либерально настроенных западных экономистов, У. Эллвуд утверждает, что идея устойчивого развития как «управляемого роста» появилась слишком поздно, когда только остановка роста может предотвратить катастрофу. Настаивая, что именно модель DG должна стать глобальной целью социальной динамики, он предлагает комплексные меры по изменению законодательства, политические реформы, введение строгих ограничений на использование природных ресурсов и производство отходов, запрет свободной торговли и поощрение малого и среднего бизнеса, создание демократических экономических организаций (кредитные союзы и кооперативы), а также требует справедливой системы распределения общественного богатства. Стабилизация роста мирового населения в его концепции также рассматривается как важный фактор устойчивости, но, в отличие от Медоузов, У. Эллвуд полагает, что контроль над рождаемостью должен осуществляться посредством мягких мер, предполагающих развитие здравоохранения, снижение детской смертности, создание условий для бесплатного образования и широкой занятости женщин. Стимулируя социальное развитие, государства могут косвенно контролировать рождаемость, не вмешиваясь в личную жизнь и решения людей [14, с. 13].

Детальный анализ мировоззренческих оснований и теоретических аргументов концепций «нулевого роста», «прекращения роста», «постростовой» экономики показывает, что, критикуя любую парадигму роста, они исходят из общих ценностных приоритетов.

1) *Re-focus*, или переориентация общества с идеологии консюмеризма на постматериальные ценности. В качестве системы базовых ценностей предлагается следующий набор жизненных целей: творческое саморазвитие личности; свобода от вещной зависимости, стремление к внутреннему удовлетворению и душевному комфорту; социальное равенство и вовлеченность в практики взаимопомощи, оказание благотворительных социальных услуг; установление прочных общественных связей, укрепление социального доверия и солидарности; активное участие в общественной деятельности посредством развития гражданских инициатив (социальных и экологических) в рамках локальных общин; сокращение объема потребления до удовлетворения минимума биофизических и этноэтологических потребностей человека; жизнь по средствам (освобождение от «кредитной зависимости»); питание на основе региональных продуктов; сокращение до минимума авиаперелетов; экономия ресурсов, снижение и рециклинг отходов в домашних хозяйствах.

2) *Workless*, или сокращение рабочей недели (до 20 ч), освобождение времени для досуга. Обосновывается, что подобная мера позволит снизить давление технологического прогресса на сферу занятости, предотвратить обвальный рост безработицы в условиях остановки роста производства, а также высвободит время для развития личности, ее самореализации, укрепления семейных ценностей и родственных связей, полноценного межличностного общения, гражданской активности, удовлетворения социально-психологических и культурных потребностей, разрушаемых прессингом индустриальной гонки.

3) *De-globalize*, или уменьшение стимулов для позиционной конкуренции стран и регионов, компаний и фирм, вовлеченных в процесс глобализации, за счет переориентации их деятельности на местные рынки и ресурсы. Основной установкой концепций DG и PG становится лозунг «локального как можно больше, глобального как можно меньше» [17, с. 5–12, 103–109; 18, с. 19–25, 27–32; 20; 25, с. 217–233; 235–272].

Сравнив перечисленные выше стратегии, дающие весьма пессимистическую интерпретацию парадигмы устойчивости, можно сделать вывод, что, критикуя любую парадигму роста, они имплицитно воспроизводят характерную для лево-радикальных форм экологического дискурса ценностную дилемму: либо централизованный, и даже жесткий, контроль государства за сферой демографии, производства и потребления, либо надвигающаяся экологическая катастрофа непреодолимой силой природы разрушит индустриальную цивилизацию.

Стратегия «зеленого роста» как эффективный инструмент экологической политики. Наличие ценностного конфликта в интерпретациях парадигмы устойчивого развития стало питательной почвой формирования иных стратегий перехода к нему. Специфической особенностью оптимистических альтернатив является установка на поиск путей и способов гармоничного сочетания экономического роста как основы материального и социального благополучия народов с экологическими требованиями, вытекающими из специфики закономерностей функционирования биосферы и ее региональных экосистем. Взяв на вооружение идею коэволюции, это направление связывает перспективы экологической оптимизации социальной деятельности с возможностями модели качественного роста. При этом именно идея роста, а не его остановки, становится центральным моментом реинтерпретации парадигмы «sustainable development».

Идея качественного, или «органического», роста как альтернативы экспоненциальному росту количественных параметров индустриального общества была обоснована Э. Пестелем, который полагал, что развитие современной цивилизации может идти в направлении разнообразного, дифференцированного роста всей мировой системы [8]. В предлагаемой им модели каждая часть этой системы должна выполнять специфическую функцию в рамках глобального сообщества и развиваться таким образом, чтобы ее собственная эволюция способствовала прогрессивному развитию человечества как единого целого. Такая интерпретация роста соответствует идеологии постиндустриализма, идеям переориентации массового сознания на индивидуализированные формы экофильного потребления, демассификации общества и культуры, децентрализации производства за счет широкомасштабного внедрения наукоемких и безотходных технологий с минимальными материало- и энергозатратами.

Параллельно с развитием идеи «органического» роста Э. Пестеля в современном инвайронментализме сложилась концепция «зеленого роста» (GG), обоснованная в работах Р. Фукса, Дж. Рифкина, Э. Вайцеккера, Г. Паули. Ключевым положением этой концепции является идея «зеленой» технологической революции, которая, подобно промышленной и информационно-компьютерной революциям, должна привести к серии радикальных технологических прорывов,

обеспечивающих новое качество жизни и устойчивое социально-экологическое развитие общества [15; 10; 1, с. 8–12; 21]. Исследователи считают, что сокращение численности мирового населения посредством жестких искусственных мер, как и снижение уровня потребления за счет ограничения и изменения потребностей, являются не только антигуманными, но и утопичными вариантами решения глобальной экологической проблемы. Взамен они предлагают сосредоточить усилия на экологических инновациях, а именно: на сочетании эффективной социальной организации с революционными технологиями альтернативной энергетики и замкнутых циклов производства, использующих новые экоматериалы.

Одним из базовых принципов концепции GG является принцип декаплинга. В своем докладе Римскому клубу «Фактор 5. Формула устойчивого роста» Э. У. фон Вайцзеккер и соавторы определяют его как формулу удвоения богатства при одновременном сокращении вдвое использования ресурсов Земли. Значит, экономическое процветание человечества не обязательно предполагает рост потребления природных ресурсов и прямо пропорциональная зависимость, составляющая специфику положительных обратных связей индустриализма, может быть разорвана. Экологический след человечества, являясь результирующей трех базовых переменных (численности населения, уровня потребления и характера технологий), может быть существенно минимизирован благодаря инновациям. Ключевой вопрос заключается в том, чтобы установить, каким образом технологии, инфраструктура, правовые нормы, образование и культурные привычки должны взаимодействовать друг с другом, чтобы добиться социально-экономического благополучия при сохранении здоровой окружающей среды [1, с. 1–3].

Вторым важным положением концепции «зеленого роста» является идея радикального изменения глобальной энергосистемы за счет синтеза достижений в области альтернативной энергетики и телекоммуникационных технологий. Согласно Д. Рифкину, «интернет-технологии и возобновляемые источники энергии уже готовы соединиться и сформировать мощную новую инфраструктуру для третьей промышленной революции, которая изменит мир. В грядущей эпохе сотни миллионов людей будут сами производить зеленую энергию у себя дома, в офисах и на заводах и делиться ею через “энергетический Интернет” точно так же, как мы сейчас создаем информацию и делимся ею в Сети» [10, с. 12].

Глобальный эффект зеленой энергетической революции состоит в том, что синергия высоких технологий в энергетике и сфере коммуникаций сможет породить длинную волну роста, опирающуюся на комплекс технологических новаций. Как только последние станут экономически эффективными в ключевых областях экономики (энергетика, транспорт, производство), сложатся необходимые условия для поддержания устойчивого развития в масштабах всей планеты. «Зеленая» энергетическая революция, разворачивающаяся в Германии, является примером подобного процесса. Атомные и угольные электростанции постепенно вытесняются солнечной и ветровой энергетикой, а волна инвестиций направляется в разработку новых экологических продуктов и технологий, что приводит к росту занятости и повышению доходов. Так, консалтинговая фирма «Roland

Berger» прогнозирует к 2020 г. повышение спроса на инновационные экологические технологии в среднем на 5,4 %. Согласно проведенным ею исследованиям, ежегодный рост немецкого экологического сектора ожидается на уровне 8 %, а к 2020 г. его доля в национальной экономике Германии возрастет в целом до 16 % [19, с. 16].

Опираясь на волнообразно-циклическую модель развития мировой экономики, концепция «зеленого роста» отстаивает идею синергии системных эффектов, согласно которой «зеленая» революция будет опираться на комплексный подход к технологическим нововведениям. Синергетический эффект экологической модернизации предполагает тесную структурно-функциональную взаимосвязь технологий в разных секторах общественного производства, создающую замкнутый цикл всех его звеньев. Отходы в одной сфере производственной деятельности должны быть качественным ресурсом для других сфер деятельности, подобно тому, как в современном органическом земледелии и пищевой промышленности отходы молотого кофе могут быть использованы в качестве почвы для выращивания грибов, а отходы, возникающие в процессе переработки риса, кокосов, бананов, сахарного тростника и бамбука, используются в качестве растительных волокон, необходимых для производства бумаги. Технологическое решение состоит в том, чтобы установить производственные циклы, в которых отходы одного процесса будут становиться отправной точкой для новых технологических цепочек, создающих добавленную стоимость и умножающих производительность ресурсов.

Перечисленные выше положения вместе становятся теоретико-содержательным основанием для разработки модели сетевой организации экономики постиндустриального типа. Принцип синергии системных эффектов, возникающих благодаря комплексному использованию «зеленых» технологий, подтверждается и проектом «голубой» экономики, разработчиком которого является известный немецкий бизнесмен Г. Паули [21]. Основной целью этого проекта является обоснование необходимости перехода к новой логике экономического и управленческого мышления, которая требует отказаться от модели линейных производственных цепочек в пользу модели комплексных циклов.

Модель «голубой» экономики характеризуется рядом организационных новаций сетевого типа: 1) тесным сетевым сотрудничеством сельскохозяйственных производителей и промышленности, 2) системной взаимосвязью региональных производственных кластеров, 3) каскадным принципом использования сырья и энергии, 4) принципом разнообразия, предполагающим решительный отказ от любых производственных, технологических, организационно-экономических и ресурсных моноструктур. Компании, согласно Г. Паули, должны быть организованы как сети, со структурами управления, напоминающими устройство нервной системы человека, т. е. их функционально-динамическая организация должна строиться по принципу децентрализации с прямым доступом к источникам информации. Наука, экономика, промышленность, а также разнообразные структуры регионального, государственного, муниципального управления, включая

формы общественного самоуправления, должны быть тесно связаны друг с другом, образуя единую горизонтальную экосоциальную систему.

Иными словами, сетевая модель «голубой» экономики дополняет стратегию GG принципом «нулевых отходов», который, в отличие от принципа «нулевого роста», означает устранение из технологического процесса любых материалов, которые не могут быть использованы повторно, а на уровне экономической подсистемы он предполагает генерирование новых бизнес-моделей и формирование новой корпоративной культуры. Г. Паули уверен, что настоящие предприниматели предпочитают переход к прогрессивному устойчивому развитию вместо консервации потребления и остановки экономического роста, снижения затрат и уклонения от рисков [21, с. 18–19].

Согласно базовым положениям концепции «зеленого роста», новая технологическая революция должна обеспечить долгую волну экономического роста за счет синергетического симбиоза высокотехнологичного индустриального общества и экосистем Земли. Все варианты экологической модернизации, разрабатываемые в рамках этой концепции, созвучны идее коэволюции общества и природы, которая трактуется как социально управляемый процесс экологически сбалансированного социоприродного развития. Неся ответственность за стабильное функционирование экосистем планеты, человечество, опираясь на комплекс научно-технологических и организационно-управленческих решений, должно научиться конструировать свои ресурсные циклы таким образом, чтобы непреднамеренные побочные эффекты не выходили из-под контроля, порождая глобальную катастрофу.

Важной мировоззренческой особенностью концепции GG является оптимистическое видение перспектив социального и научно-технического прогресса, вера в творческие способности человечества. Ее идеи и положения соответствуют ценностным установкам европейской культурной традиции, среди которых можно выделить: социальный оптимизм, гуманизм, вера в общественный прогресс и науку, приоритетность инноваций, безграничные возможности творчества, безусловная значимость свободы, равенства и социальной справедливости, ценности человеческого достоинства, безопасного и свободного развития личности, здоровья и благополучия, а также солидарности и взаимопомощи.

Вместе с тем они требуют пересмотра линейных моделей прогресса, включая отказ от неолиберальных постулатов, согласно которым капитал не имеет национальности, а инвестиции в социальные программы тормозят экономический рост. Эти концепции критикуют принципы утилитарно-прагматического технократизма, требующего «производить, использовать, распоряжаться», или господствовать над природой. Скомпрометировавшие себя экокфобные ориентации предлагается заменить на идею коэволюции и логику глобального рециклинга, которые должны стать естественным способом человеческого мышления. Основным отличием данных интерпретаций «sustainable development» от алармистских призывов к остановке роста является иной антропологический аргумент – вместо утверждения о близорукости людей, акцент сделан на человеческую изобретательность и конструктивность.

Заключение. Подводя итог сравнительному анализу конфликтующих интерпретаций парадигмы устойчивого развития, следует отметить, что в их основе обнаруживает себя бинарная структура человеческого мышления. Дилемма «Growth vs De-Growth» является современной версией прежних альтернатив, постоянно возникавших на исторических перекрестках развития аграрных, традиционных обществ. Сталкиваясь с различными формами социально-экологической нестабильности, они тоже были вынуждены выбирать различные пути в будущее: экстенсивный (предполагающий ведение захватнических войн и расширение территории) либо интенсивный (направленный на технологический прогресс и оптимизацию форм социальной организации); горизонтальный (экстравертный, направленный вовне, на покорение пространства и его социализацию), либо вертикальный (интровертный, антропологически центрированный на духовном, направленный на изменение сознания и поведения, инкультурацию человека). Этот ряд можно продолжать, но его переменные зависят от специфики каждого конкретного культурно-исторического типа. В эпоху глобализации подобные альтернативы часто выступают в форме бинарных фреймов, воспроизводимых глобальными СМИ, давно медиатизировавшими науку, политику и повседневную жизнь современного человека. Они актуализируют в нашем сознании ценностную амбивалентность проекта модерна, а точнее – фаустовскую дилемму западной культурной традиции.

Подходя к рубежу первой четверти XXI века, человечество стоит перед неоднозначностью ответа на вопрос: чем будет для нас эпоха постсовременности? Разрушительная или созидательная сторона модерна возьмет верх? Бинарная структура человеческого мышления, как и ценностная амбивалентность традиционных оснований европейской культуры, несмотря на постмодернистские попытки ее критики, деконструкции и плюрализации, по-прежнему имплицитно воспроизводится в ментальном измерении современных научных, экологических и политических дискурсов. Представляется, что сама возможность выбора, обеспечивающая множественность векторов интерпретации альтернатив развития, является непременным условием сохранения и выживания планетарной цивилизации.

Список литературы

1. Фактор 5. Формула устойчивого роста: доклад Римскому клубу: пер. с нем. / Э. У. фон Вайцзеккер [и др.]. М.: АСТ-Пресс, 2012. 366 с.
2. Вайцзеккер фон Э. У., Ловинс Э. Б., Ловинс Л. Х. Фактор четыре. Затрат – половина, отдача – двойная: Новый доклад Римскому клубу. М.: Academia, 2000. 399 с.
3. Гор Э. Земля на чаше весов: Экология и человеческий дух / пер. с англ. И. А. Вишневской, В. С. Киргизова. М.: ППП, 1993. 431 с.
4. Медоуз Д. Х., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста: 30 лет спустя. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. 357 с.
5. Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й. За пределами роста: Предотвратить глобальную катастрофу. Обеспечить устойчивое будущее. М.: Прогресс. Пангея, 1994. 303 с.
6. Пределы роста: доклад по проекту Римского клуба «Сложное положение человечества»: пер. с англ. / Д. Х. Медоуз, Д. Л. Медоуз, Й. Рэндерс, В. В. Беренс III. М.: Изд-во МГУ, 1991. 205 с.
7. Наше общее будущее: доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития (А/42/427) / Г. Х. Брундтланд (пред.) [и др.]; ООН // Официальные документы сорок

второй сессии Генеральной Ассамблеи, 4 августа 1987 г. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>. (дата обращения 04.08.1987).

8. Пестель Э. За пределами роста: Глобальные проблемы современности и деятельность международной организации Римского клуба / общ. ред. и вступ. ст. [с. 5-29] Д. М. Гвишиани. М.: Прогресс, 1988. 268 с.

9. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: итоговый документ саммита ООН по принятию повестки дня в области развития на период после 2015 года // Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года (A/RES/70/1). Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/285/75/PDF/N1528575.pdf?OpenElement>. (дата обращения 21.10.2015).

10. Рифкин Д. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / пер. с англ. В. Ионова. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 410 с.

11. Форрестер Д. В. Мировая динамика: пер. с англ. / под ред. Д. М. Гвишиани, Н. Н. Моисеева. М.: Наука, 1978. 167 с.

12. Хейлбронер Р. Л., Туроу Л. Экономика для всех / пер. и науч. ред. В. П. Бусыгина. Новосибирск: Экор, 1994. 316 с.

13. Шумахер Э. Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / пер. с англ. Д. Аронсона. М.: Изд. дом Высш. школы экономики, 2012. 352 с.

14. Ellwood W. The No-Nonsense Guide to Degrowth and Sustainability. Oxford, UK: New Internationalist, 2014. 192 p.

15. Fücks R. Green Growth. Smart Growth. A New Approach to Economics, Innovation and the Environment / foreword by A. Giddens. London, N.Y.: Anthem Press, 2015. 390 p.

16. Is it Too Late for Sustainable Development? : Dennis Meadows in an Interview with the Magazine of the Smithsonian Museum, published March 16, 2012, accessed November 19, 2014. URL: <http://www.smithsonianmag.com/science-nature/Is-it-Too-Late-for-Sustainable-Development.html?c=y&page=1>. (date of access 19.11.2014).

17. Jackson T. Prosperity Without Growth: Economics for a Finite Planet. Sustainable Development Commission. March 2009. 136 p. URL: http://www.sd-commission.org.uk/data/files/publications/prosperity_without_growth_report.pdf. (date of accesses 30.03.2009).

18. Jackson T. The Post-Growth Challenge – Secular Stagnation, Inequality and the Limits to Growth // CUSP Working Paper Series. No 12. Guildford: University of Surrey, 2018. 39 p. URL: <https://www.cusp.ac.uk/themes/aetw/wp12/>. (date of access 13.05.2018).

19. Jänicke M. Megatrend Umweltinnovation: zur ökologischen Modernisierung von Wirtschaft und Staat. München: Oekom, 2012. 218 s.

20. Maclurcan D. Post Growth Futures Are Already Here (9 July 2012) // Treehugger. Retrieved 2 April 2013. URL: <https://www.treehugger.com/economics/post-growth-futures-are-already-here.html>. (date of access 02.04.2013).

21. Pauli G. Neues Wachstum: Wenn grüne Ideen nachhaltig "blau" werden [=New Growth: When Green Ideas Go "Blue"]. Berlin: Konvergenta, 2010. 248 p.

22. Randers J. 2052: A Global Forecast for the Next Forty Years: a Report to the Club of Rome Commemorating the 40th Anniversary of The Limits to Growth. White River Junction, VT: Chelsea Green, 2012. 416 p.

23. Simon J. L. The Ultimate Resource. Princeton: Princeton University Press, 1983. 432 p.

24. Weizsäcker von E. U., A Wijkman. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. New York: Springer, 2018. 220 p.

25. Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why Greater Equality Makes Societies Stronger / foreword by R. B. Reich. New York (et al.): Bloomsbury Press, 2010. 378 p.

Дата поступления в редакцию 01.02.2019

Авторская справка

АНОХИНА Виктория Валентиновна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dr.v.anohina@gmail.com

UDC 1:316.422.42

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.9

THE CONCEPT OF “GREEN GROWTH” AND ITS ALTERNATIVES

V. V. Anohina

Belarusian State University, Minsk (Belarus)

Introduction. The purpose of this article is to analyze the contradictions of the sustainable development concept. Explicifies the multivalued nature of the term “sustainability” that can have different and often opposing meanings when applied to economic, social and environmental situations.

Methods. The article discusses alternative interpretations of the sustainability, based on the hermeneutic method and a comparative study of various environmentally oriented development strategies (“Green Growth”, “De-Growth”, “Post-Growth”).

Results. Now scientific disputes revolve around the problem of conflict-free combination the following goals of sustainable development: Growth and/or Sustainability, Environmental and/or Economy Equilibrium. Compares the conflicting interpretations of sustainability paradigm in order to reveal differences in their value assumptions and arguments. Discussion around this paradigm is explored by the example of “Green Growth” and “De-Growth” strategies. The possibility of ecological decoupling is justified in the first, whose critical pathos are directed against idea of global equilibrium and the exhaustibility of the planet's resources. The alternative conception justifies the transition to “Post-Growth” economy, which requires a radical restructuring of people's needs and value preferences.

Conclusions. Reveals that so authoritarian “Limits to Growth” conception is opposed to the “Green Growth” transit strategy, the inherent principle of which (“Universe of Opportunities”) based on the Western cultural tradition, faith in scientific and social progress, as well as the creative abilities of people. Justifies that the model of “Green Growth” is more instrumental for transition to truly sustainable development than the concept of “Post-Growth” or “De-Growth” economy.

Keywords: environmentalism; sustainable development; social progress; socio-ecological sustainability ecological decoupling; global equilibrium; limits of growth; green growth; de-growth; post-growth economy.

References

1. Vajczekker fon Je. U., Hargroves C., Smith M. H., Desha C., Stasinopoulos P. Faktor 5. Formula ustojchivogo rosta: doklad Rimskomu klubu [Factor Five: The Formula for Sustainable Growth. A Report to the Club of Rome]: per. s nem., Moscow: AST-Press, 2012, 366 p. [in Russ.]
2. Vajczekker fon Je. U., Lovins A. B., Lovins L. H. Faktor chetyre. Zatrata – polovina, otdacha – dvojnaja: Novyj dokl. Rim. klubu [Factor Four. Doubling Wealth, Halving Resource Use: The New Report to the Club of Rome], Moscow: Academia, 2000, 399 p. [in Russ.]
3. Gor, Je. Zemlja na chashe vesov: Jekologija i chelovecheskij duh. [Earth in the Balance: Ecology and the Human Spirit], per. s angl. I. A. Vishnevskoj, V. S. Kirgizova, Moscow: PPP, 1993, 431 p. [in Russ.]
4. Meadows D. H., Randers J., Meadows D. L. [Limits to Growth: The 30-Year Update], Moscow: BINOM. Laboratory of Knowledge, 2013, 357 p. [in Russ.]

5. Medouz D. H., Medouz D. L., Randers J. Za predelami rosta: Predotvratit' global. katastrofu. Obespechit' ustojchivoe budushhee [Beyond the Limits: Confronting Global Collapse, Envisioning a Sustainable Future], Moscow: Progress. Pangeja, 1994, 303 p. [in Russ.]

6. Medouz D. H., Medouz D. L., Randers J., Berens V. V. Predely rosta: Dokl. po proektu Rim. kluba "Slozh. polozhenija chelovechestva": per. s angl. [The Limits to Growth: A Report for The Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind], Moscow: Izd-vo MGU, 1991, 205 p. [in Russ.]

7. Nashe obshhee budushhee: Doklad Vsemirnoj komissii po voprosam okruzhajushhej sredy i razvitija (A/42/427) [Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development] (A/42/427), G. H. Brundtland (pred.) [i dr.]; OON, *Oficial'nye dokumenty sorok vtoroj sessii General'noj Assamblei, 4 avgusta 1987 g.* [Official documents of the 42th Session of the General Assembly, 4 August 1987]. Available at: <http://www.un.org/en/ga/pdf/brundtland.pdf>. (date of access 04.08.1987). [in Russ.]

8. Pestel' Je. Za predelami rosta: Global. probl. sovremennosti i dejatel'nost' mezhdunar. org. Rim. klub [Beyond the Limit to Growth: A Report to the Club of Rome], obshh. red. i vstup. st. [p. 5-29] D. M. Gvishiani, Moscow: Progress, 1988, 268 p. [in Russ.]

9. Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnja v oblasti ustojchivogo razvitija na period do 2030 goda : Itogovyj dokument sammita OON po prinjatiju povestki dnja v oblasti razvitija na period posle 2015 goda [Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development: The outcome document of the United Nations summit for the adoption of the post-2015 development agenda], *Rezolucija, prinjataja General'noj Assambleej 25 sentjabrja 2015 goda (A/RES/70/1)* [Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015 (A/RES/70/1)]. Available at: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>. (date of access: 21.10.2015). [in Russ.]

10. Rifkin D. Tret'ja promyshlennaja revolucija: Kak gorizontal'nye vzaimodejstvija menjajut jenergetiku, jekonomiku i mir v celom [The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World], per. s angl. V. Ionova, Moscow: Al'pina non-fikshn, 2014, 410 p. [in Russ.]

11. Forrester D. V. Mirovaja dinamika: per. s angl. [World Dynamics], pod red. D. M. Gvishiani, N. N. Moiseeva, Moscow: Nauka, 1978, 167 p. [in Russ.]

12. Hejlbroner R. L., Turou L. Jekonomika dlja vseh [Economics Explained: Everything You Need to Know About How the Economy Works and Where It's Going], per. i nauch. red. V. P. Busygina, Novosibirsk: Jekor, 1994, 316 p. [in Russ.].

13. Shumajer Je. F. Maloe prekrasno. Jekonomika, v kotoroj ljudi imejut znachenie [Small Is Beautiful: A Study of Economics as if People Mattered], per. s angl. D. Aronsona, Moscow: Izd. dom Vyssh. shkoly jekonomiki, 2012, 352 p. (in Russ.)

14. Ellwood W. The No-Nonsense Guide to Degrowth and Sustainability, Oxford, UK: New Internationalist, 2014, 192 p.

15. Fücks R. Green Growth. Smart Growth. A New Approach to Economics, Innovation and the Environment, foreword by A. Giddens, London, N.Y.: Anthem Press, 2015, 390 c.

16. Is it Too Late for Sustainable Development? : Dennis Meadows in an Interview with the Magazine of the Smithsonian Museum, published March 16, 2012. Available at: <http://www.smithsonianmag.com/science-nature/Is-it-Too-Late-for-Sustainable-Development.html?c=y&page=1>. (date of access 19.11.2014).

17. Jackson T. Prosperity Without Growth: Economics for a Finite Planet, Sustainable Development Commission, March 2009, 136 p. Available at: http://www.sd-commission.org.uk/data/files/publications/prosperity_without_growth_report.pdf. (date of Accesses 30.03.2009).

18. Jackson Tim (13 May 2018). The Post-Growth Challenge – Secular Stagnation, Inequality and the Limits to Growth, CUSP Working Paper Series, No 12, Guildford: University of Surrey, 2018, 39 p. Available at: <https://www.cusp.ac.uk/themes/aetw/wp12/>. (date of Accesses 13.05.2018).

19. Jänicke M. Megatrend Umweltinnovation: Zur ökologischen Modernisierung von Wirtschaft und Staat, München: Oekom, 2012, 218 p.

20. Maclurcan D. Post Growth Futures Are Already Here (9 July 2012), Treehugger. Retrieved 2 April 2013. Available at: <https://www.treehugger.com/economics/post-growth-futures-are-already-here.html>. (date of Accesses 02.04.2013).

21. Pauli G. Neues Wachstum: Wenn grüne Ideen nachhaltig “blau” werden [=New Growth: When Green Ideas Go “Blue”], Berlin: Konvergenta, 2010, 248 p.
22. Randers J. 2052: A Global Forecast for the Next Forty Years: a Report to the Club of Rome Commemorating the 40th Anniversary of The Limits to Growth. White River Junction, VT: Chelsea Green, 2012, 416 p.
23. Simon J. L. The Ultimate Resource, Princeton: Princeton University Press, 1983, 432 p.
24. Weizsäcker von E. U., Wijkman Anders. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome, New York: Springer, 2018, 220 p.
25. Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why Greater Equality Makes Societies Stronger, foreword by R. B. Reich, New York (et al.): Bloomsbury Press, 2010, 378 p.

Author's Bio

ANOHINA Victoria Valentinovna, PhD (Philosophy), Docent, Associate Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: dr.v.anohina@gmail.com

Библиографическая ссылка

Анохина В. В. Концепция «зелёного роста» и ее альтернативы // SocioTime / Социальное время. – 2019. – № 2(18). – С. 9-23. – DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.9

ВЫБИРАЯ МЕЖДУ ЭПИСТЕМОЙ И ДОКСОЙ

А. М. Бекарев, Г. С. Пак

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород (Россия)*

Введение. Цель статьи – показать возможность становления гармонии между практическим и теоретическим разумом.

Методы. Исторический метод в рамках философского дискурса. Основные подходы в рамках философского дискурса от Аристотеля до наших дней. Метод герменевтики.

Основные идеи исследования, результаты и их обсуждение. Эпистема есть знание ради знания, есть стремление к знанию не ради чего-то третьего (полезного, выгодного), а ради самого знания. Докса представляет собой практическое знание, полезное для решения повседневных дел. В данной статье поставлена проблема в более широком философском контексте: как найти утраченную гармонию практического и теоретического разума. Постановка проблемы относится к эпохе античной классики. Рассмотрены воззрения Платона, Аристотеля, Эпикура. Господство христианского мировоззрения в Средние века переопределило положение и назначение философии. Философия стала в лучшем случае «служанкой богословия». Уже в эпоху Ренессанса акценты начинают меняться. Достаточно сослаться на взгляды Э. Роттердамского. Положение дел меняется в Новое время. Более уважаемое положение практического разума диктовалось буржуазными соображениями пользы и выгоды. В связи с этим интересны взгляды таких маститых классиков философии, как Ф. Бэкон и Р. Декарт. Победное шествие идей о растущей роли практического разума можно найти в творениях Ж. Руссо и И. Канта. В этом же, но в более утилитарном, смысле представлен протестантский контекст. Веберизм до сих пор выступает хорошей платформой для протестантизации мира. Практический разум современной философии рассмотрен сквозь призму проблем прикладной этики.

Заключение. Поиск мостика между теоретическим и практическим разумом продолжается по сей день и представлен весьма разнообразным веером идей. Современный мир склоняется в пользу доксы, хотя стоит учитывать кантовскую позицию о тождестве теоретического и практического разума.

Ключевые слова: гносеология, докса, естественные потребности, онтология, плоть, эпистема, нус, практический разум, теоретический разум, философия, счастье.

Введение. *ЭПИСТЕМА И ДОКСА. Нет повести печальнее на свете...*, чем поиск философией своего предназначения в этом сошедшем с ума мире. А как всё красиво начиналось ... Философия, в переводе с греческого, означает любовь к мудрости, а статус философа мудреца был заоблачно высок в том обществе и в той культуре, которые существовали благодаря различению эпистемы и доксы. Эпистема есть знание ради знания, есть стремление к знанию не ради чего-то третьего, а ради самого знания. Докса представляет собой практическое знание, полезное для решения повседневных дел. Во времена Сократа, Платона, Аристотеля так естественно выглядела социальная распределенность знания, где уважающий себя свободный гражданин достойным для себя занятием считал получение только такого знания, которое не применимо на практике. Стремление к

доксе пристало лишь низшим социальным слоям, деятельность которых предполагала оплату их труда, в конечном счете, докса – это знание ради получения денег или иной выгоды. Софисты были презираемы прежде всего за то, что брали плату за свои услуги.

Методы исследования. В работе использован исторический метод в рамках философского дискурса.

Основные идеи исследования, результаты и их обсуждение.

В АКАДЕМИИ. Если же от лирики перейти к физике, то предназначение философа Платон видел в управлении государством. Такой вывод следует из короткого диалога «Соперники», философ как обладающим многознанием, везде оказывается вторым, но как многоборец он первый, и ему нет равных в управлении государством. Эта мысль прослеживается на протяжении всего творчества Платона и в «Законах», и в «Государстве». И только философ способен к познанию, поскольку он находится между знанием и незнанием, занимает промежуточное место между богами, которые уже все знают, и невеждами, которые ничего не знают и не прозревают собственного невежества. Нравственные качества философа настолько высоки, что обозначаются как «золото в душе».

В ЛИЦЕЕ. Аристотель рассуждал об этических и дианоэтических добродетелях, сформулировал положение о «добродетельном уме», о высшем наслаждении как созерцании божественного нуса [2]. Он продолжил традиции античного этического рационализма. Стагирит предложил первую классификацию наук, по которой метафизика как познание сущностей и первопричин относится к теоретическим наукам, а этика как учение о добродетелях и счастье – к практическим. Так, по форме было нарушено единство «добродетельного ума», а саморазорванность философии предстала в виде теоретического и практического разума, в виде разума познающего и разума поступающего. Практический разум был подчинен теоретическому, этика производна от познания.

В САДУ ЭПИКУРА. Звездный час практического разума пробил в эпоху эллинизма. Под философией стала пониматься мудрость, которая делает человека счастливым. Так Эпикур выступает в роли учителя жизни, и олицетворяет тот образ жизни, который делает человека счастливым. Мудрость Эпикура доступна пониманию каждого. «Сад Эпикура» был открыт даже для гетер [17]. Он учил, что человеку для счастья достаточно себя самого. Дав тщательный анализ человеческих потребностей, он пришел к выводу, что безусловного удовлетворения заслуживают только естественные и необходимые потребности: в питье, еде, жилище. Они естественны, поскольку существует их предел насыщения. Угрозу человеческому спокойствию и счастью представляют потребности естественные, но не необходимые, такие как любовь к изысканной пище, элегантной одежде, дорогой повозке. Если же человек находится на поводу своих потребностей, которые не являются ни естественными, ни необходимыми, такие как жажда славы, богатства, то о собственном спокойствии и счастье, безмятежном состоянии духа можно забыть. Учение Эпикура в исследования практического разума интересно тем, что онтология и гносеология для него всего лишь средство построения этического учения и не обладают самодостаточностью. Концепция Эпикура может

выступать в качестве эталона востребованности философских построений со стороны отдельного человека, поскольку теоретический разум находится на службе практического. Античная мысль проделала путь от представления знания как добродетели до добродетели как знания о достижения счастья.

В ХРИСТИАНСКОМ МИРЕ. Господство христианского мировоззрения в Средние века переопределило положение и назначение философии. Хотя прошло почти две тысячи лет, полемика Квинта Септимия Флоренса Тертуллиана против философии и философов впечатляет. Тертуллиан противопоставляет философию религии, христиан – философам. Что может быть общего между Афинами и святым Иерусалимом, «между поклонником Греции и кандидатом на небо, суетным искателем земной славы и тем, кто делает веру делом жизни, между торговцем словами и вершителем дел, ... между вором и хранителем истины» [7, с. 48]. Тертуллиан отвергает любую попытку «загрязнить» христианство философией, поскольку вера делает бессмысленной любую доктрину. Напомним его слова из «Плоти Христовой», которая способствовала рождению формулы, выражающей основную идею Тертуллиана: «Credo quia absurdum». «Сын Божий был распят, нет во мне стыда, ибо это постыдно. Божий Сын мертв: это правдоподобно, ибо нелепо. И был он погребен и восстал из гроба: это определено, ибо невероятно». В данном контексте для нас неважно, что несмотря на свои антифилософские приступы Тертуллиан остается в известном смысле стойким, то есть, приверженцем философии. От полного отрицания философии на словах, а не на деле, христианская мысль в лице Аврелия Августина доходит до философствования в вере. Идеи античных философов сами по себе становятся бессильными, они используются Августином как инструмент мышления. Вера не уничтожает и не подменяет разумное понимание, она подвигает его, является движущей силой познания. Вера и разум существуют одновременно, они взаимно дополняют друг друга. Позиция Августина выражается словами «*coqitare cum assenstone*», вера предшествует пониманию, обеспечивая тот строй мысли, который может быть определен как «вера с одобрением» [1]. Для характеристики позиции Августина выкристаллизовалась формулировка «верю, чтобы понимать». Безусловно, для философов представляет особый интерес открытие метафизики душевных глубин и утверждение того, что Я есть такая определенность бытия, которая способна себя знать и любить.

В схоластике проблема соотношения веры и разума трансформируется, её классическим выражением можно считать взгляды Фомы Аквинского о том, что разум в известном смысле предшествует вере, разумное понимание обеспечивает фундамент веры – «понимаю, чтобы верить». Фома Аквинский сформулировал пять доказательств бытия бога, которые стали возможными благодаря существованию философской интеллектуальной традиции. Философия нужна для доказательства бытия Бога, но каков сам Бог – не философского ума дело. Сфера применения философского разума ограничена вопросами гносеологии. Воцарилось религиозное мировоззрение, и регуляторами нравственного поведения выступили библейские заповеди, которыми насквозь пронизаны структуры повседневного мира человека средних веков. Обратимся к анекдоту № 33 из «Римских дея-

ний» Петра Коместра. Некий человек со слезами на глазах жалуется сыну и соседям: «О горе мне, горе! В моем саду растет дерево, которое приносит мне одни несчастья. На этом дереве повесились три мои жены, поэтому я в таком неутешном горе». Его сосед Арий в недоумении и просит три побега этого дерева для того, чтобы у него самого и у его соседей был сук, на котором могли повеситься и его жены. Так и было сделано. Анекдот рассчитан на века. Горе одного уравновешивает юмор другого. Во все времена всякий знает, что так поступать с женами нехорошо [8, с. 151-159].

Получив удовольствие от услышанного анекдота и вдоволь насмеявшись, человек вдруг слышит морализацию автора: «Любезнейшие! Этим деревом был святой крест...». Вот так, ни много, ни мало. Рассказчик осадил, озадачил слушателя, который не ожидал такого поворота дела. Создается впечатление, что смысл анекдота перевернулся, как изменился и настрой слушателя и читателя. Смех обернулся серьезной сосредоточенностью и важным христианским делом. Столь детальный разбор анекдота для нас очень важен и позволяет выявить трехступенчатую аллегорезу в качестве метода понимания текста. В анекдоте слиты воедино три смысла: повседневный (в Средние века он определяется как профанный), аллегорический, выражающий своеобразие средневековой культуры и мистический, религиозный. Деревом оказался святой крест, на котором был распят Христос, и это является напоминанием о страстях Христовых. Средневековому человеку, почти каждому, было понятно, что он ведет по миру трех жен. Это – дочь тела, что зовется сладострастием; дочь мира, которая известна как честолюбие, и дочь дьявола, именуемая гордыней. Эти жены, будучи невестребованными со стороны мужа, вешаются на трех ветвях: сладострастие – на ветви воздержания и целомудрия; честолюбие – на ветви презрения; гордыня – на ветви унижения. Насмешник Арий – истинный христианин. Плачущий же действительно несчастный, поскольку печется о телесной усладе больше, нежели о Духе Святом. На данном примере хорошо видно, что практический разум представлен в двух своих ипостасях как профанный и морализаторский, как повседневный и культурный. Эти две ипостаси не только не совпадают, но и могут контрастировать друг с другом, как в рассмотренном нами средневековом анекдоте.

Став служанкой богословия, философия предстала в виде лишь теоретического разума. Разум же практический есть разум не только нравственный, но и разум повседневный. Утрата философией значимости собственного практического разума, лишила её самодостаточности, самостоятельности.

ВОЗРОЖДЕНЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ РАЗУМА. Олицетворением теоретического разума эпохи Ренессанса является диалектика Н. Кузанского [10] и его работа «Ученое незнание», пантеизм Джордано Бруно и т. д. Нас интересуют в первую очередь трансформации практического разума. Уже из «Божественной комедии» Данте знаем, что в изображении персонажей земные черты преобладают над небесными. Интерес гуманистов направлен к граду земному, а не к граду небесному. Идея создания царства человека, выдвинутая гуманистами, предполагает иное осмысление человека как единства души и тела. Возрожденческая мысль движется в рамках христианского мировоззрения, но создает неожидан-

ные интеллектуальные узоры. Так, христианский тезис о сотворении мира Богом для человека гуманист Манетти заостряет не только против аскетической трактовки человека, но и для представления человека в качестве некоего смертного Бога. Современные философы отмечают, что начиная с эпохи Возрождения, началась «перекачка» атрибутов божественного на человека. Религиозная мораль в принципе не отрицается, но удивительно трансформируется. Человек остается верующим христианином в пределах храма. За пределами храма он свободен и в своей творческой деятельности уподобляется Богу. Вспомним о трех грехах человека, о которых шла речь в средневековом анекдоте, грех перестает быть грехом для ренессансного человека. Сладострастие как дочь тела имеет полное право на существование, честолюбие как дочь мира предстает как импульс творческой деятельности, а гордыня как дочь дьявола трансформируется в творческую индивидуальность, в соревновании творцов за лучшее и наиболее адекватное изображение античности. Возрожденческая мысль не создает принципиально новой этической системы, а, оправдывая свое название, предлагает своеобразный сплав этических идей античных философов и религиозной морали. Моральные и нравственные идеи возрожденческого гуманизма были запечатлены в произведениях искусства и благодаря искусству получали прописку в повседневных практиках.

ПРОТЕСТАНТСКИЙ КОНТЕКСТ. Если возрожденческий гуманизм – это улыбка эпохи, то протестантизм есть её мрачная сосредоточенность. Поскольку мы ведем речь об одной и той же эпохе, то с необходимостью возникает вопрос, о соотношении секуляризации и протестантизма. Является ли секуляризация следствием протестантизма, или, наоборот, протестантизм есть следствие секуляризации? К сожалению, в рамках данной статьи мы не можем представить необходимого обоснования той или иной позиции, обратим лишь внимание на возможность оборачивания, перемены мест между причиной и следствием.

Тенденция высвобождения основных сфер человеческой жизни из-под влияния религии в протестантских странах будет выглядеть несколько иначе. Мартин Лютер заклеил разум «как потаскуху дьявола». Его позиция далеко не проста и не означает торжества невежества и полного отрицания разума. В отличие от католиков, протестанты не допускают разум к Священному писанию, он в лучшем случае бесполезен для веры, а то и просто опасен. В слова Священного писания следует вслушиваться, в текст писания нужно вникать всем сердцем, всей душой. Итак, мы стоим у истоков герменевтического толкования текста. Разум надежный спутник в повседневной жизни и лучший способ достижения успеха в мирских делах, что в свою очередь свидетельствует о богоизбранности индивида. Значимость протестантской этики блестяще раскрыта М. Вебером [6]. Гуманизм Возрождения и протестантская этика, как бы это парадоксально ни выглядело, есть две стороны одной медали, поскольку налицо различие в рамках тождественного. Этический контекст эпохи очерчен вопросом: «Кто виноват в разложении христианской церкви и христианства в целом?» Ульрих фон Гуттен выразил господствующую мировоззренческую позицию. Он заявил, что в разложении христианской церкви вина ложится на служителей клира. Мартин Лютер

заявил: «Моя вина!» Виноват каждый, виноват не только за обман, но и за саму податливость обману, тем самым заложив твердый фундамент для индивидуалистической этики модерна. Заслуживает внимания и ответ, предложенный Э. Роттердамским: «Вина паствы!». Широкое распространение христианства, его завоевания в миру оборачиваются поражением в духе. Его «Похвальное слово глупости» [14], где провозглашаются глупость в качестве украшения нашей жизни и её неуничтожимость в силу наличия чувственной природы человека, насквозь пронизано иронией. Оно приближает нас к скептицизму М. Монтеня и Б. Паскаля.

У Паскаля обнаруживает себя практическая значимость философского разума. Речь идет о знаменитом «пари Паскаля». На что ставить: на «орла» или на «решку»? Дискурс Паскаля интересен тем, что ответ дается нам в ситуации незнания, неведения, неопределенности. Причем ответ, обладающий безусловным достоинством в виде своей практической полезности и применимости в повседневной жизни. Есть Бог или нет, однозначного ответа на этот вопрос не существует. Если Бог есть, а человек ведет себя так, будто его не существует, то он погубит свою бессмертную душу и утратит возможность вечного блаженства. Если Бога нет, а человек признает его существование, то, несмотря на очевидное заблуждение, человек ничего не теряет. Ход рассуждения Блеза Паскаля интересен не только в плане принятия решения в ситуации неопределенности, но и показывает полезность и применимость знаний, полученных в ситуации философского скепсиса. Ответ Паскаля интересен тем, что философское знание удивительно легко вписывается в ткань повседневной жизни и обладает универсальностью [19, с. 551]. Этот случай интересен как проявление органического единства практического и теоретического разума, о чем грезят современные философы, которые осознают утрату своего статуса как властителя дум. Философия теряет свое непосредственное практическое значение в повседневной жизни, остается невостребованной массой повседневных деятелей, превращается в герметическое, закрытое знание, представляющее интерес только для философов.

НОВОЕВРОПЕЙСКИЙ ВАРИАНТ ВЫБОРА. Итак, продолжим беглое исследование проблемы соотношения практического и теоретического разума в истории философии, которая является квинтэссенцией культуры. Не станем вступать в профессиональный спор историков философии, а будем руководствоваться тем, что и Ф. Бэкон, и Р. Декарт стоят у истоков новоевропейского мышления.

Автор «Нового органа» и основоположник методологии опытной науки Ф. Бэкон удивительно последователен в своих взглядах в силу выбранной им методологической позиции. Движение мысли от частного к общему есть метод опытных наук, отныне значимость философского знания осознается опосредованно, через признание научного знания. В его крылатом высказывании «знание – сила» речь идет о научном знании, которое обладает непосредственной практической пользой, поскольку способствует установлению господства человека над природой. Как и в науке, значимость философского знания в повседневной жизни определяется индуктивной методологией. Обобщив некоторое количество индивидуальных повседневных практик, Ф. Бэкон дает советы, как строить дом,

как выбирать жену, как расходовать деньги. При желании сохранить существующий уровень достатка необходимо лишь половину дохода тратить на собственное потребление. При желании увеличить достаток на личное потребление соответственно тратить лишь четверть всего дохода. При этом дела надо вести так, чтобы со стороны казалось, что человек расходует больше, чем выходило по счетам [4]. Ф. Бэкон стоял у истоков той культурной традиции, которая сегодня обозначается «казаться, а не быть».

Ключом к пониманию соотношения теоретического и практического разума является предложенная им классификация наук. Он представил человеческое знание в виде дерева (корни дерева – метафизика, ствол дерева – физика) и назвал три ветви дерева, которые способны приносить плоды, то есть иметь непосредственную практическую пользу: механика, медицина и этика. Практический разум философии представлен в виде этики. Практическая значимость этики очевидна, если она прописана в структурах повседневности. И Бэкон, и Декарт признают необходимость философии для людей, занимающихся наукой, а значимость этики – для всех, поскольку она формирует моральное сознание и регулирует нравственное поведение.

ПОД ЗНАКОМ РЕВОЛЮЦИИ. Апогей влияния философии на ход исторического развития связан с Великой французской буржуазной революцией. И. Кант назвал революцию 1789 года совершеннолетием человечества. Общепризнанная точка зрения рассматривает философию французского просвещения в качестве теоретической основы революции, выработавшей новые идеалы и ценности. Представляется, что столь впечатляющая роль философии обусловлена единством теоретического и практического разума. В ходе революции трансформировалась культура, выработаны новые идеалы общественного устройства и новая жизнеутверждающая мораль. Знакомство с работой Ж. О. де Ламетри «Искусство наслаждения, или Школа сладострастия» не требовало специальной подготовки. Влияние революционных событий во Франции на современников трудно переоценить. Мощное дыхание революции соседней с удивительной силой отразилось в немецкой философии. Под влиянием идей Ж.-Ж. Руссо кардинально изменились этические взгляды И. Канта. До знакомства с работой Руссо «Эмиль» [15] Кант придерживался классической традиции, сформированной ещё в античности, которая устанавливала зависимость нравственности от знаний и образования. Сам Кант признается, что Руссо исправил его. «Перед простым скромным гражданином, в котором я нахожу столько мужества характера, сколько не нахожу в самом себе, склоняется мой дух» [9, с. 311]. Понятия чистого разума, теоретического и практического разума ввел в научный и философский обиход И. Кант. Немецкий философ постоянно подчеркивает, что ведет речь об одном и том же чистом разуме, только по-разному примененным. Теоретический разум призван дать ответ на вопрос: «Что я могу знать?», а практический разум: «Что я должен делать?». Теоретический разум в своем стремлении познать мир выходит за свои пределы и запутывается в неразрешимых противоречиях. Последнее обстоятельство не имеет существенного значения для разума практического. Как отмечает А. А. Гусейнов [7, с. 124-135], у Канта не свободная воля предшествует

моральному закону, а моральный закон является источником свободной воли человека. Моральный закон дан человек, по мысли Канта, априори. «Звёздное небо надо мной и моральный закон во мне» – две заповеди одного и того же разума, но непосредственная связь между ними отсутствует. Разрыв теоретического и практического разума узаконил И. Кант.

Для XIX века вопрос о предназначении философии и её роли в жизни общества и культуры далеко не праздный. В эту эпоху даны три наиболее значительных ответа на вопрос. Прагматизм в лице Ч. С. Пирса исходит из примата практического разума перед теоретическим [13]. Истиной является то, во что мы верим, в конечном счете, важна наша готовность действовать. Пирс настаивал на принципиальной погрешимости человеческого знания и рассматривал его в качестве необходимого элемента адаптации индивида к окружающей среде. Позитивизм устами О. Конта провозгласил «Долой философию! Наука сама себе философия!». Человечество находится на такой стадии интеллектуальной эволюции человечества, когда нужны позитивные, а не метафизические знания. Позитивизм завершает зародившуюся в Новое время традицию – признавать практическую значимость философии для научного знания. Позитивизм признает методологическую функцию философии и отрицает мировоззренческую. Представители логического позитивизма функции философии ограничивали анализом высказываний, поиском способов соединения и обобщения протокольных предложений.

В тезисах К. Маркса «О Фейербахе» отчетливо сформулировано требование к философии: «Философы различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [11]. Практическая значимость философии должна реализоваться в качестве философской мотивации социальных действий. В гносеологическом плане марксисты следовали той традиции, которая сложилась в Новое время. Философия не имеет непосредственного выхода к реальности, её значимость опосредована научной деятельностью.

В XIX веке были предложены два оригинальных решения. Позитивизм провозгласил себя философией науки, заложил основы философии науки, которые получили свое развитие в современной философии науки. Марксистская же философия стала претендовать на звание научной философии, причем в единственном числе. Только методология диалектического материализма в состоянии обеспечить развитие научного знания, цель которого в достижении истины. Это не самое главное. Суть марксизма в материалистическом понимании истории.

К моменту разработки марксистского учения широкое распространение получил термин идеология, введенный французами. Первая совместная работа К. Маркса и Ф. Энгельса, в которой сформулирована суть материалистического понимания истории, так и называется «Немецкая идеология». Идеология рассматривается ими как искаженное, иллюзорное сознание, поскольку выражает интересы эксплуататорского класса. Посредством идеологии буржуазия обосновывает легитимность собственного существования. Идеология принципиально ложна, поскольку представляет интересы господствующего класса в виде интересов всего человечества. Марксизм не исключение и служит выражением интересов рабочего класса. Предлагается интересный культ мысли.

Рабочий класс в силу своего положения в системе материального производства капитализма заинтересован в прогрессивном развитии всего человечества. Служа интересам рабочего класса, марксизм служит всему человечеству. «Манифест коммунистической партии» заканчивается словами: «Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Таким образом, идеология рабочего класса не является иллюзорным сознанием, это такая адекватная форма общественного сознания, которая соответствует критериям научности и объективности. Социально-философское учение марксизма в виде учения об общественно-экономических формациях является не просто идеологией рабочего класса, а научной социально-философской доктриной. «Теории становятся материальной силой, когда овладевают массами» провозглашается в «Нищете философии». В известном смысле марксизм представляет собой апофеоз практического разума. Практический разум философии воплотился в идеологии советского государства, в рамках которой был создан и «Моральный кодекс строителя коммунизма». Развал Советского Союза не только поставил под сомнение теоретические построения социальной философии марксизма, но и привел к обеднению будущего. Будущего стало мало. Мало потому, что на рубеже веков и тысячелетий нет достойной альтернативы либеральным ценностям, утилитарной морали и рыночной системе хозяйствования.

Заключение. НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ И ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ. Вопрос о пользе философии есть формулировка проблемы в структурах повседневности, в философии он приобретает вид проблемы практического разума, который в своих истоках является философским. Следуя традиции в духе Декарта и Канта, философы продолжают связывать практический разум философии с этикой, которая способна плодоносить. Но является востребованной не этика как таковая, а прикладная этика. Например, биоэтика, техноэтика, инженерная этика. Попробуем очень кратко раскрыть специфику прикладной этики на примере инженерной этики.

В ходе обсуждения проблем инженерной этики на страницах журнала «Ведомости прикладной этики» [7] дело было представлено следующим образом. Традиционная инженерная этика представляется как нравственные требования к правильному выполнению работы. Участники дискуссии пришли к выводу, что предмет инженерной этики очерчен не только правильным выполнением работы, но и выбором правильной работы. Выбор правильной работы может быть только результатом мировоззренческого измерения реальности. Прикладная этика актуализирует не только методологическую, но и мировоззренческую функцию философии. Этика индивида в индивидуализированном обществе представлена моралью успеха и транзиторной этикой, которые воплощают либеральные ценности и не страдают избытком философского содержания. Речь идет о минимальном содержании философского практического разума. Отсюда можно сделать вывод, что этика как философская теория удалена от реальной жизни, так же как и вся метафизика в целом. В современном мире этика как философская дисциплина перестала «плодоносить».

Ряд современных исследователей усматривают пользу философии в значимости социально-гуманитарной экспертизы, в которой участвуют и философы.

Не умаляя важности появления нового знания в ходе экспертизы, не стоит забывать об уязвимости самой экспертизы. Отчаявшись доказать правду, человек в сердцах восклицает: «Бог Вам судья!». Эксперты в отличие от Бога как высшего судьи не обладают презумпцией непогрешимости, тем самым не снимается вопрос: «А судьи кто?...». Намечены определенные подходы к решению проблемы, но это не входит в задачу данной статьи. Мы их только перечислим: экспертиза экспертизы, идеи краудсорсинга, подход П. Фейерабенда [16]. Стивен Фуллер предлагает простое решение проблемы: популяризировать философские, способствовать их распространению среди широких слоев населения демократического общества, что соответствует духу гражданского общества, для которого значима любая индивидуальная позиция [20]. Сформированная же на базе современного философского знания, она становится не просто мнением, а обоснованным убеждением. Но возникает вопрос, который в духе П. Бурдьё может быть сформулирован как степень рефракции философского поля [5]. Всякое поле обладает автономностью, имеет свои средства защиты от дилетантизма. Если согласиться с Пьером Бурдьё и попробовать рассуждать в том же направлении, то не уйти от вопроса о том, все ли философские идеи заслуживают широкого распространения или все-таки есть положения, которые заслуживают внимания лишь со стороны самих философов. Н. Бердяев писал, что философия есть роскошь, и поэтому она не доступна каждому. Ставит ли современная философия перед собой цель – превратиться из роскоши в товар массового потребления благодаря популяризации?

И сюжет, который разработан позитивистами. Философия востребована только в рамках научной деятельности, имеет практическую значимость лишь как философия науки. Однако не все не только ученые, но и сами философы разделяют эту позицию. И. Лакатос в последние годы творчества писал: «Я нахожу затруднительным разделять попперовский оптимизм в отношении того, что лучшая философия науки будет значительной подмогой ученому». Но какую же роль играет философия в науке: царицы наук или служанки позитивного знания? Исследование «полевой» философии в аспекте взаимодействия философов с другими социальными группами, в том числе, и учеными, приводит к выводу о тщетности попыток сохранения чистоты академической философии и опасности социальной вовлеченности философов [18, с. 190]. В данной статье мы попытались поставить проблему в более широком философском контексте: как проблему поиска утраченной гармонии практического и теоретического разума.

Список литературы

1. Августин Аврелий. «О граде божьем» // Столяров А. А. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. 2816 с.
2. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 404-413.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль 1975. 550 с.
4. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1971. 590 с.
5. Бурдьё Пьер О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; отв. ред., предисл. Н. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.

6. Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 656 с.
7. Гусейнов А. А. Прикладная этика – разве она сама не является практикой? // Прикладная этика: «ЖПД практичности». Ведомости. Вып. 32, специальный / под ред. В.И. Бакштгановского, Н.Н. Карнахова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2008. С. 124-135.
8. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. 1. Античность. Санкт-Петербург: Петрополис, 1994. 336 с.
9. Кант И. Критика практического разума. Соч. Т. 4. М.: Мысль, 1965. С. 311-501.
10. Кузанский Николай. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1979. 488 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
12. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка. М.: Гнозис, 1994. 208 с.
13. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 412 с.
14. Роттердамский Э. Похвала глупости. М.: Изд-во художественной литературы, 1960. 166 с.
15. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. 656 с. (Педагогическая библиотека).
16. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе // Личность. Культура. Общество. М., 2009. Т. 11, Вып. 3 (№ 50). С. 85-100.
17. Шахнович М. М. Сад Эпикура: Философия религии Эпикура и эпикурейская традиция в истории европейской культуры. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 284 с.
18. Шибаршина С. В. «Полевая» философия и проблема взаимодействия между философами и различными социальными группами // Цифровой ученый: лаборатория философа. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2018. № 1. С. 190-207.
19. Paskal V. Oeuvres. Paris, 1963. P. 551.
20. Fuller Steve, Collier James H. Philosophy, rhetoric, and the end of knowledge a new beginning for science and technology studies. 2nd ed. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2004.

Дата поступления в редакцию: 12.02.2019

Авторская справка

БЕКАРЕВ Адриан Михайлович, доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия). E-mail: adrian.bekarev@yandex.ru

ПАК Галина Станиславовна, доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия. E-mail: galinapak5@gmail.com.

UDC 165. 6/. 8

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.24

BY CHOOSING BETWEEN EPISTEM AND DOCS

A. M. Bekarev, G. S. Pak

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod (Russia)

Introduction. The goal is showing of possibility of harmony between theory and practice mind.

Methods. Historical method in the frame of philosophy discourse. Hermeneutics method.

Results. Epistem is knowledge for knowledge. It is knowledge for a pleasure. It is luxurious knowledge. A Docs is practical knowledge, useful for solving routine business. It is attempt to state a philosophy problem as seek harmony between theoretical and practical mind. The problem was establish

in antic time. There are considered concepts of Platon, Aristotle and Epicur in Greek philosophy. In Christian period a sense of philosophy was changed. Its function was to serve for theology. But in time of Renaissance position of philosophy was changed. One can think about a praise of folly by E. Rotterdam. In New Time the situation became another one. Concepts of F. Bacon and R. De Kart paid the most attention. A victory of practical mind was in concepts of J. Russo and I. Kant. Protestant context was considered and connected with name of M. Weber. The name of Weber is popular nowadays especially. A practical mind of modern philosophy was considered on a base of applied ethic.

Conclusions. One made conclusion that a bridge between practical and theoretical mind is seek nowadays and has some solving. But modern world prefers docs. And one has to count the point of view of I. Kant about equil of theoretical and practical mind.

Keywords: epistemology; docs; natural needs; ontology; body; episteme; us; practice mind; theoretical mind; philosophy; happiness.

References

1. Avgustin Avrelij. "O grade bozh'em" [About the city of God], A. A. Stolyarov, *Novaja filosofskaja jenciklope-dija: v 4 t.* [New philosophical encyclopedia: in 4 vol.], pred. nauch.-red. soвета V. S. Stjopin. 2-e izd., ispr. i dop, Moscow: Mysl', 2010, 2816 p.
2. Platon. Dialogi [Dialogues], Moscow: Mysl', 1986, pp. 404-413.
3. Aristotel'. Sochinenija: v 4 t. [Compositions: in 4 vol.], Vol. 1, Moscow: Mysl', 1975, 550 p.
4. Bjekon F. Sochinenija: v 2 t. [Compositions in 2 vol.], Vol. 1, Moscow: Mysl', 1971, 590 p.
5. Burd'jo. P'erO televidenii i zhurnalistike [Piero television and the journalism], per. s fr. T. Anisimovoj, Ju. Markovoj; otv. red., predisl. N. Shmatko, Moscow: Fond nauchnyh issledovanij "Pragmatika kul'tury", Institut jeksperimental'noj sociologii, 2002, 160 p.
6. Veber M. Izbrannoe. Protestantskaja jetika i duh kapitalizma [Protestant ethics and spirit of capitalism], Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015, 656 p.
7. Gusejnov A. A. Prikladnaja jetika – razve ona sama ne javljaetsja praktikoj? [Applied ethics – unless she is not practice?], *Prikladnaja jetika: «KPD praktičnosti». Vedomosti. Vyp. 32, special'nyj* [Applied ethics: "Practicality efficiency". Sheets. The issue 32 special], pod red. V.I. Bakštanovskogo, N.N. Karnauhova. Tjumen': NII PJe, 2008, pp. 124-135.
8. Reale Dzh., Antiseri D. Zapadnaja filosofija ot istokov do nashih dnei. 1. Antichnost'. Saint Petersburg "Petropolis" [The western philosophy from sources up to now. 1. Antiquity. Saint Petersburg, shopping Mall Petropolis], 1994, 336 p.
9. Kant I. Kritika praktičeskogo razuma, Soch. [Criticism of practical mind, Soch.], Vol. 4, Moscow: Mysl', 1965, pp. 311-501.
10. Kuzanskij N. Sochinenija: v 2 t. [Compositions: in 2 vol.], Vol. 1, Moscow: Mysl', 1979, 488 p.
11. Marks K., Jengel's F. Sochinenija [Compositions], Vol. 3, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo političeskoj literatury, 1955.
12. Neretina S. S. Slovo i tekst v srednevekovoj kul'ture. Istorija: mif, vremja, zagadka [A word and the text in medieval culture. History: myth, time, riddle], Moscow: Gnozis, 1994, 208 p.
13. Pirs Ch. S. Izbrannye filosofskie proizvedenija [Chosen philosophical works], Moscow: Logos, 2000, 412 p.
14. Rotterdamskij Je. Pohvala gluposti [Nonsense praise], Moscow Izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1960, 166 p.
15. Russo Zh.-Zh. Pedagogičeskie sochinenija: v 2 t [Pedagogical compositions: in 2 vol.], Vol. 1, Moscow: Pedagogika, 1981, 656 p. (Pedagogičeskaja biblioteka).
16. Fejerabend P. Nauka v svobodnom obshhestve [Science in free society], *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo* [Personality. Kultura. Society], 2009, Vol. 11, Is. 3 (No. 50), pp. 85-100.
17. Shakhnovich M. M. Sad Epikura: Philosophy of religion of Epikura and epikurejsky tradition in history of the European culture, Saint Petersburg: Publishing house Saint Petersburg un-t, 2002, 284 p.
18. Shibarshina S. V. "Polevaja" filosofija i problema vzaimodejstvija mezhdju filosofami i razlichnymi social'nymi gruppami ["Field" philosophy and problem of interaction between philosophers and various social groups], *Cifrovoj učenij: laboratorija filosa* [Digital scientist: laboratory of the philosopher], Nizhnij Novgorod: NNGU, 2018, No. 1, pp. 190-207.

19. Paskal B. Oeuvres, Paris, 1963, p. 551.

20. Fuller Steve, Collier James H. Philosophy, rhetoric, and the end of knowledge a new beginning for science and technology studies, 2nd ed., Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2004.

Author's Bio

BEKAREV Adrian Mikhailovich, Ph.D., Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: adrian.bekarev@yandex.ru

PAK Galina Stanislavovna, Ph.D., Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: galinapak5@gmail.com

Библиографическая ссылка

Бекарев А. М., Пак Г. С. Выбирая между эпистемой и доксой // SocioTime / Социальное время. – 2019. – № 2(18). – С. 24-36. – DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.24

УДК 167.7

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.37

ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Д. А. Журенков

Институт философии, Российская академия наук, Москва (Россия)

Введение. Научная проблема выявления особенности философско-методологического анализа опыта научно-технического развития Китая является актуальной в связи с тем, что содержание и область исследования проблемы способствует решению задачи методологии науки и техники, связанной с дискуссией об антропном принципе. Ставится вопрос о новых философских моделях развития цивилизации. Целью исследования является построение базиса философско-методологического анализа опыта научно-технического развития Китая.

Методы. Методом исследования является постнеклассическая научная рациональность, используются кибернетический и дискурсивный подход, принцип конфигурации.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В статье исследованы актуальные аспекты построения современной научной картины мира, обозначены тенденции синтеза знаний в контексте развития научной рациональности (классической, неклассической, постнеклассической). Выдвинут тезис об особенности опыта научно-технического развития Китая. Предложена методология анализа опыта его научно-технического развития, базирующаяся на принципах постнеклассической научной рациональности. Методология конструирует модель антропного принципа. Построенный философско-методологический базис анализа научно-технического развития Китая выдвигает общеметодологическую задачу выявить сущность, формы и содержание его научно-технического развития, исследовать современные аспекты методологии науки и техники Китая.

Заключение. В современной науке складывается новая картина мира, эксплицирующая философско-мировоззренческое отношение к антропному принципу. В настоящей статье рассмотрены особенности философско-методологического анализа базовых концептов традиционной китайской культуры, связанных с антропным принципом. Разработанная методология как модель антропного принципа выступает основой исследования опыта научно-технического развития Китая. Теоретическая и практическая значимость предлагаемой методологии заключается в развитии интеркультурной коммуникации и расширении взаимопонимания цивилизаций.

Ключевые слова: китайская цивилизация, концептуальный уровень, постнеклассическая научная рациональность, техногенная и традиционная культура.

Автор выражает искреннюю признательность д-ру филос. наук, проф. В.Э. Войцеховичу, д-ру филос. наук, проф. В.М. Розину, канд. филос. наук С.М. Конновой за ценные консультации. Выражаю особую благодарность своему научному руководителю д-ру психол. наук, проф. В.Е. Лепскому за помощь в планировании и проведении исследования.

Введение. Китайская цивилизация является единственной из уцелевших крупнейших древних мировых культур. В ее основе лежат принципы высокого достоинства, а философско-методологическая доктрина, изложенная в древности, развивается согласно ведущей идее самосовершенствования и саморазвития,

создавая образ жизни и формы управления, отличающиеся качеством системности. Китайская мысль фундаментально многообразна, аргументативна и полемична; в классическом китайском письменном языке есть потенциал для многих форм рациональности [12]. В начале XX века Ху Ши предложил: «смело выдвигать гипотезы и тщательно искать подтверждения», «больше говорить о проблемах и меньше говорить об идеологических “-измах”». Его тезисы положили теоретическое начало возрождению философии науки и техники Китая в XX веке.

Научная проблема определения особенности философско-методологического анализа опыта научно-технического развития Китая является актуальной, ее содержание и область исследования во многом способствует пониманию антропного принципа. Антропный принцип – один из фундаментальных принципов современной космологии, который фиксирует связь между крупномасштабными свойствами нашей Вселенной (Метагалактики) и существованием в ней человека, наблюдателя¹. Поставленная проблема имеет связь с важнейшими задачами методологии науки и техники. *Объектом познания* выступает культурно-исторический феномен – научно-техническое развитие, а *предметом исследования* является социокультурная сфера деятельности, определяемая опытом научно-технического развития Китая как одной из древнейших цивилизаций человечества. Антропный принцип, развиваемый в исследуемом предмете, выдвигает научную задачу становления, развития и анализа новых базовых моделей предмета исследования в условиях научно-технического прогресса, современных достижений науки и техники, определение их смысла и значения. *Цель исследования* – построение основы философско-методологического анализа опыта научно-технического развития Китая. *Теоретическая значимость* в том, что исследуются исторически сложившиеся и своеобразно проявляющиеся в современных условиях всесторонние и многообразные взаимодействия философии, науки, техники и технологии, способствующие взаимопониманию народов и культур.

Интеркоммуникация в сфере науки и техники имеет высокий прогностический и объяснительный потенциал. Философский и методологический поиск на основе культурных реалий расширяет понимание опыта, науки и техники. Новые формы движения методологии внедряются в ноосферу. В проблемном поле исследуемого предмета в свете антропного принципа обосновывается прежде всего ответственность философии науки и техники, формируются новые смыслы исследовательской деятельности. Современные взгляды на исследуемую проблему и методологические трудности при разработке данной темы позволяют выделить нерешенный вопрос в пределах общей проблемы, обусловленный интересубъективностью, качеством преемственности опыта.

В рамках настоящего исследования ключевыми для нас являлись следующие источники. Прежде всего, это исследования китайского методолога науки и техники Бао Оу, посвященные анализу исторических этапов и современного состояния философии науки и техники в Китае [1] и фундаментальные работы по истории китайской философии А. И. Кобзева [10]. В социально-политическом аспек-

¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1–4. М.: Мысль, 2010. 2816 с.

те исследования проблемы следует отметить работы В. Г. Бурова, здесь выявляется особенность пути Китая на современном этапе, определяется значение развития Китая для России, исследуется динамика ценностей [2-5]. Ценностные ориентиры исследования проблемы хорошо обозначены Д. Мораном: «Китай имеет впечатляюще длительную историю философии и воспитания мудрости, что внесло огромный вклад в мировое наследие. Я искренне надеюсь, что <...> возобновится всемирный интерес к китайской философии, а философы Востока и Запада обратят внимание на проблемы мира, обогащая его новыми взглядами и подходами» [11]. В социально-экономическом аспекте философско-методологического анализа науки и техники Китая актуальны работы А. В. Виноградова, А. И. Салицкого и Е. А. Салицкой [13, 14]. Рядом российских ученых [9, 18] разрабатывается цивилизационный подход к исследованию проблемы. В этом подходе новым ракурсом является ноологический метод, развиваемый А. Г. Дугиным [6]. Социально-гуманитарный аспект исследования проблемы потребовал обращения к текстам Е. А. Торчинова [19], учению о гуманности Тань Сы-Туна [20], философским размышлениям Яу Шинтуна и Стива Надиса [21], некоторым аспектам компьютерного искусства современных китайских художников (digital art) [26]. Новые источники научно-технического развития и экономического роста Китая, человеческий капитал, инновации и технологические изменения также отражены в ряде экспертных докладов [15, 22-25].

Методы исследования. Исследование основывается на постнеклассической научной рациональности, используются кибернетический и дискурсивный подходы, а также принцип конфигурации. Определение смыслового ядра, конструирование предметной реальности, определение смыслового поля составляют этапы моделирования исследуемой проблемы.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В данной статье обосновывается тезис об особенностях опыта научно-технического развития Китая и предлагается модель исследования поставленной проблемы, включающая смысловое ядро, парадигмальный образец, интеркультурную коммуникацию, коммуникативную модель, взаимосвязь Востока и Запада, конструирование предметной реальности, понятия тип, опыт, дискурс, концепт «дискурсивная стратегия».

Исходя из методологии постнеклассической научной рациональности [16, 17], модель исследования проблемы является моделью *антропного принципа* и описывается в следующем порядке. Выбор установленной философско-мировоззренческой позиции дает возможность выделить в качестве *смыслового ядра* исследования поставленной проблемы набор исходных конструктов или сущностных связей познаваемого объекта. Образующие ядро *конструкты* являются первым этапом моделирования исследуемой проблемы, выступающим системно-образующим фактором объективного знания, формирующегося по принципу конфигурации не в одной, а нескольких языковых системах – в *интеркультурной коммуникации*. Интеркультурная коммуникация раскрывает особенность постиндустриального, информационного общества XXI века – использовать *парадигмальные образцы* как образцы методологии и технологии. Парадигмальный

образец является компонентой опыта научно-технического развития Китая. *Коммуникативная модель* парадигмального образца имеет концепты network («сеть»), power («власть»), gatekeeper («конструкт») и в противоположно направленных формах движения, всеобщности и обособления, приводит к различным последствиям интеркультурной коммуникации, одним из последствий является сетевая форма как интеркоммуникация в общих переходных формах культуры: веры, воли, власти [7, 8]. Постнеклассическое определение сетевой формы формируют понятие философской веры К. Ясперса, проблема волевого мышления постигать общий характер событий в немецкой классической философии, понимание границ предмета и определение власти философией жизни. Способность выбора является принципиальной составляющей коммуникативной модели и может быть описана по принципу свертывания (Н. Кузанский). Выбор принадлежит внутреннему, жизненному миру, реальной виртуальности, формирующейся в интеркоммуникации [7, 8]. Понятие виртуальной реальности позволяет провести следующий этап моделирования исследуемой проблемы, развивая принцип антропности в конструировании предметной реальности.

Конструирование предметной реальности является следующим этапом моделирования исследуемой проблемы, определения опыта: рационализм обосновывает, что бытие есть понятие мысли и как понятие мысли бытие постижимо ею. Постижимость бытия мыслью приводит к содержательному мышлению о нем и познанию его в области опыта; методологическим моментом опыта является самосознание, определяющее статус идеи конструирования предметной реальности. В методологии конструирования предметной реальности ведущей служит идея мира – форма согласования различных уровней взаимосвязи бытия и мышления. В идее мира состоит решение основного вопроса философии о бытии и мышлении, поставленного в античной классической философии (Парменид) и на современном этапе предполагающего различные точки зрения, вызывающие философскую рефлексия. Философская рефлексия основного вопроса философии выявляет фундаментальное основание развития – представление, выражающее исходное отношение проблемы и предмета. Общая постановка проблемы переводит представление в состояние идеи. Идея как форма движения истины содержит первичный момент развития. Если фиксируется отклонение от развития, то приходит мысль осознать форму движения: если движение соответствует идее, то отмечается нормальное развитие; если движение не соответствует идее, фиксируется критический момент развития; рефлексия выявляет типологию; развитие совершается под воздействием понятия тип; в связи с этим первым понятием конструирования предметной реальности является *тип*. В категориальной связи пространства и времени философская рефлексия основного вопроса философии выявляет взаимосвязь двух типов Востока и Запада. Философская рефлексия взаимопонимания выявляет линию развития *дискурса* и определяет организацию смыслового поля исследуемой проблемы.

Определение и организация смыслового поля происходит в форме движения проблемы и фиксирования в смысловом ядре предметной реальности, что приводит к *концепту «дискурсивная стратегия»*. Дискурсивная стратегия определяет

ведущие вопросы исследуемой проблемы: сущность, форма и содержание опыта научно-технического развития китайской цивилизации. В проблемном поле дискурса выявляется особенность методологии науки и техники Китая.

Заключение. Сегодня складывается новая картина мира, эксплицирующая философско-мировоззренческое отношение к антропному принципу. В настоящей статье рассмотрены особенности философско-методологического анализа опыта научно-технического развития Китая. Предложенная методология базируется на принципах постнеклассической научной рациональности и создает модель антропного принципа. Теоретическая и практическая значимость предлагаемой методологии заключается в развитии интеркультурной коммуникации и расширении взаимопонимания цивилизаций. Новые формы движения методологии практически внедряются в ноосферу и за ее пределы, формируются новые смыслы. Разработанная методология может стать основой для дальнейших исследований традиционной китайской культуры в контексте постнеклассики.

Список литературы

1. Бао Оу. Философия науки и техники в Китае: история и современность / Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Институт науки, техники и общества Университета Цин-хуа. М.: ИИЕТ РАН, 2014. 416 с.
2. Буров В. Г. Китай: третий путь // Полилог/Polylogos. 2018. Т. 2, № 3. URL: <http://polylog.jes.su/s258770110000052-9-1>.
3. Буров В. Г. Стратегическая веха в истории Китая. К итогам XXI съезда КПК // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 71-88.
4. Буров В. Г. Китай и китайцы глазами ученого. М., 2000. 206 с.
5. Буров В. Г. Рецензия на: Новый шелковый путь и его значение для России. М.: ДеЛи плюс, 2016. 234 с. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2017. № 2. С. 212-216.
6. Дугин А. Г. Ноомахия. Войны ума. По ту сторону Запада. Китай, Япония, Африка, Океания М.: Академический проект, 2014. 551 с.
7. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2004.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
9. Китайская Народная Республика. Политика, экономика, культура. 2014-2015 / ред. С. Г. Лужанин, И. В. Ушаков, С. Б. Уянаев. М., 2016.
10. Кобзев А. И. Китайский путь человечества // Восток. 2016. № 4. С. 16-27.
11. Моран Д. Приветственное слово Президента Международной федерации философских обществ // 24-й Всемирный философский конгресс. URL: <http://wcp2018.pku.edu.cn/zxzc/index.htm> (дата обращения 24.10.2018).
12. Рыков С. Ю. Лики китайской рациональности // Историко-философский ежегодник. 2018. Т. 33. С. 89-118.
13. Салицкий А. И., Виноградов А. В., Салицкая Е. А. Наука и техника Китая: состоявшаяся модернизация // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86, № 2. С. 152-160.
14. Салицкий А. И., Салицкая Е. А. Наука и техника Китая на мировом рынке // Перспективы: электронный журнал. 2015. № 1. С. 66-78.
15. Россия и Китай: инновации и предпринимательство. 2016. 96 с. URL: <http://sk.ru/news/m/wiki/17058/download.aspx>
16. Степин В. С. Философия и методология науки: избранное. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. 716 с.
17. Степин В. С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/136252/>. (дата обращения 01.12.2018).

18. Тезисы докладов XXIII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 24-25 октября 2018 г. М., 2018.
19. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада. Познание запредельного. СПб., 2017. 463 с.
20. Тань Сы-Тун. Учение о гуманности (Жэнь сюэ): избранные главы // Вопросы философии. 2012. № 10.
21. Шинтун Яу, Стив Надис. Теория струн и скрытые измерения Вселенной. СПб.: Питер, 2016. 400 с.
22. China's new sources of economic growth: human capital, innovation and technological change. 2017. Vol. 2. 468 p.
23. China Investment Monitor (2017), RHODIUM. URL: <http://rhg.com/interactive/china-investment-monitor> (Access date: 11.05.2019)
24. China Global Investment Tracker (2018), AEI. URL: <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker>, (access date: 24.10.2018).
25. Findings of the investigation into China's acts, policies, and practices related to technology transfer, intellectual property, and innovation under section 301 of the Trade Act of 1974. March 22, 2018. 215 p.
26. Yang Xueguo, personal website. URL: <http://yangxueguo.artp.cc/cover>. (Access date: 24.10.2018).

Дата поступления в редакцию: 14.02.2019

Авторская справка

ЖУРЕНКОВ Денис Александрович, соискатель Института философии РАН, начальник отдела информационно-аналитического обеспечения ФГУП «ВНИИ «Центр», Москва, Россия. E-mail: dzhurenkoff@mail.ru

UDC 167.7

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.37

**FEATURES OF PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL
ANALYSIS SCIENTIFIC AND TECHNICAL DEVELOPMENT
OF THE CHINESE CIVILIZATION IN THE CONTEXT
OF THE POST-NON-CLASSICAL PARADIGM**

D. A. Zhurenkov

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Introduction. The relevance of the scientific problem associated with the features of philosophical and methodological analysis of the experience of scientific and technological development of China is due to the fact that the content and research area of this problem contributes to the problem of methodology of science and technology related to the discussion of the anthropic principle. The article raises the question of new philosophical models of civilization development. The aim of the study is to build the basis of philosophical and methodological analysis of the experience of scientific and technical development of China.

Methods. The research method is post-non-classical scientific rationality, using a synergetic, discursive approach and the principle of configuration.

Results. The article explores current aspects of building a modern scientific picture of the world, identifies trends in the synthesis of knowledge in the context of the development of scientific rationality

(classical, non-classical, post-non-classical). The thesis about the features of the experience of scientific and technological development of China is put forward. The methodology of analysis of the experience of scientific and technical development of China, based on the principles of post-non-classical scientific rationality. The methodology constructs a new objective reality - a model of the anthropic principle. The constructed philosophical and methodological basis for the analysis of scientific and technological development of China puts forward a General methodological task to identify the essence, forms and content of scientific and technological development of China, to explore modern aspects of the methodology of science and technology of China.

Conclusions. In modern science there is a new picture of the world, explicating the philosophical and philosophical attitude to the anthropic principle. This article discusses the features of philosophical and methodological analysis of the basic concepts of traditional Chinese culture associated with the anthropic principle. Developed methodology as a model of the anthropic principle is the basis for the study of the experience of scientific and technological development of China. The theoretical and practical significance of the proposed methodology lies in the expansion of mutual understanding of civilizations.

Keywords: Chinese civilization; conceptual level; post-non-classical scientific rationality; technogenic and traditional culture.

The author expresses his sincere appreciation to V.E. Voytsehovich, Doctor of Philosophy, V.M. Rozin, Doctor of Philosophy, S.M. Konnova, PhD for valuable advice. I express special thanks to my supervisor, V.E. Lepsky, Doctor of Psychology for many recommendations in planning and conducting this research.

References

1. Bao Ou. *Filosofija nauki i tehniki v Kitae: istorija i sovremennost'* [Philosophy of Science and Technology in China: History and Modernity], Institut istorii estestvoznaniya i tehniki im. S.I. Vavilova RAN, Institut nauki, tehniki i obshhestva Universiteta Cinhua [Institute of History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov RAS, Institute of Science, Technology and Society of the University of Qing-hua], Moscow: IIET RAN, 2014, 416 p.
2. Burov V. G. Kitaj: tretij put' [China: the third way], *Polilog* [Polylogos], 2018, T. 2, No. 3. Available at: <http://polylog.jes.su/s258770110000052-9-1>.
3. Burov V. G. Strategicheskaja vеха v istorii Kitaja. K itogam XXI s'ezda KPK [A strategic milestone in China's history. By the results of the XXI Congress of the CPC], *Novaja i novejschaja istorija* [Modern and contemporary history], 2018, No. 4, pp. 71-88.
4. Burov V. G. Kitaj i kitajcy glazami uchenogo [China and the Chinese through the eyes of a scientist], Moscow, 2000, 206 p.
5. Burov V. G. Recenzija na: Novyj shelkovyj put' i ego znachenie dlja Rossii [The New Silk Road and its Importance for Russia], Moscow: DeLi plus, 2016, 234 p., *Vostok. Afro-Aziatskie obshhestva: istorija i sovremennost'* [East. Asian-African Societies: History and Modernity], 2017, No. 2, pp. 212-216.
6. Dugin A. G. Noomahija. Vojny uma. Po tu storonu Zapada. Kitaj, Japonija, Afrika, Okeanija [Noomakhiya. Wars of mind. On the other side of the West. China, Japan, Africa, Oceania], Moscow: Akademicheskij proekt, 2014, 551 p.
7. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshlenija ob Internetе, biznese i obshhestve [Galaxy Internet: Reflections on the Internet, business and society], per. s angl. A. Matveeva, pod red. V. Haritonova, Ekaterinburg: U-Faktorija (pri uchastii izdatel'stva Gumanitarnogo universiteta), 2004.
8. Kastel's M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura [Information Age: Economy, Society and Culture], per. s angl. pod nauch. red. O. I. Shkaratana, Moscow: GU VShJe, 2000, 608 p.
9. Kitajskaja Narodnaja Respublika. Politika, jekonomika, kul'tura. 2014-2015 [People's Republic of China. Politics, economics, culture. 2014-2015], red. S. G. Luzjanin, I. V. Ushakov, S. B. Ujanaev, Moscow, 2016.
10. Kobzev A. I. Kitajskij put' chelovechestv [Chinese way of mankind], *Vostok*, 2016, No. 4, pp. 16-27.

11. Moran D. Privetstvennoe slovo Prezidenta Mezhdunarodnoj federacii filosofskih obshhestv [Welcome address by the President of the International Federation of Philosophical Societies], *24-y Vsemirnyj filosofskij kongress* [24th World Philosophical Congress]: [sajt]. Available at: <http://wcp2018.pku.edu.cn/zxzc/index.htm> (data obrashhenija 24.10.2018).
12. Rykov S. Ju. Liki kitajskoj racional'nosti [Faces of the Chinese rationality], *Istoriko-filosofskij ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook], 2018, T. 33, pp. 89-118.
13. Salickij A. I., Vinogradov A. V., Salickaja E. A. Nauka i tehnika Kitaja: sostojavshajasja modernizacija [China's Science and Technology: Modernization], *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Journal of the Russian Academy of Sciences], 2016, T. 86, No. 2, pp. 152-160.
14. Salickij A. I., Salickaja E. A. Nauka i tehnika Kitaja na mirovom rynke [China's Science and Technology on the Global Market], *Perspektivy. Jelektronnyj zhurnal* [Prospects. Electronic Journal], 2015, No. 1, pp. 66-78.
15. Rossiya i Kitaj: innovacii i predprinimatel'stvo [Russia and China: Innovation and Entrepreneurship], 2016, 96 p. Available at: <http://sk.ru/news/m/wiki/17058/download.aspx>
16. Stepin V. S. Filosofija i metodologija nauki: izbrannoe [Philosophy and methodology of science. Favourites], Moscow: Akademicheskij proekt; Al'ma Mater, 2015, 716 p.
17. Stepin V. S. Globalizacija i dialog kul'tur: problema cennostej [Globalization and cultural dialogue: the issue of values]. Available at: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/136252/> (data obrashhenija 01.12.2018).
18. Tezisy dokladov XXIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Kitaj, kitajskaja civilizacija i mir. Istorija, sovremennost', perspektivy" [Theses of the reports of the XXIII International Scientific Conference "China, Chinese Civilization and Peace. History, modernity, perspectives"]. Moscow, 24-25 oktjabrja 2018 g.
19. Torchinov E.A. Puti filosofii Vostoka i Zapada. Poznanie zapredelnogo [Paths of East and West philosophy. Knowledge of excessive], Saint Petersburg, 2017, 463 p.
20. Tan' Sy-Tun. Uchenie o gumannosti (Zhjen' sjuje): izbrannye glavy [Teaching about humanity (Zhen xue). Selected Chapters], *Voprosy filosofii*, 2012, No. 10.
21. Shintun Jau, Stiv Nadis. Teorija strun i skrytye izmerenija Vselennoj [String theory and hidden measurements of the universe], Saint Petersburg: Piter, 2016, 400 p.
22. China's new sources of economic growth: human capital, innovation and technological change, 2017, Vol. 2, 468 p.
23. China Investment Monitor (2017), RHODIUM. Available at: <http://rhg.com/interactive/china-investment-monitor> (Access date 11.05.2019).
24. China Global Investment Tracker (2018), AEI. Available at: <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker> (Access date 24.10.2018).
25. Findings of the investigation into China's acts, policies, and practices related to technology transfer, intellectual property, and innovation under section 301 of the Trade Act of 1974. March 22, 2018. 215 p.
26. Yang Xueguo, personal website. Available at: <http://yangxueguo.artp.cc/cover>. (Access date 24.10.2018).

Author's Bio

ZHURENKOV Denis Alexandrovich – Aspirant of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Head of Department of the Information and Analytical Support of the All-Russian Research Institute "Centre", Moscow, Russia. E-mail: dzhurenkoff@mail.ru

Библиографическая ссылка

Журенков Д. А. Особенности философско-методологического анализа научно-технического развития китайской цивилизации в контексте постнеклассической парадигмы // SocioTime / Социальное время. – 2019. – № 2(18). – С. 37-44. – DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.37

УДК 111.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.45

ПРОЛЕГОМЭНЫ К ОНТОЛОГИИ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. С. Краснов*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия)*

Введение. Ситуация, в которой сегодня находится современная философия, оказывается принципиально иной, во многом не сравнимой с различными типами философствования и построения метафизических систем прошлого. Концептуальные изменения и сдвиги в современной философской науке касаются не только пересмотра общей картины мира, но и экспликации новых категорий и принципов, которые лежат в основе формирующегося типа рациональности – *неоклассической философии*. Цель данной статьи – раскрыть основное содержание, рефлексивные модели и потенциал неоклассической философии в контексте формирования новой *онтологии*, отвечающей требованиям современной эпохи. Для реализации поставленной цели необходимо выполнение следующих задач: выявить сущностные черты неоклассической картины мира, определить современный тип детерминизма, выявить основополагающий принцип неоклассической философии, а также определить её основную категорию.

Методы. Несмотря на тот факт, что в современной отечественной философии основным рефлексивным и методологическим вектором исследований как фундаментальных основ, так и различных флуктуаций выступают постструктурализм и after-постмодернизм с присущими им методологическими установками антисистемности, паралогики, иррационализма и общей постапокалиптичности, в современном философском дискурсе начинает формироваться новый запрос на формулирование и разработку новой философской *системы*.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Этот запрос прежде всего детерминирован реалиями современного общества, которое находится в состоянии онтологического разрыва и становления новой системы самоорганизации. Тотальная дигитализация современной жизни, проникновение Интернета и IT-технологий во все сферы и процессы социальной коммуникации, формирование цифровой экономики и глобализации ставят перед философией новую задачу – *критическое осмысление* достижений современного научно-технического прогресса.

Заключение. Становится ясным, что философия в её прежнем виде не обладает адекватным теоретико-методологическим потенциалом и не отвечает вызовам современной эпохи. Становление синергетической картины мира, появление нового типа рациональности, изменения гуманитарной парадигмы лежат в основе формирующейся неоклассической философии.

Ключевые слова: метафизика, онтология, философия, диалектика, неоклассическая философия, синергетика, антропный принцип, фрактал, фрактальность.

Введение. Постмодернистский тип философствования не только артикулировал апокалиптические интенции в философском горизонте через экспликацию «смерти автора», «смерти субъекта», «смерти Бога», своеобразно продолжив религиозную концепцию Апокалипсиса [9, с. 8] и т.д., но также поставил под сомнение само наличное бытие философии не только как области духовно-практической деятельности, но и мировоззренческой матрицы через методологическую установку «смерти философии». Несмотря на явно негативные интенции

постструктурализма, которые были восприняты многими исследователями, тем не менее, стоит отметить, что сама постструктуралистская парадигма явилась неким историческим «ответом» на «рациональный фашизм» (П. Фейерабенд) предшествующей эпохи, в котором сами представители постмодерновой философии усматривали эпистемологические начала Первой и Второй мировых войн. Концептуализация радикального гуманизма в трудах постструктуралистов, несмотря на свою значимость для формирования теоретического обоснования культуры новой эпохи, породила диалектическую противоположность, превратив «рациональный фашизм», по утверждению П. Фейерабенда, в «иррациональный фашизм». Эпистемологические основания постструктуралистской парадигмы также фундаментально изменили сам подход к философии и философским работам, сообразно своим внутренним коррелятам между методологическими установками. И если предшествующая постструктурализму классическая философия эпохи модерна облекалась в наукообразную форму, то с лёгкой руки постмодернистов философия оказалась редуцированной до *литературного жанра*, со всеми наличными для него аспектами и формами выражения. After-postmodernism как поздняя (современная) стадия развития постмодерновой философии замыкает герменевтический круг постструктуралистской риторики в контексте классических установок самой философии эпохи постмодерна.

Методы исследования. В качестве основной методологической парадигмы исследования выступает неоклассическая философская парадигма. Для рассмотрения онтологических характеристик неоклассической философии как обширного объекта исследования используется ряд теоретических методов и установок. К общенаучной методологии необходимо отнести методы: анализа и синтеза, абстрагирования и идеализации, диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному, а также общий принцип следования логике выводимых тезисов. К частнонаучным методам – сравнительный метод, герменевтический метод, структурно-функциональный анализ и т.д.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Развитие цивилизации не может быть основано и онтологически сопряжено только с развитием философии. Философия всегда является рефлексивным отражением эпохи, её зеркалом, в котором процессы и феномены обретают не только статус спекулятивных категорий и понятий, но и служат основой для построения универсальной объяснительной модели, сочетающей в себе сущностно важные элементы картины мира. Классическая философия эксплицирует картину мира в конкретно-исторический период становления и развития в логике, сообразной самому времени, со всеми присущими ему онтологическими характеристиками. Для классической картины мира были свойственны: наличие жёстких причинно-следственных связей, порождающих линейный характер, что приводило к отождествлению причины и следствия, тотальная ретросказуемость и предсказуемость [8, с. 15]. В качестве наглядного примера замкнутой, *пред-*заданной картины мира можно привести схематическое изображение бытия из рукописной книги XII столетия «Thorney Computus» (рис. 1). В центре мироздания находится человек, о чём нам говорят первые четыре буквы, складывающиеся в слово

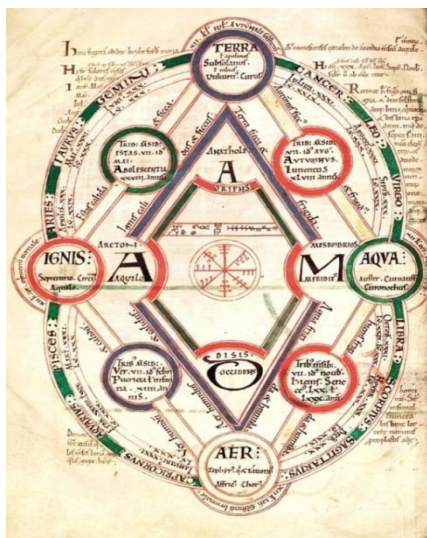

Рис. 1

«ADAM», также символизирующие географические стороны мира. На схеме показаны четыре основных элемента – Terra, Aqua, Aer, Ignis, знаки Зодиака, направления ветров и лунные циклы и различные стадии старения человека.

Доктрина механистического креационизма, безусловно, представляла сам мир более сложным и завершённым в сравнении с Античностью и Средними веками, рационально постигаемым и предсказуемым, но всё же не могла в онтологическом смысле исключить мистическую фигуру Абсолюта. Это было следующим шагом, но в том временном периоде знания философии и естествознания не позволяли этого сделать. В известном смысле механицизм и механицистские интенции в философских доктринах были свой-

ственны и гениальному диалектику Г. В. Ф. Гегелю, и К. Марксу, Ф. Энгельсу, и всей франкфуртской школе. Постмодернистская философия достаточно живо откликалась на онтологическую проблематику, которая была ярко выражена в классической философии, хотя и не имела выстроенной постструктуралистской концептуальной онтологии, что обуславливается внутренним строением и эпистемологическими началами самой постмодерновой рефлексии.

В рамках диалектического подхода к историческому процессу достаточно просто представить, что постструктурализм явился антитезисом предшествующей эпохе. Постструктуралистская элиминация онтологических начал, разрушение горизонтов объективной реальности обозначили бытием самого человека. Радикальный гуманизм постструктурализма в свойственной ему манере радикализировал фигуру «человеческого», обозначив новый «антропологический поворот». Неоклассическая философская картина мира *не* строится на принципе онтологического *разрыва* «старого» и «нового», тем самым отграничивая себя от предшествующих эпох, их идей и установок, что было характерно для прежних философских моделей. Гордиевым узлом артикуляции новой эпистемологической матрицы обнаруживается синергетический подход *как более развитая форма диалектики*. Одним из имманентных принципов неоклассической философской картины мира является сознательный отказ от рационального и иррационального «фашизма» как в онтологическом, так и в антропологическом аспекте. Происходит «рассимволизация Абсолюта» [2, р. 735], полное осознание уникальности и единственности человека – тотальная объективация «несчастливого сознания» (Г. Гегель), но в масштабах всего бытия. Само бытие в рамках неоклассической когнитивной стратегии не представляется конечным и *пред-*заданным, открытым или закрытым. Само бытие, представляемое как сложно-подчинённая единая система, где все элементы неорганической и живой природы

(от вакуумного уровня до мегауровня; от молекулярного до биосферного уровня) находятся в постоянном неразрывном *отношении* друг к другу.

Вопрос о «закрытости» и «открытости» как всей картины мира в теоретико-эпистемологическом модусе, а следовательно, и всего бытия, так и отдельных элементов бытия (от бесконечно малых до бесконечно великих) решается неоклассической философией следующим образом. Само бытие представляется как система «открыто-закрытого» типа. Теоретический потенциал категориальной связки «открытости» и «закрытости» усматривается прежде всего в том, что каждый элемент бытия артикулируется как индивидуально-сущий, во всей своей целостности, уникальности и взаимосвязи с иными элементами. Каждое явление мироздания является одновременно и «закрытым», и «открытым». Концептуально складывается новая модель мышления: любое явление, сущность, феномен одновременно являются «открытыми» друг для друга в том аспекте, что все они находятся в постоянном и непрерывном «*взаимодействии – отношении*» друг с другом, но при этом, сохраняя свою темпорально неустойчивую целостность в процессе движения и развития, постоянного становления в *своё-иное*, артикулируются как «закрытые».

Предшествующие типы детерминизма в истории философии и естествознания были обусловлены как господствующей картиной мира, когнитивным потенциалом самой науки, так и верой в неиссякаемую силу разума. Постструктуралистский тип детерминизма условен, поскольку любая теоретическая и логическая «жесткость» спекулятивного конструкта противоречила фундаментальным основаниям философии эпохи постмодерна, но разработки постструктуралистов в этой области нашли своё применение в неоклассической философии: «... признавая наличие "детерминационных участков" (плато) в общем течении "индетерминационного процесса", этим закладываются некоторые основания и для теории... современного неоклассического типа...» [12, с. 16]. Постструктурализм в логике своего извечного противоречия с классической философией начал разработку имманентного детерминизма. В основе неоклассического типа детерминизма обнаруживается несколько модальных установок – *фрактальность бытия и реализм*. В философский теоретико-методологический инструментарий понятия фрактала и фрактальности как всеобщего свойства природы пришли из работ французского математика Б. Мандельброта [11], доказавшего возможность экстраполяции фрактальной теории не только на сами объекты природы и природные процессы, но и на социально-экономические явления [10, с. 131].

Фрактальность как основополагающий принцип и онтологическое свойство всех элементов бытия расширяет понимание эмерджентных свойств всей целокупной системы. Множество Мандельброта – фрактал (рис. 2) раскрывается в онтологии неоклассической философии в контексте понимания *само-подобия* части к общему целому. Здесь можно увидеть, что общие черты теории фрактальности сочетаются с холистическими тенденциями в классических онтологиях (Аристотель, Г. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, Я. Смэтс, Дж. Холдэйн, Э. Гуссерль и др.) и получают дальнейшую разработку в рамках неоклассической фи-

лософии. Заметим, что *фрактальность* как генеральный когнитивный принцип позволяет также иначе взглянуть на экзистенциальную природу человека, к при-

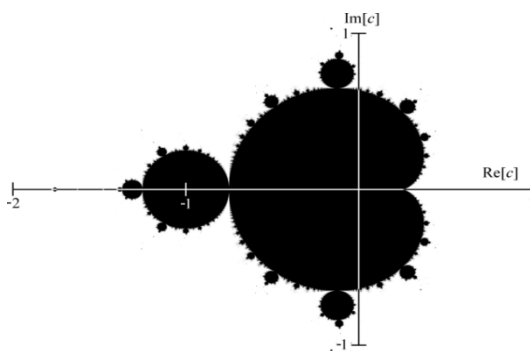

Рис. 2

меру, в области творческой реализации, в которой человек в самом процессе творчества объективирует свою *самость* в объект-предмет своего творчества. В рамках теории фрактальности на сегодня обнаруживается несколько общих подходов, в рамках которых разрабатывается понимание механизма внутреннего взаимодействия, корреляции самих фракталов: «... "аутопоэзис" (феномен воспроизводства жизни, присутствующий бытию); "клинамен" (феномен отклонения атомов от своей отвесной линии, ничем не обусловленной извне, феномен самодвижения на микроуровне); "антропный принцип" (случайно-необходимое наличие феномена человека)». Фрактальность позволяет мыслить само бытие как самосознающее, разумное, объективированное, бесконечное, *несотворённое* целое. В этом векторе мышления можно обнаружить интерпретацию античного $\nu\omicron\upsilon\zeta$, которому Анаксагор, по словам Аристотеля, «приписывает оба качества: и познание, и движение» [5, с. 405].

Реалистический «поворот» в области понимания неоклассического типа детерминизма преодолевает антиномические оппозиции трансцендентальности и имманентизма, исходя из принципа самоорганизации бытия, как самостоятельной самодвижущейся единой системы, обусловленный самой синергетической картиной мира, в которой также разрушается бинарная онтологическая оппозиция «внешнего» и «внутреннего», свойства которых могут быть (лишь условно) приписаны конечным объективированным темпорально-устойчивым (но устойчивым относительно) феноменам и явлениям, которым, как и всему бытию, присуще самодвижение. И если мы отказываемся в методологическом аспекте от всемогущей силы разума, избегая тем самым *сверх*рационалистических интенций, то мы вынуждены признать, что бытие есть «необходимо-случайное». В данной онтологической связке «необходимость-случайность» заключается методологический нерв синергетической картины мира, поскольку с помощью введения в свойства бытия «необходимо-случайного» мы обнаруживаем его в связке с иными понятиями синергетики (флуктуация, аттрактор, бифуркация, нелинейность, диссипация). Метафорически это свойство бытия можно выразить таким образом: всё случайное необходимо, всё необходимое случайно, на манер знаменитого гегелевского выражения «Всё действительное разумно, всё разумное действительно» [7, с. 256]. В ином случае мы отказываем самому бытию в самодетерминации и вновь оказываемся в методологическом тупике между трансцендентализмом и имманентизмом. Так и генезис человека в бытии «необходим и случаен» одновременно. П. Тейяр де Шарден афористично заметил: «Человек

вошёл в мир бесшумно» [15, с. 49]. Наличное бытие человека в мире не явилось для самого мира неким потрясением. Человек всегда был, есть и будет естественной частью мироздания, он не является «венцом Творения», но обладает собственной уникальностью, как и каждый элемент бытия. Все элементы бытия находятся в отношении, о чём мы упоминали несколько раз, их взаимоотношенность и *со-бытие* не могут не вызывать различных изменений друг в друге. Бытие, как это отмечал М. Хайдеггер, вызывает к человеку, и человек даже фактом своего наблюдения за отдельными элементами мироздания оказывает на них *влияние*. Об этом свидетельствует *антропный принцип*, разрабатываемый до недавнего времени преимущественно в космологии А. Л. Зельмановым, Г. М. Иддисом, Б. Картером. Фундаментальный тезис антропного принципа в его сильной формулировке гласит: «Наблюдатели необходимы для обретения Вселенной бытия» [4, р. 27]. Сам факт важности наблюдателя показывает квантовая физика – парадокс Эйнштейна-Подольского-Розена (ЭПР). Связано это с экспериментами в области понимания механизма корпускулярно-волнового дуализма. Для нашего исследования данного замечания достаточно, чтобы предположить, что сам человек-наблюдатель принципиально важен для самого бытия, и даже факт простого созерцания, наблюдения за отдельными элементами мироздания оказывается достаточным, чтобы влиять на всю *систему*. Таким образом, человек в рамках неоклассической философской рефлексии – это «...это *включённый* наблюдатель. Включённость наблюдателя проявляется в неотделимости наблюдателя от наблюдаемого. Поскольку человек является порождением и принадлежностью того же самого посюстороннего бытия, то бытие фактически через человека наблюдает самое себя» [3, р. 16].

Закключение. Человек *онтологически* важен не только для самого себя, но и для бытия. И если мы вводим уникальность как качественную характеристику в само бытие человека, его *онтологическую значимость* и важность, но в то же время признаём его в качестве *равноправного* элемента бытия, откликающегося на его «зов» (М. Хайдеггер), то экзистенциальная сторона человеческого бытия становится принципиально важной в рамках неоклассической философии. Но вместе с экзистенциальным измерением встаёт и иной вопрос – выявление природы *живого* как фундаментальной категории онтологии неоклассического типа. В качестве основной пролегомены к выявлению сущности феномена жизни, живого, следует прежде всего заметить, что мышление в рамках бинарных оппозиций «живое-неживое» хоть и притягательно своей узнаваемостью и простотой, однако не является верным для неоклассической философии. Бытие как сложная, постоянно трансформируемая система, «живое» и «неживое» являются темпорально неустойчивыми и переходящими в «*своё-иное*» феноменами. Сущность живого заключается в том, что «...признаки живого показывают, что живое вечно (равносильно бытию сущего), но существует на различных своих уровнях, формах и состояниях: от свернутого живого или кажущегося при дихотомическом подходе абсолютно «неживого» до предельно развернувшегося живого – человека» [2, р. 737]. Само бытие предстаёт перед нами в образе постоянного перехода из состояний *живого* и *неживого*, при этом всё больше указывая на

центральный нерв всей онтологии неоклассической философии – проблему жизни не только в её онтологическом, сущностном измерении, но и как *экзистенциальную* проблему.

Безусловно, источником самой идеи экзистенциализма в философии послужила тематика «несчастливого сознания» Г. Гегеля, впервые артикулированная им в «Феноменологии духа» [6, с. 4]. Эта тема актуальна и по сей день. Л. Хейде не бесспорно, но достаточно убедительно предполагал, что тематика несчастного сознания Г. Гегеля напрямую коррелирует с гегелевской идеей «смерти Бога» [14], подразумевая под этим полную утрату иллюзорных, преходящих идеалов, открытость самого человеческого сознания миру и обществу, в котором оно, постигая своё одиночество, должно взять на себя ответственность за себя. Эта тематика связывается с новой формой объективации феномена несчастного сознания, но не в рамках социального, а в масштабах всего бытия. Экзистенциальное измерение, некогда присущее только человеку, раскрывается как присущее всему бытию. Это созвучно онтологии М. Хайдеггера, в которой немецкий философ прямо указывал на то, что тематика экзистенции и бытия неразрывно связана: «человек есть пастырь (пастух) бытия» и «человек есть просвет бытия» [13, с. 152]. И если мы признаём человека равноправным всему бытию, то экзистенциальное измерение, во-первых, становится всеобщим свойством всего мироздания, во-вторых, экзистенциальные потребности понимаются как та сила, что движет человеком, в-третьих, всеобщность экзистенциализма и тематики живого и антропного принципа в теоретическом аспекте порождают изменение основного вопроса философии: соотношение *бытия* и *небытия* [1, р. 53]. Глобальные проблемы современности с каждым днём обретают всё более ужасающие формы и масштабы. Поэтому человек, отождествляющий самое себя с целокупным бытием, должен брать на себя ответственность и решать не только экзистенциальные проблемы личного характера, но проблемы самого бытия, источником которых, в том числе, является и человеческая жизнедеятельность.

Список литературы

1. Barrow J. D. Anthropic Definitions // Quarterly Journal of the Royal Astronomical Society. 2007. 146 p.
2. Krasnov A. S., Menchikov G. P. The essence of living in the context of neo-classical understanding // QUID: Investigacion, Ciencia y Tecnologia. 2017. No. 1. P. 734-738.
3. Menchikov G. P., Krasnov A. S. Anthropic principle and "observer of neoclassical type" in contemporary social theory // Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict. 2016. Vol. 20, No. SI 3. P. 14-19.
4. Wheeler J. A. Genesis and Observership // Foundational Problems in the Special Sciences. Dordrecht, 1977. P. 27-43.
5. Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2015. 448 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. под ред. Э. Радлова. СПб., 1913. 376 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мир книги, 2007. 464 с.
8. Дмитриевская И. В. Онтологические модели мира и проблема реальности сознания // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения: сборник научных трудов Ивановского гос. университета. Иваново, 1994. С. 5-18.
9. Косякова В. Апокалипсис Средневековья. Иероним Босх, Иван Грозный, Конец света. М.: АСТ, 2018. 400 с.

10. Мандельброт Б. (Не)послушные рынки: фрактальная революция в финансах. М.: Вильямс, 2005. 400 с.
11. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 656 с.
12. Меньчиков Г. П. Проблема детерминизма и её решения: три типа детерминизма, фрактальный детерминизм. Ч. I // Вестник КГУКИ. 2014. № 1. С. 10-17.
13. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
14. Хейде Л. Автономность и несчастное сознание. Бог умер. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_09/1999_9_01.htm
15. Шарден П. Тейяр де. Феномен человека / предисл. Роже Гароди; пер. с фр. Н. А. Садовского. М.: Прогресс, 1965. 296 с.

Дата поступления в редакцию: 18.02.2019

Авторская справка

КРАСНОВ Антон Сергеевич, кандидат философских наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. E-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru

UDC 111.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.45

PROLEGOMENES TO ONTOLOGY OF NEOCLASSICAL PHILOSOPHY

A. S. Krasnov

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan (Russia)

Introduction. The situation in which modern philosophy finds itself today is fundamentally different, in many respects incomparable with various types of philosophizing and the construction of metaphysical systems of the past. Conceptual changes and shifts in modern philosophical science concern not only the revision of the general picture of the world, but also the explication of new categories and principles that underlie the emerging type of rationality – neoclassical philosophy.

Materials and Methods. Despite the fact that in modern Russian philosophy, post-structuralism and after-postmodernism, with their methodological attitudes of anti-systemic, paralogical, irrationalism and general post-apocalypticism, are the main reflexive and methodological vector of research of both fundamental fundamentals and different fluctuations discourse begins to form a new request for the formulation and development of a new philosophical system.

Results. This request is primarily determined by the realities of modern society, which is in a state of ontological gap and the formation of a new system of self-organization. The total digitalization of modern life, the penetration of the Internet and IT technologies into all areas and processes of social communication, the formation of the digital economy and globalization, pose a new challenge for philosophy – a critical understanding of the achievements of modern scientific and technological progress.

Discussion and Conclusions. It becomes clear that philosophy in its previous form does not have an adequate theoretical and methodological potential and does not meet the challenges of the modern era. The formation of a synergistic picture of the world, the emergence of a new type of rationality, changes in the humanitarian paradigm underlie the emerging neoclassical philosophy. The purpose of this article

is to reveal the main content, reflexive models and the potential of neoclassical philosophy in the context of the formation of a new ontology that meets the requirements of the modern era. To achieve this goal, it is necessary to perform the following tasks: identify the essential features of the neoclassical picture of the world, define the modern type of determinism, identify the underlying principle of neoclassical philosophy, as well as define its main category.

Keywords: metaphysics; ontology; philosophy; dialectics; neoclassical philosophy; synergetics; anthropic principle; fractal; fractality.

References

1. Barrow J. D. Anthropic Definitions, *Quarterly Journal of the Royal Astronomical Society*, 2007, 146 p.
2. Krasnov A. S., Menchikov G. P. The essence of living in the context of neo-classical understanding, *QUID: Investigacion, Ciencia y Tecnologia*, 2017, No. 1, pp. 734-738.
3. Menchikov G. P., Krasnov A. S. Anthropic principle and "observer of neoclassical type" in contemporary social theory, *Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict*, 2016, Vol. 20, No. SI 3, pp. 14-19.
4. Wheeler J. A. Genesis and Observership, *Foundational Problems in the Special Sciences*. Dordrecht, 1977, pp. 27-43.
5. Aristotel'. Metafizika [Metaphysics], Moscow: Eksmo, 2015, 448 p.
6. Gegel' G.V.F. Fenomenologiya dukkha [Phenomenology of the Spirit], per. pod red. E. Radlova, Saint Petersburg, 1913, 376 p.
7. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava [Philosophy of Law], Moscow: Mir knigi, 2007, 464 p.
8. Dmitriyevskaya I. V. Ontologicheskiye modeli mira i problema real'nosti soznaniya [Ontological models of the world and the problem of reality of consciousness], *Filosofiya soznaniya XX veke: problemy i resheniya: sbornik nauchnykh trudov Ivanovskogo gos. universiteta* [Collection of scientific works of Ivanovsky State University], Ivanovo, 1994, pp. 5-18.
9. Kosyakova V. Apokalipsis Srednevekov'ya. Iyeronim Boskh, Ivan Groznyy, Konets Sveta [Apocalypse of the Middle Ages. Jerome Bosch, Ivan the Terrible, End of the World], Moscow: AST, 2018, 400 p.
10. Mandel'brot B. (Ne)poslushnyye rynki: fraktal'naya revolyutsiya v finansakh [(Not) obedient markets: fractal revolution in finance], Moscow: Vil'yams, 2005, 400 p.
11. Mandel'brot B. Fraktal'naya geometriya prirody [Fractal geometry of nature], Moscow: Institut komp'yuternykh issledovaniy, 2002, 656 p.
12. Men'chikov G. P. Problema determinizma i yeyo resheniya: tri tipa determinizma, fraktal'nyy determinizm [The problem of determinism and its solutions: three types of determinism, fractal determinism]. Ch. I, *Vestnik KGUKI*, 2014, No. 1, pp. 10-17.
13. Khaydegger M. Bytiye i vremya [Life and time], per. s nem. V.V. Bibikhina, Khar'kov: Folio, 2003, 503 p.
14. Kheyde L. Avtonomnost' i neschastnoye soznaniye. Bog umer [Autonomy and unhappy consciousness. God died]. Available at: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_09/1999_9_01.htm
15. Sharden P. Teyyar de. Fenomen cheloveka [Human phenomenon], predisl. Rozhe Garodi; per. s fr. N. A. Sadovskogo, Moscow: Progress, 1965, 296 p.

Author's Bio

KRASNOV Anton Sergeevich, PhD, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru.

Библиографическая ссылка

Краснов А. С. Прологомены к онтологии неоклассической философии // Socio Time / Социальное время. – 2019. – № 2(18). – С. 45-53. – DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.45

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ

В. Е. Лепский, Д. А. Журенков, А. М. Савельев

Институт философии, Российская академия наук, Москва (Россия)

Введение. Целью статьи является выявление философско-методологических оснований возрастания роли научной дипломатии в контексте развития научной рациональности, а также исследование наиболее значимых функций научной дипломатии в современных мировых реалиях.

Методы. На основе философского анализа моделей инновационного развития и базовых трендов развития научной рациональности, влияющих на повышение роли научной дипломатии в социальных инновациях, сделан вывод, что в мировом научном сообществе необходимо формирование условий для доминирования новых форм жизнедеятельности, в которых удастся преодолеть эгоизм и осуществить сборку субъектов развития на принципах постнеклассической рациональности.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Рассмотрены философско-методологические основания возрастания роли научной дипломатии в контексте развития научной рациональности (классической, неклассической, постнеклассической). Выделены базовые тренды в развитии научной рациональности, влияющие на научную дипломатию и социальные инновации в современных мировых реалиях. Представлены наиболее значимые функции научной дипломатии. С целью нейтрализации нарастающих глобальных угроз для человечества предложено актуальное направление научной дипломатии, ориентированное на пробуждение рефлексии по пути формирования субъектности развития человечества. Выдвинута гипотеза, что следующий этап развития кибернетики – кибернетика третьего порядка – может стать авангардом научной дипломатии для перехода к VII социогуманитарному технологическому укладу.

Заключение. По результатам исследования сделан вывод, что в сложившейся ситуации у научной дипломатии остаются резервы пробудить рефлексию человечества, задуматься о катастрофических последствиях, которые нас ожидают, если не предпринять срочные меры по установлению адекватных механизмов регулирования мировых процессов, ориентированных на гармоничное и справедливое развитие человечества. Научным фундаментом и авангардом научной дипломатии могла бы стать разрабатываемая постнеклассическая кибернетика саморазвивающихся рефлексивно-активных сред.

Ключевые слова: кибернетика третьего порядка, научная дипломатия, постнеклассическая научная рациональность, сборка субъектов развития, социогуманитарный технологический уклад.

Введение. В настоящее время интерес к научной дипломатии резко повысился в связи с возросшим напряжением в отношениях нашей страны с Западом. В интервью Интерфаксу Президент РАН А. М. Сергеев заметил: «Дипломатия, как известно, это продвижение интересов страны не силовым путем, а путем, как теперь говорят, "мягкого давления". Поэтому концепция "научной дипломатии" и реализуется развитыми странами в качестве одного из элементов "мягкой силы"» [10].

В итоговом докладе конференции «Новые горизонты научной дипломатии», организованной Королевским научным обществом (Великобритания) совместно с Американской ассоциацией содействия развитию науки, выделены три направ-

ления научной дипломатии: научная информационная поддержка внешней политики (наука в дипломатии); содействие международному научному сотрудничеству (дипломатия для науки); использование научного сотрудничества для улучшения отношений между странами (наука для дипломатии) [3]. В данной статье будут затронуты в основном аспекты направления «наука для дипломатии».

Научная дипломатия имеет богатый опыт позитивного влияния на мировые процессы, в результате которого были инициированы крупномасштабные социальные инновации [11]. Роль научной дипломатии резко возрастает в периоды международных кризисов. После Карибского кризиса 1961 года научная дипломатия была на подъеме. Интенсивно расширялись двусторонние отношения в научно-технологической сфере, проводились многочисленные научные международные конференции, на которых обсуждались угрозы ядерной войны. Научная дипломатия способствовала введению принципиально важных для человечества социальных инноваций.

В настоящее время мировое сообщество при переходе от однополярного к многополярному миру как никогда оказалось на грани старта катастрофических процессов. Разрушаются исторически сложившиеся международные политические, правовые и экономические регуляторы. Лидеры отдельных стран пытаются присвоить себе право решать за всех, как организовывать жизнь мирового сообщества, кого называть хорошим, а кого плохим, кого поощрять, а кого наказывать [19]. Как следствие – утратила былые возможности традиционная дипломатия, объектом манипуляций стали мировые спортивные и культурные мероприятия, а также народная дипломатия.

Есть основания полагать, что в сложившейся ситуации у научной дипломатии остаются резервы пробудить рефлексию человечества, задуматься о катастрофических последствиях, которые нас ожидают, если не предпринять срочные меры по установлению адекватных механизмов регулирования мировых процессов, ориентированных на гармоничное и справедливое развитие человечества [1].

Характерным позитивным примером на наших глазах становится Китай, стремящийся использовать собственный опыт развития для управления реформой «экономической глобализации» и содействия ее развитию в более открытой, толерантной, общедоступной, сбалансированной и беспроектной манере, чтобы разные страны, разные слои и разные группы людей могли пользоваться возможностями экономической глобализации [14]. Сегодня в Китае уделяется значительное внимание согласованию концепций «внутреннего развития» и концепций «открытости внешнему миру», среди которых: инновации, гармония, экология, открытость и совместное использование, а инициатива «Один пояс, один путь» способствует как достижению баланса двусторонней открытости стратегий «привлечение зарубежного» и «выход за границу», так и достижению взаимной выгоды, гуманистического подхода, беспроектных результатов для всех участников этого масштабного инфраструктурного проекта.

В статье рассмотрены философско-методологические основания возрастания роли научной дипломатии в контексте развития научной рациональности, функции научной дипломатии в современных мировых реалиях. Проведен анализ

успешных примеров научной дипломатии, иницирующих важнейшие для мирового сообщества социальные инновации. В целях нейтрализации нарастающих глобальных угроз для человечества предлагается актуальное направление научной дипломатии, ориентированное на пробуждение рефлексии о необходимости формирования субъектности развития человечества.

Методы исследования. Убедительные аргументы для обоснования повышения роли научной дипломатии в социальных инновациях предоставляет анализ трендов в развитии научной рациональности. В эволюции научной рациональности выделяются три взаимосвязанных типа: классическая, неклассическая и постнеклассическая [12]. На основе проведенного В. Е. Лепским философского анализа моделей инновационного развития [5] можно выделить базовые тренды развития научной рациональности, влияющие на повышение роли научной дипломатии в социальных инновациях:

- повышение роли экстернального подхода в развитии науки и инновациях;
- саморазвивающиеся рефлексивно-активные среды как базовый механизм инновационного развития;
- доминирование рефлексивной активности;
- от этики целей к этике стратегических субъектов;
- от монодисциплинарного к трансдисциплинарному подходу.

Эти тренды связаны с повышением роли и ответственности ученых за будущее мирового сообщества. В частности, повышение роли экстернального подхода в развитии науки предполагает соотнесение последствий научных новаций с ценностно-целевыми структурами развития общества, с включением ученых в механизмы прямой демократии, с их консолидацией с другими субъектами социального развития. Фактически этот тренд влияет на изменение социальной позиции ученого в необходимости соотнесения результатов его творческого процесса с последствиями для общества и стратегическими ориентирами развития человечества [4]. Одновременно от ученых требуются активное участие в разработке стратегических ориентиров развития человечества, формирование образа будущего человечества, обеспечивающего гармонию развития всех субъектов мирового сообщества.

Эти очень высокие требования к представителям науки связаны с трендами, влияющими на их индивидуальные качества: развитие рефлексивных способностей, формирование этики стратегических субъектов, становление культуры трансдисциплинарного подхода и др. Стимулирование и поддержка процессов совершенствования этих качеств предусматриваются в онтологиях, принципах и социогуманитарных технологиях саморазвивающихся рефлексивно-активных сред [8].

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Не претендуя на полноту, выделим наиболее значимые функции научной дипломатии:

- формирование образа будущего человечества (разработка новых моделей развития человечества);
- выявление и анализ вызовов и угроз в масштабах человечества;

- нейтрализация угроз в масштабах человечества;
- разработка механизмов становления субъектности развития человечества.

В таблице проведено сопоставление функций научной дипломатии, ее положительных примеров и соответствующих социальных инноваций.

Функции и примеры научной дипломатии

Функции научной дипломатии	Примеры научной дипломатии	Социальные новации
Формирование образа будущего человечества (разработка новых моделей развития человечества)	Идеи К. Маркса Обоснование возможности полетов на другие планеты Римский клуб. Прогнозирование негативных последствий инерционного сценария развития человечества [15] Кибернетическая модель С. Бира для управления социальными системами [18]	Построение социализма в СССР Освоение космического пространства. Международные проекты Концепция устойчивого развития человечества Социальная новация в государственном управлении Чили
Выявление и анализ вызовов и угроз в масштабах человечества	Модель ядерной зимы. (Н.Н. Моисеев, В.В. Александров и др.) [17, 9] Выявление и анализ угроз для человечества техногенной цивилизации (современные реалии)	Формирование общественного мнения о катастрофических последствиях ядерной войны. Аргументация для переговорных процессов об ограничениях распространения и использования ядерного оружия. Формирование общественного мнения. Постановка научно-практической проблемы поиска новой цивилизационной модели и подготовка соответствующей социогуманитарной инновации
Нейтрализация угроз в масштабах человечества	Манхэттенский проект. Действия физиков по нейтрализации монополии владения атомным оружием	Установление баланса центров силы, владеющих атомным оружием
Разработка механизмов становления субъектности развития и безопасности человечества	Активное участие ученых в инициирование социальных инноваций, сборки субъектов развития и безопасности человечества	Лига наций, ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, Киотский протокол и др.

По мнению авторов, ключевой первоочередной проблемой для научной дипломатии в XXI веке является *проблема перехода от техногенной к социогуманитарной цивилизации*. Выход из сложившегося кризиса человечества возможен только при условии доминирования новых форм жизнедеятельности человечества, в которых удастся преодолеть эгоизм максимизации прибыли и осуще-

ствить сборку субъектов развития и безопасности мирового сообщества. Философско-методологическим основанием для решения этой проблемы могла бы стать постнеклассическая научная рациональность, которая задает четыре важнейших основания для гармонии субъектов развития. Во-первых, формирование методологических оснований для целостного представления и конвергенции субъектов, средств и объектов в познавательных процессах и разнообразных проявлениях деятельностной активности. Во-вторых, интеграция интернальных и экстернальных механизмов научного и инновационного развития. В-третьих, введение этических регуляторов в научную деятельность. В-четвертых, представление постнеклассической рациональности как рамочной конструкции, объединяющей все виды научной рациональности [7].

Опора на социальные ценности и цели дает основания для перехода от техногенной к социогуманитарной цивилизации, задает новые горизонты становления и организации техносферы. По мнению ведущих отечественных философов, развитие техносферы будет производиться с учетом исторического опыта на основе и в гармонии четырех взаимозависимых базовых ценностей: сохранение и развитие человека, человечества, биосферы и техносферы (включая цифровую реальность). Эти ценности оказались вне внимания господствующей в современном мире техногенной цивилизации. С техногенной цивилизацией органично связаны рыночные отношения и общество потребления. Негативные прогнозы для будущего человечества форм и механизмов сложившейся организации социальных и экономических отношений отмечаются в докладах ООН и Римского клуба. В мировом сообществе идет активный поиск новых форм организации жизнедеятельности. На наш взгляд, в центр внимания должна быть поставлена проблема формирования субъектности развития человечества, в контексте решения которой предлагается рассматривать становление социогуманитарной цивилизации и разработку механизмов перехода к ней от реалий техногенной цивилизации [6].

В соответствии с логикой постнеклассической научной рациональности механизм развития представляется как саморазвивающаяся полисубъектная (рефлексивно-активная) среда [8]. Сегодня в России имеется современный научно-методический задел для организации саморазвивающихся полисубъектных сред (в основном созданный в советский период при проектировании автоматизированных систем управления страной), который можно относительно быстро развить до использования в пилотных проектах [2]. Базой научного обеспечения может выступить создаваемая в настоящее время постнеклассическая кибернетика саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред. Это постнеклассическая *кибернетика третьего порядка*, создаваемая в логике восхождения от кибернетики «наблюдаемых систем» (первого порядка – Н. Винер), к кибернетике «наблюдающих систем» (второго порядка – Фон Ферстер) и далее к кибернетике «саморазвивающихся рефлексивно-активных систем-сред» (третьего порядка) [16].

Мы полагаем, что становление кибернетики третьего порядка могло бы заложить научный фундамент для перехода к социогуманитарной цивилизации и VII социогуманитарному технологическому укладу, что способствовало бы разработке и реализации новых подходов к решению проблем обеспечения международной безопасности и развития человечества.

К одному из возможных примеров новых форм научного сотрудничества с применением организационных основ *кибернетики третьего порядка* в современном мире можно отнести проекты научного краудфандинга (англ. – crowdfunding: crowd – «толпа», funding – «финансирование»). Практика научного краудфандинга подразумевает привлечение к финансированию того или иного проекта больших групп людей (как правило, через интернет) без участия крупных юридических лиц и финансовых институтов (банков, фондов, венчурных компаний). При этом сами исследовательские проекты могут осуществляться учеными из различных стран, вне зависимости от их институциональной принадлежности и на основе гибких коллективов, формирующихся под исследовательские нужды. Среди существующих успешных международных проектов научного краудфандинга стоит отметить Consano и MyProject, финансирующих исключительно разработку новых методов лечения рака.

Научный краудфандинг позволяет нивелировать серьезный недостаток современного научного сотрудничества в мире – низкий уровень рефлексивного взаимодействия в схемах финансирования научных исследований на международном уровне, что приводит к существенному снижению их эффективности, оставляя многие перспективные смежные направления исследования без надлежащего внимания лишь потому, что их потенциальный итог не представляется ценным с точки зрения коммерческой или государственно-экономической перспективы [13]. Большое влияние на понимание философских оснований и специфики подходов к социогуманитарной кибернетике на Западе и в России оказали конгресс WOSC2017 в январе 2017 г. в Риме и XI международный симпозиум «Рефлексивные процессы и управление» в октябре 2017 г. в Москве. Были одобрены предложенные нами идеи кибернетики третьего порядка, намечены пути дальнейшего сотрудничества [11]. Проведение будущего конгресса WOSC2020 запланировано в Москве в сентябре 2020 года. Конгресс ориентирован на поиск моделей будущего человечества, на поиск механизмов управления во все более взаимосвязанном мире. Адекватное понимание кризиса мирового сообщества, отсутствие идеологической зашоренности ученых, включенных в подготовку конгресса, позволяют надеяться на успех данного научного мероприятия как элемента научной дипломатии.

Заключение. Научная дипломатия имеет богатый опыт позитивного влияния на мировые процессы, в результате которого были инициированы крупномасштабные социальные инновации. В настоящее время мировое сообщество при переходе от однополярного к многополярному миру как никогда оказалось на грани старта катастрофических процессов: разрушаются исторически сложившиеся международные политические, правовые и экономические регуляторы, лидеры отдельных стран пытаются присвоить себе право решать за всех, как организовывать жизнь мирового сообщества, что приводит к утрате возможностей традиционной дипломатии, а мировые спортивные и культурные мероприятия становятся объектом манипуляций. Однако в сложившейся ситуации у научной дипломатии остаются резервы пробудить рефлексию человечества, задуматься о катастрофических последствиях, которые нас ожидают, если не предпринять срочные меры по установлению адекватных механизмов регулирования мировых процессов, ориентированных на гармоничное и справедливое развитие

человечества. Научным фундаментом и авангардом научной дипломатии могла бы стать разрабатываемая постнеклассическая кибернетика саморазвивающихся рефлексивно-активных сред – кибернетика третьего порядка.

Список литературы

1. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. С. 239–441.
2. Ситуационные центры развития в полисубъектной среде / А. А. Зацаринный, Н. И. Ильин, К. К. Колин [и др.] // Проблемы управления. 2017. № 5. С. 31–42.
3. Киселев В., Нечаева Е. Новое измерение научной дипломатии / РСМД. 2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-izmerenie-nauchnoy-diplomatii/>
4. Лекторский В. А. Субъект в истории философии: проблемы и достижения // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, вып. 1. С. 5–18.
5. Лепский В. Е. Инновационное развитие России: философский анализ // Философия науки и техники. 2016. № 1. С. 169–187.
6. Лепский В. Е. Социогуманитарные технологии сборки субъектов в саморазвивающихся полисубъектных средах // Социальное время. 2017. № 2. С. 33–43.
7. Лепский В. Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015. 107 с. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2015.pdf>
8. Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. 280 с. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf
9. Моисеев Н. Н., Александров В. В., Тарко А. М. Человек и биосфера: опыт системного анализа и эксперименты с моделями. М.: Наука, 1985. 271 с.
10. Научная дипломатия или технологическое противоборство? // Интерфакс. 3 января 2018. URL: <http://www.interfax.ru/russia/594072>
11. Официальный сайт Пагуошского движения учёных. 2018. URL: <https://pugwash.org/>
12. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
13. Савельев А. М. Технологии народного финансирования научных исследований (краудфандинга) в качестве организационной основы саморазвивающихся инновационных сред // Рефлексивные процессы и управление / под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2013. 330 с.
14. Цяо Чжао Хун. Новая структура открытости Китая, новые возможности для мирового развития // Гуанмин жибао. 24 мая 2018 г. URL: http://ru.theorchina.org/xsqy_2477/201806/t20180621_365795.shtml
15. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind / Donella H. Meadows; Jorgen Randers; Dennis L. Meadows; William W. Behrens. Universe Books, 1972. 211 с.
16. Lepskiy V. Evolution of cybernetics: philosophical and methodological analysis // Kybernetes. 2018. Vol. 47, Iss. 2. P. 249–261. URL: <https://doi.org/10.1108/K-03-2017-0120>
17. Jungk Robert. Brighter than a thousand suns: a personal history of the atomic scientists. Houghton Mifflin Harcourt. 1958.
18. Beer Stafford. The Brain of the Firm. Allen Lane, The Penguin Press, London, Herder and Herder, USA. 1972.
19. Von Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220 p.

Дата поступления в редакцию: 14.02.2019

Авторская справка

ЛЕПСКИЙ Владимир Евгеньевич, доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, Москва, Россия. E-mail: Lepsky@tm-net.ru.
 ЖУРЕНКОВ Денис Александрович, соискатель Института философии РАН, начальник отдела информационно-аналитического обеспечения ФГУП «ВНИИ «Центр», Москва, Россия. E-mail: dzhurenkoff@mail.ru.
 САВЕЛЬЕВ Антон Максимович, соискатель Института философии РАН, Москва, Россия. E-mail: anton.saveliev@gmail.com

UDC 32.019.5

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.54

SCIENCE DIPLOMACY AND SOCIAL INNOVATIONS

V. E. Lepskiy, D. A. Zhurenkov, A. M. Saveliev

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Introduction. The purpose of the paper is to identify the philosophical and methodological foundations of the increasing role of scientific diplomacy in the context of the development of scientific rationality, as well as the study of the most significant functions of science diplomacy in contemporary world realities.

Methods. Based on a philosophical analysis of innovative development models and basic trends in the development of scientific rationality affecting the increasing role of science diplomacy in social innovations, it was concluded that the global scientific community needs to create conditions for the dominance of new forms of life, in which it will be possible to overcome selfishness and assemble development subjects on the principles of post-non-classical rationality.

Results. The paper discusses the philosophical and methodological grounds for the increasing role of science diplomacy in the context of the development of scientific rationality (classical, non-classical, post-non-classical). The basic trends in the development of scientific rationality that affect the science diplomacy and social innovation in the modern world realities are highlighted. The most significant functions of science diplomacy are presented. In order to neutralize the growing global threats for humanity, a topical direction of science diplomacy has been proposed, focused on the awakening of reflexion in the direction of forming the subjectivity of human development. It has been hypothesized that the next stage in the development of cybernetics - third-order cybernetics - could be the vanguard of science diplomacy for the transition to the socio-humanitarian technological order.

Conclusions. The study concluded that in the current situation, science diplomacy still has reserves to awaken the reflexion of mankind, to think about the disastrous consequences that await us if we do not take urgent measures to establish adequate mechanisms for regulating world processes oriented towards the harmonious and equitable development of mankind. The scientific foundation and the avant-garde of science diplomacy could be developed post-non-classical cybernetics of self-developing reflexive-active environments.

Keywords: science diplomacy; third-order cybernetics; post-non-classical scientific rationality; assembly of development subjects; socio-humanitarian technology.

References

1. Giddens Je. Ustroenie obshhestva: Ocherk teorii strukturacii [Organizing Society: An Essay on Structuring Theory], 2-e izd., Moscow: Akademicheskij Proekt, 2005, pp. 239–441.
2. Zacarinnij A. A., Il'in N. I., Kolin K. K., Lepskij V. E., Malineckij G. G., Novikov D. A., Rajkov A. N., Sil'vestrov S. N., Slavin B. B. Situacionnye centry razvitija v polisubektnoj srede [Situation Centres for Development in a Polysubject Environment], *Problemy upravlenija* [Governance Issues], 2017, No. 5, pp. 31–42.
3. Kiselev V., Nechaeva E. Novoe izmerenie nauchnoj diplomatii [The new dimension of scientific diplomacy], RSMD, 2017. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-izmerenie-nauchnoj-diplomatii/>
4. Lektorskij V. A. Subekt v istorii filosofii: problemy i dostizhenija [Subject in the History of Philosophy: Problems and Achievements], *Metodologija i istorija psihologii* [Methodology and History of Psychology], 2010, T. 5, Vyp. 1, pp. 5–18.
5. Lepskij V. E. Innovacionnoe razvitie Rossii: filosofskij analiz [Innovative development of Russia: philosophical analysis], *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of science and technology], 2016, No. 1, pp. 169–187.

6. Lepskij V. E. Sociogumanitarnye tehnologii sborki subektov v samorazvivajushihhsja polisubektnyh sredah [Sociohumanitarian technologies of assembly of subjects in self-developing polysubject environments], *SocioTime / Social'noe vremja*, 2017, No. 2, pp. 33-43.

7. Lepskij V. E. Jevoljucija predstavlenij ob upravlenii (metodologicheskij i filosofskij analiz) [Evolution of perceptions of governance (methodological and philosophical analysis)], Moscow: Kogito-Centr, 2015, 107 p. Available at: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2015.pdf>

8. Lepskij V. E. Refleksivno-aktivnye sredy innovacionnogo razvitija [Reflexive-active environments of innovative development], Moscow: Kogito-Centr, 2010, 280 p. Available at: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf

9. Moiseev N. N., Aleksandrov V. V., Tarko A. M. Chelovek i biosfera: Opyt system, analiza i eksperimenty s modelyami [Man and biosphere: Experience of systems. Analyses and model experiments], Moscow: Nauka, 1985, 271 p.

10. Nauchnaya diplomatiya ili tekhnologicheskoe protivoborstvo? [Scientific diplomacy or technological confrontation?], *Interfaks* [Interfax], 3 yanvarya 2018, Available at: <http://www.interfax.ru/russia/594072>

11. Oficial'nyj sajt Paguoshskogo dvizheniya uchyonyh [Official website of the Pagwash Movement of Scientists], 2018. Available at: <https://pugwash.org/>

12. Stepin V. S. Teoreticheskoe znanie [Theoretical knowledge], Moscow: Progress-Tradicija, 2003, 744 p.

13. Savel'ev A. M. Tekhnologii narodnogo finansirovaniya nauchnyh issledovanij (kraudfandinga) v kachestve organizacionnoj osnovy samorazvivayushchihhsya innovacionnyh sred [Technologies of popular financing of scientific research (crowdfunding) as the organizational basis of self-developing innovative environments], *Refleksivnye processy i upravlenie* [Reflexive processes and management], pod red. V.E. Lepskogo, Moscow: Kogito-Centr, 2013, pp. 238-245.

14. Cjao Chzhao Hun. Novaja struktura otkrytosti Kitaja, novye vozmozhnosti dlja mirovogo razvitija [China's New Openness Structure, New Opportunities for Global Development], *Guanmin Zhibao* [Guangmin Zhibao], May 24, 2018. Available at: http://en.theorychina.org/xsqy_2477/201806/t20180621_365775.shtml

15. Donella H. Meadows, Jorgen Randers, Dennis L. Meadows, William W. Behrens. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind, *Universe Books*, 1972, 211 p.

16. Lepskiy V. Evolution of cybernetics: philosophical and methodological analysis, *Kybernetes*, 2018, Vol. 47, Iss. 2, pp. 249–261. Available at: <https://doi.org/10.1108/K-03-2017-0120>

17. Robert Jungk, Brighter than a thousand suns: a personal history of the atomic scientists, Houghton Mifflin Harcourt, 1958.

18. Stafford Beer. The Brain of the Firm. Allen Lane, The Penguin Press, London, Herder and Herder, USA, 1972.

19. Von Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018, 220 p.

Author's Bio

LEPSKIY Vladimir Evgenievich – Doctor of Psychological Sciences, Main Research Fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: Lepsky@tm-net.ru.

ZHURENKOV Denis Alexandrovich – Aspirant of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of the Information and Analytical Support, All-Russian Research Institute "Centre", Moscow, Russia. E-mail: dzhurenkoff@mail.ru.

SAVELIEV Anton Maksimovich – Postgraduate of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: anton.saveliev@gmail.com

Библиографическая ссылка

Лепский В. Е., Журенков Д. А., Савельев А. М. Научная дипломатия и социальные инновации // *SocioTime / Социальное время*. – 2019. – № 2(18). – С. 54-62. – DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.54

УДК 130.31

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.63

ИДЕЯ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ

Н. Н. Ростова*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва (Россия)*

Введение. Исследуется статус вопроса «Что есть человек?» в философии. Актуальность работы обусловлена постоянно меняющейся культурной ситуацией. Такие феномены, как биотехнологии, искусственный интеллект, интернет вещей вновь ставят перед нами вопрос: кто мы и допустимы ли происходящие перемены?

Методы. В статье использован историко-философский метод. Проводится различие между философской антропологией как дисциплиной и философской антропологией как конфигурацией самой философии. Автор анализирует феномен антропологического поворота и связывает его прежде всего с И. Кантом. Кант совершает антропологическую революцию в философии, а последующая европейская философия совершает контрреволюцию, превращая философию в онтологию. В узком смысле слова антропологический поворот связан с немецкими мыслителями первой половины XX века. Автор отмечает, что немецкий проект философской антропологии развивался наряду с русским проектом философской антропологии.

Основные идеи исследования, его результаты и их обсуждение. Если западная философия смещает тему человека на периферию, то русская философия антропоцентрична. Подобные конфигурации философии характерны и для современной ситуации на рубеже веков. Антиантропологическая тенденция в западной философии сегодня выражается в идее конца исключительности человеческого существования. Антропоцентричность русской философии сегодня воплощает идея антропологической катастрофы.

Заключение. Подробно проанализировав содержание идеи конца человеческой исключительности, автор выделяет четыре формы этой идеи: преодоление границы между культурой и природой; преодоление границы между человеком и животным; преодоление границы между человеком и техникой; преодоление границы между человеком и объектами. В понятии антропологической катастрофы фиксируются три значения: замещение сознания языком; исчерпанность антропологических проектов; утрата антропологической формы. В современной русской философии автор выделяет антропологические проекты и представляет современную постановку вопроса о человеке.

Ключевые слова: антропология, философская антропология, антропологический поворот, человек, идея смерти человека, антропологическая катастрофа, животное, техника, спекулятивный реализм, русская философия.

Введение. Какова судьба вопроса «Что есть человек?» в философии? Сегодня пишутся статьи, монографии и учебные пособия, посвященные философской антропологии. Среди отечественных исследователей можно выделить В. Губина, Е. Некрасову, Б. Маркова, П. Гуревича и др. Зачастую авторы предпочитают ретроспективный стиль изложения. Однако и такой подход предполагает концептуализацию. Например, одна из последних монографий по антропологии «Классическая и неклассическая антропология. Сравнительный анализ» принадлежит П. С. Гуревичу [10]. Из самого названия мы видим учреждение деления антропо-

логии на классическую и неклассическую, а прочитав текст, узнаем о третьем типе антропологии – негативном. П. С. Гуревич не просто излагает материал, но сообразовывает историю с собственной оптикой. Как говорит Хайдеггер, вопрос о философии – высший результат ее самой. Перефразируя Хайдеггера, мы можем сказать: вопрос о философской антропологии – не исторический, но философский. Ответ на него зависит от того, кто спрашивает. Сегодня этот вопрос не просто актуален, но жизненно важен, ибо нас определяют не смартфоны и интернет вещей, а практики самоописания. От того, как мы описываем себя, зависит наше бытие в культуре.

Статья состоит из четырех частей. В первой части вводится понятие философской антропологии. Во второй анализируется феномен антропологического поворота в философии. В третьей части сравниваются немецкий и русский проекты философской антропологии. Четвертая часть посвящена аналитике современной философии и статуса в ней вопроса о человеке.

Методы исследования. В статье использован историко-философский метод. Методологической основой исследования выступила идея антропологического поворота, совершенного в философии И. Канта.

Основные идеи исследования, его результаты и их обсуждение. Интерес к человеку был всегда. В античной культуре и в средневековой, в эпоху Возрождения и в эпоху Просвещения, в Новое время и в новейшие времена. Внимание к проблеме человека мы найдем в самых различных учениях – от Платона до Монтеня, от Юма до Дарвина, от Соловьева до Делеза, в религиях и искусстве. Если рассуждать таким образом, то философская антропология окажется периферией всякого знания. И можно будет говорить об особой дисциплине, сформировавшейся автономно от других философских направлений в XX веке. Обычно в таком случае появление философской антропологии связывают с именами Шелера, Гелена, Плеснера и других немецких философов. Но если философская антропология – это дисциплина, тогда философия есть совокупность дисциплин. Философская антропология при этом рискует превратиться в человекознание – сумму бесконечно разнообразных знаний и гипотез в отношении человека, в поисках которых можно обратиться ко всему универсуму культуры. Если же отойти от этого, как выразился бы Кант, школьного понимания философии и увидеть в ней уникальный способ выстраивать рассуждения, в отношении которого философская мысль прошлого будет назидательна не с точки зрения содержания, а с точки зрения искусности методологии, тогда статус философской антропологии будет зависеть от того, какое место в философии занимает вопрос о человеке. Не в локальном смысле заинтересованности в человеке, а в фундаментальном смысле поиска оснований философии. Здесь возможно только два варианта: либо вопрос о человеке оказывается вторичным в выстраивании философского концепта, либо первичным. Во втором случае можно говорить об антропологическом повороте в философии – событии, при котором философия начинает искать собственные основания в вопросе: «Что есть человек?», заставляя все прочие вопросы сообразовываться с этим первым.

Антропологический поворот в философии. Претенденты на роль тех, кто совершил антропологический поворот в философии, наиболее отчетливо становятся видны не тогда, когда рефлексиируют над сущностью философской антропологии, а тогда, когда на нее обрушивается критика. Современная философия, избавляющаяся от вопроса «Что есть человек», среди причинителей антропологизации философии особенно выделяет Протагора, Сократа, христианскую традицию, Декарта, Канта и Шелера. Несомненно, есть все основания для того, чтобы эти персоналии и христианская традиция в целом были заподозрены в этом.

Человек как мера вещей – существующих и несуществующих. От Платона до нас дошло изречение Протагора «Человек есть мера всех вещей – существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют» (Платон, Теэтет 152а). Обычно это высказывание берется в усеченной форме – «человек есть мера всех вещей» – и трактуется как релятивизация истины. Однако Протагор более радикален в своем утверждении. Он посягает не только на истину, но на мир как таковой. Человек для Протагора не просто «измеряет» вещи существующие, но полагает границу между вещами существующим и несуществующим. Протагор говорит нам не о том, что мы должны и можем полагаться только на свой вкус, а о том, что все есть в той мере, в какой ее устанавливает человек. Не бытие определяет человека, равно как и не небытие, но человек утверждает то и другое в их взаимосвязи. Он устанавливает, что существует и что не существует.

Внемли себе. В античности известна формула: «Познай самого себя». В иудеохристианстве: «Внемли себе». Эти формулы существуют в культуре неразрывно. «Внемли себе: да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония», – говорит Моисей (Втор. 10:9). Христианство, переосмысливая Ветхий Завет, перетолковывая внешние законы, прежде всего, как внутренние требования, берет на вооружение формулу «Внемли себе». Василий Великий посвящает ей отдельную гомилию. Что значит «Внемли себе»? Внемлить себе – значит осмотреть себя со всех сторон, держать неусыпным свое око. Но что значит «себе»? Василий Великий поясняет: «Итак, "внемли себе", то есть внемли не тому, что твое и что около тебя, но одному себе; ибо иное – мы сами, иное – принадлежащее нам, а иное – что около нас. Мы – это душа и ум, поколику мы сотворены по образу Создавшего; наше – это тело и приобретаемые посредством него ощущения; около же нас – имущества, искусства и прочие удобства жизни. Поэтому что значит слово сие? Не плоти внемли... не то почитай великим, что служит тебе для временной жизни... Но "внемли себе", то есть душе своей» [6]. Внемли себе – значит внемли своей душе. Но это не то же, что самопознание, не то же, что рефлексия. Внемли себе – в предельном смысле значит: внемли Богу. Ибо истина о человеке дана в Нем. Внемли себе – это памятование о богосозданности человека, его грешности и смертности. А потому одних, нуждающихся, это требование ободряет, а других, беспечных и кичливых, приводит к смирению. «"Внемли себе", – заключает Василий Великий, – чтобы внимать Богу, Которому слава и держава во веки веков, аминь!» [6]. Формула «внемли себе» не просто аналогич-

ная формуле «познай самого себя», но интерпретируется в христианстве именно ввиду императива античности. Василий Великий берет на вооружение диалоги Платона («Алквиад I», «Тимей») с тем, чтобы, воспользовавшись симметричной аргументацией, образами, содержащимися в них, переосмыслить этот императив в христианском свете. И от идеи самопознания взойти к идее богопознания [2; 3].

Говоря об антропологическом повороте в культуре, следует иметь в виду указанную связь античности с христианством, но также и то, что христианское «Внемли себе» восходит к ветхозаветным словам, датируемым, по крайней мере, ранее лет жизни Сократа.

Декарт. Философия Декарта ставится под прицел критики современной философии, отрицающей антропологию, не столько из-за того, что Декарт совершает поворот к субъекту, делает субъект точкой отсчета для познания, сколько из-за того, что он отождествляет животное и машину, тогда как человека определяет как мыслящее существо. Привилегия человека на мысль и на язык, в котором эта мысль себя обнаруживает, делает его исключительным в мире.

Но наиболее полемичной фигурой для современной философии, отказывающейся от темы человека, является Кант. Кант либо отрицается такой философией, либо радикально перетолковывается в антикантианском ключе, как, например, в объектно-ориентированной онтологии.

Антропологический стиль мышления. В «Логике» Кант определяет философию как науку о высшей максиме применения нашего разума, или, уточняет он, о внутреннем принципе выбора между различными целями. Нашим разумом руководят не внешние принципы, внеположенные ему, но внутренние, присущие ему самому. Кант открывает свободу человека, называя философа законодателем ума. Сферу философии Кант сводит к четырем вопросам: Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что есть человек? «На первый вопрос, – говорит Кант, – отвечает метафизика, на второй – мораль, на третий – религия и на четвертый – антропология. Но в сущности все это можно было бы свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему» [13, с. 332]. Три первых вопроса, заданных им еще в «Критике чистого разума», Кант не просто дополнил четвертым, но сделал его первичным. То есть не просто увеличил количество вопросов, но радикально изменил их смысл, поставив первые три вопроса в зависимость от вопроса о человеке. Такой радикальный шаг не мог остаться незамеченным в философии. И вся последующая западная мысль в лице наиболее сильных ее представителей будет направлена на то, чтобы избавиться от влияния Канта и совершенной им революции. Прежде всего, речь идет о Фуко [12; 22] и Хайдеггере [25; 26], а также о Бубере [5]. Формат статьи не позволяет раскрыть суть этого ключевого для всей философии сюжета. Мы посвятим его анализу отдельный материал. Сегодня «контрконтрреволюция», то есть поворот к антропологическому стилю мышления, совершается в русской философии, подтверждающей критике Хайдеггера и Фуко, критикующих Канта [8].

Проект позитивной антропологии и русская философия. Под философской антропологией в узком смысле слова обычно подразумеваются антропологические проекты немецкой философии первой половины XX века, в первую очередь работы М. Шелера, Х. Плеснера и А. Гелена. Исторически М. Шелер считается основателем философской антропологии, а его работа «Положение человека в космосе» (1928) – программной. Но здесь стоит учитывать несколько моментов. Во-первых, немецкий проект предстал как позитивный, человек в рамках такой антропологии поистине оказался вписан в космос. Неслучайно Хайдеггер, критикуя противоречивость идеи философской антропологии, вспоминает Шелера. Плеснер предпочел в разговоре о человеке дискурс натурфилософии, реабилитируя тему природы и критикуя вместе с тем дуализм Декарта и Хайдеггера. Центральное понятие эксцентричности, характеризующее особый статус человека в мире, он попытался объяснить на языке биологии. Гелен пошел дальше и ввел термин «действие» для описания человека. Новый язык, индифферентный к онтологическим разрывам, позволил избежать объяснения дуализма души и тела и разговора о ненаблюдаемых сущностях, таких, как дух. Но вместе с тем этот язык упразднил исключительность человека и онтологически уравнивал его с животным миром, в отношении которого стало возможно использовать тот же язык. Иными словами, немецкий проект философской антропологии не был тем проектом, в котором философия предстала бы как антропология, но лишь сыграл роль в становлении антропологии как дисциплины.

Во-вторых, исторически фундаментальная онтология Хайдеггера затмила философский небосвод и отставила антропологические проекты на второй план. Можно искать объективные причины, почему так произошло. Возможно, потому что философия Хайдеггера оказалась более искусной и современной. Возможно, потому что в отличие от проекта антропологии, она оказалась более последовательной, то есть не локальной, а предрешающей судьбу философии как таковой. Плеснер полагает, что философия Хайдеггера с его идеей одиночества и заброшенности была более созвучной духу времени, нежели предполагающая теизм философия Шелера. Но важнее здесь иное. А именно то, что европейская философия вообще склонна к репрессии темы человека. Победа фундаментальной онтологии Хайдеггера – это не уникальное событие, но характерный симптом европейской философии. Фуко прав. Начиная с Ницше, философия прощается с темой человека. Ницше, Фрейд, Хайдеггер закрывают вопрос о человеке в философии. Как говорит швейцарский психиатр М. Босс, собеседник Хайдеггера, Хайдеггер «признал, что, пожалуй, и весь человеческий субъект – как мера и начало всех вещей – не имеет большого значения. Скорее, он является "лишь" чем-то, что есть, сущим среди тысячи других сущих, и в своём бытии сущим он – как таковое – выдан событию (Ereignis) бытия, раскрытию (Entbergung) и постоянно этим событием удерживается» [27, с. 17]. В философии XX века начинает доминировать концепция смерти человека.

Рефлексия по поводу философской антропологии обычно сопровождается упоминанием русских философов XX века, которые якобы также внесли в нее свой вклад. Однако такая постановка вопроса в корне неверна. Русские филосо-

фы не просто «внесли вклад» в философскую антропологию, но представили наряду и причем исторически раньше, чем немецкая философия, свои уникальные проекты. Флоренский пишет свои записки по антропологии и антроподицею в 1916-1920 гг. («У водоразделов мысли», в т.ч. «Заметки по антропологии» 1916, «Философская антропология» 1918; курс лекций «Философия культа» 1918 и др.), Н. Бердяев разрабатывает антропологию в книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931), С. Франк – в книге «Душа человека» 1917 и позднее в книге «Реальность и человек» 1949, В. Розанов – в работе «Из загадок человеческой природы» (из сборника «В мире неясного и нерешенного 1901), а также в книге «Люди лунного света» (1911), Л. Карсавин – в произведении «О личности» (1929), Б. Вышеславцев – в посмертно изданной книге «Вечное в русской философии» (1955). Но русская философия – это еще и русская литература. Достоевский, Толстой, Гоголь – прежде всего русские антропологи. Русская философия, в отличие от европейской, вообще антропоцентрична. Геоцентричность становится причиной ее антропоцентричности. Там, где центральной оказывается тема Христа, там центральной становится и тема человека. Человек в русской философии понимается в связи с идеей богочеловечности. Бог – это ответ на вопрос о человеке. Бог конститутивен в отношении человека. Он является Тем, в Ком человек испытывает нужду. Чтобы человек был возможен, должен быть Бог. Именно такой подход позволяет русской философии уйти от сущностного языка в определении человека и говорить о нем на языке непостижимости, или, как выразится Б. Вышеславцев, на языке негативной антропологии. В русской философии не было такого события, как смерть Бога. А значит, не было почвы для концепции смерти человека. Даже идеи Ницше в русской философии воспринимались как односторонняя реализация идея богочеловечности.

Вопрос о человеке может служить водоразделом между западной философией и русской философией. Западноевропейская философия понимает себя как метафизику. Русская – как антропологию. Сегодня эстафету антиантропологизма в западной философии перенимает идея конца исключительности человеческого существования.

Современная западная философия: идея конца исключительности человеческого существования. Что означает идея конца исключительности человеческого существования в современной западной философии? Не только художественно, но и концептуально ее олицетворяют полотна Джоржа де Кирико. Что мы видим на его знаменитых полотнах? Безлюдные пейзажи. Нагромождения предметов. Шлемоподобные лица «метафизических манекенов». Де Кирико визуально и декларативно решил представить нам нечеловеческий взгляд на нечеловеческий мир, каким он был в третичный период истории Земли. Де Кирико волнуют предметы и те тайны, которые они скрывают в себе от нас, подобно тому, как морское дно таит в себе неизвестное от стоящих на суше наблюдателей. Эксперименты де Кирико за 100 лет определили идеи спекулятивного реализма. Мейясу и Харман должны ссылаться на де Кирико так же, как Делез – на Арто и Ницше. Харман, например, объясняя центральное для его объектно ориентированной философии понятие непостижимости объекта, использует именно образ

морского дна, глубины которого позволяют нам иметь дело лишь с мерцанием объектов, но никогда с ними самими по себе [28]. Мейясу делает предмет своей философии доисторическое и архиископаемое, то есть мир в том его состоянии, в котором он освобожден от корреляции с человеком (=восприятием, осмыслением) и вообще от известных форм жизни [16].

Идея конца человеческой исключительности состоит в том, что человек перестает мыслиться как уникальный феномен, он лишается онтологических привилегий и начинает пониматься как часть в совокупности прочих частей целого. Эта общая установка пронизывает как философию, претендующую сегодня на новую онтологию или новую феноменологию, так и собственно философию человека, в которой возникают идеи нечеловеческого другого, антропологии периферии или антропологии без человека. Комплекс самых разнообразных концепций, реализующих сегодня идею конца исключительности человеческого существования, можно условно разделить на 4 стратегии. Первая стратегия связана со стиранием границы между природой и культурой. Она может реализовываться двумя способами. Во-первых, за счет натурализации человека, и в этом смысле можно говорить о новом натурализме в философии [7]. Во-вторых, за счет антропоморфизации мира. К ярким представителям натурализма сегодня можно отнести Ж.-М. Шеффера [29], С. Пинкера [19]. К представителям стратегии антропоморфизации мира – Ф. Дескола [11], Э. В. де Кастру [14], Э. Кона [15].

Вторая стратегия связана со стиранием границы между человеком и животным. Здесь также наблюдаются два способа рассуждения. С одной стороны, происходит антропоморфизация животных, когда животным приписывается богатая эмоциональная и духовная жизнь, указывается на их ближайшее родство человеку и необходимость защищать их права (П. Сингер, П. Кавальери, Т. Риган, Р. Докинс и др.). Причем речь идет не только об обезьянах, с которыми человек попадает в общую группу «great primates», но также, например, и об осьминогах [31]. С другой стороны, философия идет по пути анимализации человека, редукции его к животному, что позволяет ей рассуждать о человеческих зоопарках. Неслучаен в современной философии интерес к мало известному до последнего времени философу середины XX века Ж. Симондону [20]. Чем интересен Симондон? Не тем, конечно, что на него несколько раз сослался Делез и даже Бодрийяр. А тем, что его философия может послужить дополнительным аргументом для стирания границы между человеком и животным, а также между человеком и техникой. Но философия идет дальше. Идея заключается не в том, чтобы редуцировать человека к животному, и не в том, чтобы устанавливать соотношения человека и животного, а в том, чтобы в самой процедуре сопоставления распознать акт учреждения человека, вне которого его нет. Философию интересует не человек, а граница между человеком и животным, которая его создает. Убрать эту границу, и человек, говорит Агамбен, исчезнет, равно как и животное, ибо эта пара удерживается только различием, скрывая под собой пустоту [1]. Человека нет, он эфемерен и узнает себя лишь в оппозиции к животному. Как выражается Деррида, на которого ссылаются данные авторы, загадка зеркала, вопреки

Лакану, это не загадка человека, а загадка животного, которое смотрит на человека из отражения [30].

Третья стратегия западной философии заключается в стирании границ между человеком и техникой. Например, Нанси сегодня предлагает снять противоречие между человеком и природой, природой и техникой, техникой и человеком [17]. Техника – это не то, что как искусственное противостоит естественному. Равно как и не то, что как механическое противостоит сознательному. Техника – это апофеоз самораскрытия природы через человека. Но если техника – это человек, а человек – это природа, то каким образом мыслить чрезмерность техники, ее избыток в отношении природной необходимости?

И, наконец, четвертая стратегия заключается в том, чтобы устранить границы между человеком и объектами. Здесь в первую очередь следует говорить о спекулятивном реализме. Как говорит Харман, философия сегодня должна покинуть «гетто человеческих реальностей», распрощаться с кантовской установкой и проблематизировать не отношения человек-мир, а отношения неодушевленных объектов. «Я настаиваю, – пишет он, – на том, что один бильярдный шар скрывает от другого бильярдного шара не меньше, чем шар-в-себе скрывает от людей» [28]. В рамках объектно ориентированной онтологии «отвергается любая привилегия человеческого подхода к миру, а события сознания помещаются ровно на ту же плоскость, что и битва канареек, микробы, землетрясения, атомы и смола» [28]. Мейясу предлагает проснуться от корреляционистского сна, то есть избавить мир от необходимости в человеке, его восприятии и осмыслении, и мыслить его сам по себе, высвобождая, по завету Фуко, мысль от мыслящего.

Трепет перед человеческой реальностью сегодня в западной философии испытывают немногие. Среди них Фукуяма и Хабермас. Но оба идут по пути редукций. Фукуяма пытается говорить о человеке на языке биологии и вместе с тем безуспешно сохранить его инаковость в отношении мира [23], Хабермас сводит человека к социальному измерению [24].

Причина деантропологизации мысли. Как объяснить такой острый интерес современной западной философии к нечеловеческим феноменам? Любовь к дальним, несомненно, есть форма нелюбви к ближним. Искусство призывает нас к нечеловеческому гостеприимству. В завершении одноименной выставки интеллектуалы пишут тексты для буклета к ней [18]. На поверхности лежат проблемы экологии и толерантности. Но маргинализация темы человека имеет очевидную цель – снятие всех мыслимых границ. Философия, отстаивающая данную позицию, наделяет мир качествами человека, а человека – качествами мира, то есть делает все равным. Деантропологизация – это средство децентрировать мир, лишить его центра. Бог, как говорил Ницше, умер, но осталась его тень. Вопреки Ницше, этой тенью сегодня оказывается не церковь, но человек. Он претендует на онтологический водораздел, и именно о его смерти необходимо объявить. Если прежде Бодрийяр, свергая трансцендентную социальность, писал о Боге как причинителе разделений в мире [4], то сегодня Агамбен в человеке видит источник отличий и иерархий в мире. Если, говорит он, раз-

личие между человеком и животным «стирается, и понятия человека и животного совпадают между собой, как это вроде бы происходит сегодня, то исчезают различия также и между бытием и ничто, допустимым и недопустимым, божественным и демоническим, и на их месте выступает нечто, чему едва ли можно подобрать имя» [1, с. 32-33]. Как на место Бога Ницше и сочувствующие его мысли ставили богов, так сегодня на место человека ставятся существа – человеческие и нечеловеческие, онтологически (и, следовательно, этически, политически) равные. Неслучайно сегодня проповедуется идея радикального гостеприимства, согласно которой не мы принимаем иное, но позволяем гостю стать на наше место, девальвируя саму идею хозяина. Центра нет нигде, периферия везде.

Русская философия как антропология. Русская философия сегодня концептуализирует человека как иное в отношении мира. Ей чужд позитивизм, натурализм и различного рода редукции феномена человек к объектам, животным, технике, природе, загадкам мозга. Расчеловечивание в русской философии понимается как антропологическая катастрофа, а не как апофеоз свободы мира и мысли от субъекта. Что значит антропологическая катастрофа? Мамардашвили подразумевал под антропологической катастрофой ситуацию, в которой человеческая жизнь начинает строиться по принципу существования, а не по принципу бытия. Мы бытийствуем тогда, когда причина наших действий находится в нас самих, и мы существуем, когда причина наших действий оказывается вне нас. Сегодня понятие «антропологическая катастрофа» имеет, по крайней мере, несколько смыслов. Во-первых, это ситуация, при которой на месте сознания оказывается язык, а на месте смыслов – события [9]. Во-вторых, это факт исчерпанности антропологических проектов [21]. В-третьих, это утрата антропологической формы, под которой подразумевается Бог. Русская философия, отвечая на вызовы катастрофы, предлагает сегодня ряд антропологических проектов: Человек воображающий (Ф. Гиренок); Человек молчащий (В. Мартынов); Человек, размыкающий себя к онтологически иному (С. Хоружий); Человек в культурной паузе (С. Смирнов); Человек, определенный отношением к смерти (В. Варава); Человек, заданный антропологической Формой.

Каким образом сегодня можно мыслить человека? Человек – это хаос субъективности, нуждающийся в Форме. Хаос субъективности – это нередуцируемая к миру антропологическая стихия, которая первичным образом обнаруживает себя как страх. Форма – это то, что упорядочивает хаос, приурочивает его к тотальному смыслу. В предельном варианте этой Формой является Бог. Человек сегодня умер, что, вопреки западной философии, значит не то же самое, что человек ассимилировался с миром и онтологически исчез, ибо его отношение к миру не подобно отношению льда и воды. Человек – не эффект мира, но тот, кто определен свободой от него. Смерть человека означает утрату им антропологической формы, которая определяла его как существо сознающее. Мыслить проблему человека сегодня – значит мыслить проблему антропологической формы и невозможность редукции человека к миру наличному.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Открытое: Человек и животное. М.: РГГУ, 2012. 112 с.
2. Алиева О. В. К вопросу о гуманистической рецепции Василия Великого: латинские переводы «Внемли себе» в XV-XVI вв. // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2015. Вып. 4. С. 9-23.
3. Алиева О. В. Святой Василий Великий. Внемли себе. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2016. 200 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
5. Бубер М. Проблема человека // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1994. 464 с.
6. Василий Великий. Беседа 3 на слова: «Внемли себе» (Втор.15,9). Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/Besedi/3 (дата обращения 14.11.2018).
7. Гиренок Ф. Аутография языка и сознания. М.: Проспект, 2017. 256 с.
8. Гиренок Ф. И. Кант, Хайдеггер и проблема метафизики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2013. № 2. С. 21-29.
9. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. 256 с.
10. Гуревич П. С. Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф, 2018. 496 с.
11. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.
12. Интервью А. Бадью с М. Фуко 1965 года. Режим доступа: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-michel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya> (дата обращения 14.11.2018).
13. Кант И. Логика // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 319-444.
14. Кастру Э. В. де. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 200 с.
15. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 344 с.
16. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
17. Нанси Ж.-Л. Философия сегодня. Вопрос техники. Режим доступа: <https://hisocrates.com/talking/russkij-lectsiya-nansi-filosofiya-segodnya-vopros-tehniki/> (дата обращения 14.11.2018).
18. Опыты нечеловеческого гостеприимства: антология. М.: V-A-C press, 2018. 336 с.
19. Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 608 с.
20. Симондон Ж. Два урока о животном и человеке. М.: Грюндриссе, 2016. 140 с.
21. Смирнов С. Форсайт человека: опыты по неклассической философии человека. Новосибирск: Офсет, 2015. 660 с.
22. Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-сад, 1994. 408 с.
23. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ; ЛЮКС, 2004. 349 с.
24. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002. 144 с.
25. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. Режим доступа: heidegger.ru/raboty/tom3/kant_i_problema.doc (дата обращения 14.11.2018)
26. Хайдеггер М. Размышления II-VI (Черные тетради 1931-1938). М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.
27. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Вильнюс: ЕГУ, 2012. 406 с.
28. Харман Г. О замещающей причинности. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/114/h7.html> (дата обращения 14.11.2018).
29. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
30. Derrida J. And Say the Animal Responded? / Trans. Daniel W. Smith and Michael A. Greco // *Zoontologies: The Question of the Animal*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. P. 121-146.

31. Godfrey-Smith P. Other Minds: The Octopus, The Sea, and the Deep Origins of Consciousness. New York: Straus and Giroux, Farrar, 2016. 255 p.

Дата поступления в редакцию: 14.01.2019

Авторская справка

РОСТОВА Наталья Николаевна, доктор философских наук, старший преподаватель, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: nngostova@yandex.ru.

UDC 130.31

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.63

IDEA OF PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY AND MODERN PHILOSOPHY

N. N. Rostova

Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Introduction. In article the status of a question «That there is a person?» in philosophy is investigated. Relevance of research is caused by constantly changing cultural situation. Such phenomena as biotechnologies, artificial intelligence, the internet of things raise for us again a question: Who are we, and whether the happening changes are admissible?

Methods. In article the historical method in philosophy is used. In article distinction between philosophical anthropology as discipline and philosophical anthropology as a configuration of the philosophy is carried out. The author analyzes a phenomenon of anthropological turn and connects it first of all with I. Kant. Kant makes anthropological revolution in philosophy, and the subsequent European philosophy makes counterrevolution, turning philosophy into ontology. In the narrow sense of the word anthropological turn is connected with the German thinkers of the first half of the XX century. The author notes that the German project philosophical anthropology developed along with the Russian project of philosophical anthropology.

Results. If the western philosophy displaces a subject of the person on the periphery, the Russian philosophy makes the question of the person central. Similar configurations of philosophy are characteristic and for a modern situation at the turn of the century. The anti-anthropological tendency in the western philosophy is expressed in idea of the end of exclusiveness of human existence today. Anthropocentricity of the Russian philosophy is embodied today by idea of anthropological accident.

Conclusions. The author analyzes the content of idea of the end of human exclusiveness and allocates four forms of this idea: overcoming of border between culture and the nature; overcoming of border between the person and an animal; overcoming of border between the person and equipment; overcoming of border between the person and objects. In concept of anthropological accident the author fixes three values: replacement of consciousness with language; exhaustion of anthropological projects; loss of an anthropological form. In modern Russian philosophy the author allocates anthropological projects and represents modern statement of a question of the person.

Keywords: anthropology; philosophical anthropology; anthropological turn; person; idea of death of the person; anthropological accident; animal; equipment; speculative realism; Russian philosophy.

References

1. Agamben Dzh. Otkrytoe: Chelovek i zhivotnoe [The open: Human and animal], Moscow: RGGU, 2012, 112 p.
2. Alieva O. V. K voprosu o gumanisticheskoy recepcii Vasiliya Velikogo: Latinskie perevody "Vnemli sebe" v XV-XVI vv. [On the question of the humanistic reception of Basil the Great: Latin translations "Listen to yourself" XV-XVI centuries], *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya*, 2015, Vyp. 4, pp. 9-23.
3. Alieva O.V. Svyatoj Vasilij Velikij. Vnemli sebe [Saint Basil The Great. Listen to yourself], Moscow: "Greko-latinskij kabinet" Yu. A. Shichalina, 2016, 200 p.
4. Bodriyar Zh. Simvolicheskij obmen i smert' [Symbolic exchange and death], Moscow: Dobrosvet, 2000, 387 p.
5. Buber M. Problema cheloveka [The problem of man], *Dva obraza very* [Two images of faith], Moscow: Respublika, 1994, 464 p.
6. Vasilij Velikij. Beseda 3 na slova: "Vnemli sebe" (Vtor. 15, 9) [Conversation 3 words: "Listen to yourself" (Deut. 15, 9.)]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/Besedi/3 (accessed on 14.11.2018).
7. Girenok F. Autografiya yazyka i soznaniya [Autography of language and consciousness], Moscow: Prospekt, 2017, 256 p.
8. Girenok F. I. Kant, Hajdegger i problema metafiziki [Kant, Heidegger and the problem of metaphysics], *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya Filosofiya*, 2013, No. 2, pp. 21-29.
9. Girenok F.I. Klipovoe soznanie [Clip consciousness], Moscow: Prospekt, 2018, 256 p.
10. Gurevich P.S. Klassicheskaya i neklassicheskaya antropologiya: sravnitel'nyj analiz [Classical and non-classical anthropology: comparative analysis], Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnyh initsiativ, Petroglif, 2018, 496 p.
11. Deskola F. Po tu storonu prirody i kul'tury [Beyond nature and culture], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, 584 p.
12. Interv'yu A. Bad'yu s M. Fuko 1965 goda [A. Badiou. Interview with M. Foucault, 1965]. Available at: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-michel-fuko-tom-cto-takoe-psikhologiya> (accessed on 14.11.2018).
13. Kant I. Logika [Logic], *Kant I. Traktaty i pis'ma* [Treatises and letters], Moscow: Nauka, 1980, pp. 319-444.
14. Kastru Eh. V. de. Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststrukturoj antropologii [Cannibal metaphysics. Frontiers of poststructural anthropology], Moscow: Ad Marginem Press, 2017, 200 p.
15. Kon Eh. Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka [How Forests Think: Toward an Anthropology beyond the Human], Moscow: Ad Marginem Press, 2018, 344 p.
16. Mejyasu K. Posle konechnosti: Ehsse o neobhodimosti kontingentnosti [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency], Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyj uchenyj, 2015, 196 p.
17. Nansi Zh.-L. Filosofiya segodnya. Vopros tekhniki [Philosophy today. Question of technique], Available at: <https://hisocrates.com/talking/russkij-lektsiya-nansi-filosofiya-segodnya-vopros-tehniki/> (accessed on 14.11.2018).
18. Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva: Antologiya [The inhuman experiences of hospitality], Moscow: V-A-C press, 2018, 336 p.
19. Pinker S. Chistyj list: Priroda cheloveka. Kto i pochemu otkazyvaetsya priznavat' ee segodnya [The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature], Moscow: Al'pina non-fikshn, 2018, 608 p.
20. Simondon Zh. Dva uroka o zhivotnom i cheloveke [Two lessons about animal and human], Moscow: Gryundrisse, 2016, 140 p.
21. Smirnov S. Forsajt cheloveka: Opyty po neklassicheskoy filosofii cheloveka [The foresight of human: Experiments on non-classical philosophy of human], Novosibirsk: Ofset, 2015, 660 p.
22. Fuko M. Slova i veshchi [Words and things], St. Petersburg: A-cad, 1994, 408 p.
23. Fukuyama F. Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyucii [Our posthuman future: the consequences of the biotechnology revolution], Moscow: AST; LYUKS, 2004, 349 p.
24. Habermas Yu. Budushchee chelovecheskoj prirody [The future of human nature], Moscow: Ves' Mir, 2002, 144 p.

25. Hajdegger M. Kant i problema metafiziki [Kant and the problem of metaphysics], Available at: heidegger.ru/raboty/tom3/kant_i_problema.doc (accessed on 14.11.2018).
26. Hajdegger M. Razmyshleniya II-VI (Chernye tetradi 1931-1938) [Reflections II-VI (Black notebooks 1931-1938)], Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, 2016, 584 p.
27. Hajdegger M. Collikonovskie seminary [Zollikon seminars], Vilnius: EGU, 2012, 406 p.
28. Harman G. O zameshchayushchej prichinnosti [About the replacement of causality]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/114/h7.html> (accessed on 14.11.2018).
29. Sheffer Zh.-M. Konec chelovecheskoj isklyuchitel'nosti [The end of human exceptionalism], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 392 p.
30. Derrida J. And Say the Animal Responded? / Trans. Daniel W. Smith and Michael A. Greco, *Zoontologies: The Question of the Animal*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003, pp. 121–146.
31. Godfrey-Smith P. Other Minds: The Octopus, The Sea, and the Deep Origins of Consciousness, New York: Straus and Giroux, Farrar, 2016, 255 pp.

Author's Bio

ROSTOVA Natalya Nikolaevna, Senior Teacher, Doctor of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nnrostova@yandex.ru.

Библиографическая ссылка

Ростова Н. Н. Идея философской антропологии и современная философия // SocioTime / Социальное время. – 2019. – № 2(18). – С. 63-75. – DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.63

МЕТАФИЗИКА НЕБЫТИЯ В КОНСЦИЕНТАЛЬНОЙ БИТВЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

А. Е. Шишкин

Медицинский университет «Реавиз», Самара (Россия)

Введение. Современная действительность представляет своё отсутствие и небытие для одних людей в помпезной, а для других – в суицидальной действительности. И те и другие не живут, а создают имитацию жизни. В век консьюмеризма для молодёжи необходимы примеры благородных подвигов для подъёма пассионарного духа, разогрева национального самосознания и строительства коммунитаристского общества.

Методы исследования. Метафизику небытия мы рассмотрим в литературном творчестве и в государственном служении Г. Державина. С помощью сотериологии и герменевтики небытие используется как метод интуиции Державина в познании мира. Наука в лице А. Эйнштейна создаёт гносеологическую проблему «исторической интуиции». Г. Вейль определяет «математическую интуицию». М. Бунге к «чувственной» и «интеллектуальной» добавил ещё и третий вид познания – «чистую интуицию». Э. Гуссерль вводит новый тип созерцания – «идеирующую абстракцию» как феноменологический способ движения ко всеобщему.

Основные идеи исследования, их результаты и обсуждение. Создание предпосылок к организации идеационного общества перечёркивается идущей консциентальной войной. Социально-политические механизмы историко-цивилизационных разломов внесли свою корректуру для общества, которому, по мнению мондиалистов, необязательно знать правду. Мы должны постараться быть услышанными, чтобы власть имущие были заинтересованы в реконструкции подлинных событий, для того чтобы выйти из системного кризиса победителями. Надо найти мужество добровольно признать вольное или невольное пособничество в компрадорстве талассократам, в противном случае будущего не будет ни у страны, ни у политического истеблишмента.

Заключение. Г. Державин как представитель культурно-исторического типа органично сочетает в себе имманентный и трансцендентный мир, что даёт поэту-государственнику прозревать разрушительные технологии, противостоять и сокрушать их в эсхатологическом смысле.

Ключевые слова: интуитивизм, феноменология, бестиарий и анималистический жанры, аллегория, экзистенциализм, архетип, антиномия, танатос.

Введение. *Цель статьи* заключена в осмыслении вечной консциентальной битвы, начатой на Небесах между архангелом Михаилом и Люцифером (Откр.12:7). Метафизика заключена в способе мышления. Онтологически мыслящий человек не в себе полагает цели.

Задачи:

- раскрыть сотериологический смысл в литературном творчестве мыслителя;
- представить метафизику восхождения на спасительную Голгофу через государственное служение.

Актуальность исследования. Тема консциентальной войны практически не изучена (исключение: Ю. В. Крупнов, Л. Г. Ивашов), и наиболее настораживающим является факт забвения самой проблемы манкуртизации сознания для рефлексирования порабощения духа. Многие события, прошедшие в эпоху князя

Владимира или прихода к власти западников Романовых, эхом отзываются в культуре, религии, образовании и политике до сего дня. К примеру, князь Владимир из Корсуни привёз западных учёных, у которых учились будущий митрополит Илларион и Ярослав Мудрый. Пётр I из Германии привёз западных учителей и стал уничтожать русский традиционный самобытный уклад. Современное компрадорское правительство навязывает через болонское образование чуждые для России паттерны.

Постановка проблемы. Во всём мире идёт консциентальная война, а большинство жителей планеты Земля не знают об этом и, что характерно для «зомбированных» людей, не желают знать метафизическую правду и, тем более, интегрировать имманентный и трансцендентный мир.

История вопроса носит оригинальный авторский характер. Творчеству художественных дарований и государственного служения Г. Р. Державина посвящена ежегодная Международная научная конференция в Казанском университете [6; 11; 22]. Есть отдельные публикации, посвящённые теме метафизики консциентальной войны [30; 31; 32; 28; 25]. Но попытка объединить междисциплинарные сферы осуществляется впервые.

Если материализовать метафизику небытия, связанную с социально-политическими технологиями по изъятию совести, памяти и сознания, в реальные земные вопросы, то суть проблемы связана со свободой человечества, которому нужен либо пастырь, либо мондиалист. Первый как «большак» во множестве коммунитаристских общин создаёт многополярный мир, второй как обладатель геополитических ресурсов создаёт однополярный, унификационный, консьюмеристский мир. Позиция автора согласуется с традиционными духовно-нравственными ценностями. Наш субъект Державин воздействует патерналистскими и консервативными установками на объект мондиалистов, присваивающих народное достояние для утверждения истины и установления справедливости. Приятно говорить об абстрактных героях Прометее, Геракле, Данко, но в нашем случае перед автором статьи стоит сверхзадача по обнаружению саморазвивающейся социальной системы. И этой идеей является коммунитаризм, где таким героям, как патерналист Державин, отводится роль культурно-исторического человека по преобразованию действительного социального мира.

Методы исследования. В данной статье используются трансцендентный, герменевтический, сотериологический и интуитивный подходы к осмыслению бытия-небытия Державина как в литературном творчестве, так и в государственном служении. Трёх философским подходам достаточно много уделено внимания, мы тоже ими воспользуемся для интерпретации текста основной части исследования. Четвёртый подход связан с темой нашей статьи и представляет внутреннюю метафизику исследования. Метод интуиции связан с верой в реальную помощь Горнего мира и убеждениями Державина в том, что эта помощь будет оказана не для него в корыстных целях, а для торжества правды и справедливости во Вселенной и в его личном самосознании.

Инобытие как метод интуиции Державина в познании мира. Доказательство небытия от времени, пространства, движения или наличия субстанции предполагает отсутствие «вещи» в прошедшем и будущем, утерю денотатов, вездесущности и акциденции в настоящем. Наш антитезис небытия в бытии пред-

полагает наличие Логоса до сотворения тварного мира, что позволяет проникнуть в трансцендентный мир для постижения истины. Сенсуализм в познании Державина имеет колоссальное значение. К примеру, образ рождения из червя бабочки у Г. Державина в стихотворении «Бессмертие души» представляет энергию энтелехии, рождающую из ничего «вещь». Наличие интуитивных чувств свидетельствует о двойственном пребывании поэта в имманентном и трансцендентном мирах одновременно.

Предошущение «рождения» онтологической правды связано с космологическим сознанием. «Путь зерна» (Ходасевич) или «путь бабочки» (Державин) есть попытка предошущить дыхание Вселенной или Земли в тектонических сдвигах. Вне развития интуиции космологического сознания человек, по мнению И. Павлова, подвергается динамическим стереотипам [17, с. 248]. Материалисты, критикуя религиозные убеждения, обычно говорят о зависимости от эфемерных и выдуманных стихий. Но разве сами материалисты не могут быть зависимыми от вредных привычек, наносящих ущерб здоровью человека? Напротив, вне трансцендентной интуиции обыватель не сможет самостоятельно освободиться из консьюмеристской ловушки. Преподаватели, поэты и духовенство должны помочь человеку вовремя заметить предпосылки к образованию ненужной или вредной привычки зависимости и устранить её, дабы не оказаться у неё в плену [4, с. 61]. Получается, что интуитивные выводы возможны лишь на почве огромных усилий ума не одного человека [15, с. 482]. Сам генезис зарождения знания должен быть отнесён к проблемам психологическим, не имеющим никакого значения для логического анализа сформулированных кем-то готовых результатов [33, с. 32].

Для Декарта интуиция является более достоверной и совершенной чем сама дедукция, потому что полагается на мышление и созерцание [12, с. 86]. Декарт пришел к выводу, что природу материальных объектов гораздо легче познать, видя их постепенное возникновение, чем рассматривая их как совершенно готовые [8, с. 292]. Для Спинозы интуиция является ускоренным умозаключением [24, с. 325]. Для Лейбница интуиция схватывает истину, тогда как сложные понятия предоставляют только символы [16, с. 41]. Н. Лосский и П. Флоренский интуицию называли мистикой [20, с. 93]. Достоверно всё то, что остается, когда отваяно все неприводимое к восприятию субъект-объекта [26, с. 24-25]. Интуиция, по Бергсону, является самой жизнью, тогда как интеллект, чувства и сознание движутся в противоположном направлении [3, с. 228]. Можно заключить, что высший долг физиков – поиск тех общих элементарных законов, из которых путём чистой дедукции можно получить картину мира. К этим законам ведет не логический путь, а только основанная на проникновении в суть опыта интуиция [29, с. 9].

Основные идеи исследования, их результаты и обсуждение

Инобытие в литературном творчестве Державина. В творчестве Державина мы найдём множество узнаваемых образов русского усадебного быта как антитезы жилища-пещеры, скрывающегося от натиска «моря житейского» и «мглы непроглядной». Фольклорно-мифологические картины русской природы противостоят теме танатологических мотивов. Поэтическая галерея героев Отечества (Суворов, Потёмкин) сменяется врагами России и Вселенной.

Известно мистическое озарение (инсайт) Державина во время написания оды «Бог» [10, с. 306-307]. В архетипических поэтических конструкциях хаос у Державина сближен со смертью [19, с. 152], вечность природы представляется через образ падающего водопада, горы, скалы и свет как устойчивый знак семантики в олицетворении духовного Горнего мира. Оккультный лес («дебри тёмные») у Державина противопоставляется окультуренному пространству дома. Волк как хтоническое существо (демоническое чудовище), воплощающее зло, противопоставлен лани, принадлежащей божественному миру. Мотив сна как прообраз смерти антиномичен образу звезды как рождению и обновлению жизни [7, с. 33-34]. Вся онтология действительности у поэта-государственника противопоставлена Танатосу и воспеваема источник жизни подателя как первопричину всего сущего на Земле и Вселенной (ода «Бессмертие души»).

Инобытие в государственном служении Державина. Мистика трудовых будней служения на совесть подводит к герменевтическому пониманию не бытового (буквального, первого среза текста), к интерпретации сакрального духовного пласта из подвижнической жизни поэта как метода противостояния концентрической войне. Такой контекст поможет представить Державина в виде «льва», гонящего «стада волков» от границ Российской державы на государственной службе. Вся жизнь Державина была сплошным испытанием, как девять кругов ада у Данте в «Божественной комедии». В борьбе с расхитителями и издоимцами в Олонецкой и Тамбовской губернии Державин проигрывал преступному сговору коммерсантов, но не сдавался. На посту президента Коммерц-коллегии и министра юстиции получал пасквили и угрозы для жизни, но продолжал держать удар сил сплочённых мондиалистов, желающих перестроить весь мир под ростовщический рынок.

В «Феноменологии духа» Гегель утверждает, что только «благодаря пребыванию в действительно разумном и эмпирически, через свою собственную смерть, – дух становится самим собой и осуществляется» [5, с. 23]. Сам Державин считал, что он страдает за свою неуклонную приверженность к Правде всегда и во всём: «... я тем хоть бесполезен, / Что горяч и в правде чёрт» [18]. Получается, что вечная готовность к умиранию через восхождение на Голгофу «за други своя» каждый раз вызывала Державина из небытия в бытие. Державин во всём следует логике и совести, данными Богом, но встречает отпор, клеветы, преследование, снятие с должности. Складывается впечатление, что «сатана здесь правит бал». Но так как мы сторонники консервативной традиционалистской философии, то скажем словами Христа: «Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. 12: 32). Таким образом, небытие побеждается Голгофой, что и доказывает всем своим поведением поэт-государственник.

Испытания Державина концентрической войной. Само интересующее нас понятие «концентрической» (войны) происходит от слов «совесть» (conscience) и самосознание (consciousness). Значит, как в эпоху Г. Державина, так и сегодня стреляют не из пушек по солдатам и мирным гражданам, а по их душам с помощью социально-политических технологий [28]. Любые искажения жизненной государственной нормы в виде воровства, эксплуатации низового населения, кумовства в высших эшелонах власти и прочих злоключений закла-

дывались в сознание как само собой разумеющиеся «неписанные истины». Несправедливое отношение к народу, расхищение государственного имущества и другие изъятия во внутренней политике государства свидетельствуют о торжестве консциентальной войны. «Заказчиками» консциентальной войны можно назвать бескультурье, спайку мошенников, непросвещённость масс.

Но заметим, заходя несколько вперёд, что у данного явления есть конспирологический почерк, о котором писал Державин: «Гнездо суеверий и ненависти к христианам выражались в коварных замыслах искусного грабежа под видом приязни и дружеского посещения в трёх понятиях хазаки, херимы и коледы» [9, с. 261]. Но ни Екатерина II, назначившая Державина президентом Коммерц-коллегии, ни Александр I, давший пост министра юстиции, не захотели (или им не давали) разобраться в причинах ослабления России. По сути дела, они представляли собой «компрадоров», с подобострастием служивших своему родному по крови Западу.

Павел I как единомышленник Державина по консциентальной безопасности. Исключением является Павел I, восстановивший Державина государственным казначеем (министром финансов). В 1799 и 1800 году Державин дважды направляется Павлом I в Белоруссию для восстановления справедливости, где помещики «... из безмерного корыстолюбия оставляют крестьян без помощи и прокормления» (рескрипт императора Павла I). В докладной записке «Мнение об отвращении в Беларуси голода и устройстве быта евреев» Державин пишет о самоуправстве помещиков и чужеземных арендаторов, которым всего на год (Державин предлагал увеличить срок аренды до 9 лет) давались русские земли, а они за это короткое время «выколачивали» из крестьян немыслимую выгоду через эксплуатацию. Доведённые до отчаяния, крестьяне бросали свои хозяйства и удили рыбу в сезон уборочных полевых работ. Их стали обвинять в тунеядстве и лени. Фактически предсуйцидное состояние населения было в конечном итоге спровоцировано социальными условиями изъятия всей прибавочной стоимости до такой степени, что у человека не оставалось никакой заинтересованности не только в труде, но и в самой жизни.

Схема была такой: крестьянин сдавал зерно корчмарю, а тот – втридорога арендатору. Корчмарь делился с помещиком и другими заинтересованными надсмотрщиками. Державин посчитал своим долгом уничтожить мафию. Его вначале пытались купить за 200 тысяч рублей. Затем стали угрожать, далее посыпались жалобы и преследования [14]. Александра I больше занимало политическое укрепление трона, а поэтому связь с польскими (Чарторыйский и Потоцкий) и еврейскими старшинами была для него важнее, чем правда Державина. Здесь мы наблюдаем картину, когда сам представитель верховной государственной власти, император, оказывается на стороне разжигающих консциентальную войну, в то время как его подданный все свои силы употребляет на консциентальную безопасность России. Позже – символичное повторение: в 1858-1859 годах уже сам народ стал отстаивать свою консциентальную независимость. Речь идёт об известном антиалкогольном бунте. Однако у правительства были другие убеждения на данный инцидент. Десятки тысяч крестьян были избиты, а часть отправлена в Сибирь [2]. В антиалкогольном бунте император напрямую выступил в роли исполнителя консциентальной войны. Возможно, именно эта неспра-

ведливость к народу послужила спусковым крючком свержения монархии в Октябрьскую революцию.

Заключение. Выйдя в отставку в 1809 году, Державин не поменял своей активной гражданской позиции. Он стал одним из инициаторов создания литературной организации «Беседа любителей русского слова», где продолжил с единомышленниками думать о благоустройстве России, а текстологические и идеологические споры выливались в итоге в очевидную цивилизационную «борьбу» [12, с. 98], которую мы также можем рассматривать как концентриальную битву. Недолгие по времени земные страдания Г. Державина как одного из первых отечественных защитников концентриальной безопасности обрели «... в безмерном преизбытке вечную славу» (2Кор.4:17). Именно за благородство и милосердие поэт заслужил подлинное бессмертие [13, с. 27]. Смерть подобна зерну, которое, если не умрёт, то и не произрастёт в колос. Так «уход из жизни» понимает и Державин, когда пишет: «Чтоб дух мой в смертность облачился, / И чтоб чрез смерть я возвратился» – или: «Весь я не умру, но часть меня большая / От тлена убежав, по смерти станет жить» [11, с. 39, 63].

Великие русские просветители и патриоты, такие как Михаил Ломоносов, патриарх Гермоген, Гавриил Державин, разбудили «дремлющую Русь» через славянофилов и почвенников (Аксаков, Данилевский, Достоевский), а они уже во весь голос заявили о самобытном национальном и религиозном самосознании русского народа, не зависящем от развития западной цивилизации. История движется волнами. Сегодня перед Россией вновь стоит задача снять «иностранные очки» [1, с. 47].

Теоретическая значимость исследования заключена в осмыслении концентриальной войны не только в государственном, но и в литературном служении Г. Р. Державина. Научная новизна состоит в том, что творческая и профессиональная работа Державина в исследовательских публикациях впервые рассматривается в геополитическом контексте как концентриальная битва.

Практическая значимость связана с просвещением людей об идущей концентриальной войне, скрывающейся под видом света и заботы о гражданах.

Для решения научной проблемы, связанной с концентриальной безопасностью, мы пришли к выводу, что без космоцентризма, сотериологии и экзистенциально мыслящих людей, таких как Державин, мы всегда будем находиться в психологической зависимости от желающих присвоить чужую собственность. В данный исторический момент для выхода из системного социально-политического кризиса снова нужны подвижники благочестия – и именно такие, как наш великий соотечественник-государственник Г. Р. Державин, который примером личного подвига показал глубокую необходимость постоянного созидания социально-политических технологий концентриальной безопасности.

Список литературы

1. Аксаков К. С. О русских глаголах. М.: тип. Л.Степановой, 1855. 47 с.
2. Антиалкогольный бунт в России. URL: <http://xn--eladcaacuhnujm.xn--p1ai/antialkogolnyj-bunt-v-rossii.html>
3. Бергсон А. Творческая эволюция. Минск: Харвест, 1999. 1408 с.
4. Выготский Л. С. Лекции по психологии. СПб.: Союз, 1997. 144 с.

5. Гегель Г. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. М.: Наука, 2000. 495 с. (Памятники философской мысли).
6. Г. Р. Державин и диалектика культур: сб. материалов Международной научной конференции (Казань, 29 ноября – 1 декабря 2018 г.) под ред. А. Н. Пашкурова, А. Ф. Галимуллиной. Казань: изд-во Казан. ун-та, 2018. – 300 с.
7. Дедюхин О. В., Сизых О. В. Бытие и инобытие в картине мира Г. Р. Державина // Г. Р. Державин и диалектика культур: материалы международной научной конференции. Казань, 29 ноября – 1 декабря 2018 года / под ред. А. Н. Пашкурова и А. Ф. Галимуллиной. Казань. Изд. Каз. ун-та, 2018. 300 с.
8. Декарт Р. Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1950. 712 с.
9. Державин Г. Р. Сочинения Державина. Т. 1-9. СПб., 1867-1880. Т.7. 661 с.
10. Державин Г. Р. Сочинения / сост., биограф. очерк и коммент. И. И. Подольской. М.: Правда, 1985. 576 с.
11. Державин и диалектика культур. Казань: КГУ, 2010. 157 с.
12. Западов В. А. Текстология и идеология (борьба вокруг литературного наследия Г. Р. Державина // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 4. Л.: Наука, 1980. С. 96-129.
13. Звонарёва Л. У. Прения живота со смертью в поэзии Г. Р. Державина // Поэтика Г. Р. Державина и литературные диалоги: коллективная монография / под ред. А. Н. Пашкурова и А. Ф. Галимуллиной. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. 272 с.
14. Козляков В. Г. Державин и Беларусь: Частная польза вельмож перемогла государственную. РИА "Новости", 2013.
15. Конович Л. Г., Медведева Г. И. Философия: учебник высших учебных заведений. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 576 с.
16. Лейбниц Г. Избранные философские произведения. М., 1908. 338 с.
17. Леонтьев А. Н. Деятельность Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с
18. Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1929-1939.
19. Литературные архетипы / под ред. Е. М. Мелетинского. М., 2001. 432 с.
20. Лосский Н. Обоснование интуитивизма. Берлин, 1924. 276 с
21. Мишурков А. А. Диалог цивилизаций: традиционные ценности в условиях глобализации: монография / Оренбургский гос. ун-т. Оренбург: Университет, 2017. 520 с.
22. Поэтика Г. Р. Державина и литературные диалоги: коллективная монография / под ред. А. Н. Пашкурова, А. Ф. Галимуллиной. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – 272 с.
23. Российский военный сборник в 21 т. Вып. 12: Христоролюбивое воинство (496 с). Вып. 13: Душа Армии. М.: Военный университет, 1997. 624 с.
24. Спиноза Б. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 631 с.
25. Толстенко А. М. Европейская метафизика: от бытия-как-природы к бытию-как-истории. СПб.: Гуманитарная Академия, 2011. 383 с.
26. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М.: Путь, 1914. 814 с.
27. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1947. 868 с.
28. Шишкин А. Е. Метафизика концентриальной войны. Самара: Мечта, 2018. 388 с.
29. Эйнштейн А. Физика и реальность. М.: Наука, 1965. 359 с.
30. Юлиус Эвола. Метафизика войны. Тамбов: Пролетарский светоч, 2008. 168 с.
31. Якунин В., Багдасарян В., Сулакшин С. Западня: новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Эксмо, 2010. 430 с.
32. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.
33. Popper K. The Logik of scientific discovery. London, 1959. 480 p.

Дата поступления в редакцию: 12.02.2019

Авторская справка

ШИШКИН Алексей Ефимович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Самарского медицинского университета «Реавиз», Самара, Россия. E-mail: ladomir12345@rambler.ru

UDC 111.82

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.76

METAPHYSICS OF NON-BEING IN THE BATTLE OF G. R. DERZHAVIN

A. E. Shishkin*Medical University "Reaviz", Samara (Russia)*

Introduction. Modern reality represents its absence and non-existence for some people in the pompous, and for others – in suicidal reality. Both those and others do not live, but create the appearance of life. In the age of consumerism for young people, examples of a noble life are needed to lift the passionary spirit, warm up national identity and build a communitarian society.

Methods. We will examine the metaphysics of non-existence in literary works and in the public ministry of G. Derzhavin. With the help of soteriology and hermeneutics, non-existence is used as a method of Derzhavin's intuition in the knowledge of the world. Science in the person of A. Einstein creates the epistemological problem of "historical intuition". G. Weyl defines "mathematical intuition". M. Bunge also added a third type of knowledge to "sensual" and "intellectual" – "pure intuition". E. Husserl introduces a new type of contemplation – "ideological abstraction" as a phenomenological way of movement towards the universal.

Results. The creation of preconditions for the organization of an ideational society is ruled out by the ongoing clinical war. Socio-political mechanisms of historical and civilizational faults made their own proof-reading for society, which, according to mondialists, does not need to know the truth. We must try to be heard, so that those in power are interested in reconstructing real events in order to overcome the systemic crisis. It is necessary to find the courage to voluntarily recognize voluntary or involuntary aiding in compradorism to talassocrates, otherwise the country and the political establishment will have no future.

Conclusions. G. Derzhavin as a representative of the cultural-historical type organically combines the immanent and transcendental world, which gives the poet-state figure to see destructive technologies, to resist and crush them in the eschatological sense.

Keywords: intuitivism; phenomenology; bestiary and animalistic genres; allegory; existentialism; archetype; antinomy; thanatos.

Referenses

1. Aksakov K. S. O russkih glagolah [About Russian verbs], Moscow: typ. L. Stepanova, 1855, 47 p.
2. Antialkogol'nyj bunt v Rossii [Antialcoholic revolt in Russia]. Available at: <http://xn--e1adcaacuhnujm.xn--p1ai/antialkogolnyj-bunt-v-rossii.html>
3. Bergson A. Tvorcheskaja jevoljucija [Creative Evolution], Minsk: Harvest, 1999, 1408 p.
4. Vygotsky L. S. Lekcii po psihologii [Lectures on psychology], St. Petersburg: Soyuz, 1997, 144 p.
5. Hegel G. Fenomenologija duha [Phenomenology of the Spirit], per. with him. G.G. Shpet, Moscow: Science, 2000, 495 p. (Monuments of philosophical thought).
6. G. R. Derzhavin i dialektika kul'tur: sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [G.R. Derzhavin and the dialectic of cultures: sat. materials of the International Scientific Conference] (Kazan, November 29 - December 1, 2018), ed. A.N. Pashkurova, A.F. Galimullina, Kazan: Kazan University publishing house, 2018, 300 p.
7. Dedyukhin O. V., Sizykh O. V. Bytie i inobytie v kartine mira G. R. Derzhavina [Genesis and otherness in the picture of the world GR Derzhavina], *G. R. Derzhavin i dialektika kul'tur: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [G.R. Derzhavin and the dialectic of cultures: materials of the international scientific conference]. Kazan, November 29 - December 1, 2018, ed. by A.N. Pashkurova and A.F. Galimullina, Kazan: Kazan University, 2018, 300 c.
8. Descartes R. Izbrannye filosofskie proizvedenija [Selected philosophical works], Moscow: Gospolitizdat, 1950, 712 p.
9. Derzhavin G. R. Sochinenija Derzhavina [Works of Derzhavin]. T. 1-9, Saint Petersburg, 1867-1880, T. 7, 661 p.

10. Derzhavin G. R. Sochinenija [Works], comp., biographer essay and comment. I.I. Podolsky, Moscow: Pravda, 1985, 576 p.
11. Derzhavin i dialektika kul'tur [Derzhavin and the dialectic of cultures], Kazan: KSU, 2010, 157 p.
12. Zapadov V. A. Tekstologija i ideologija (bor'ba vokrug literaturnogo nasledija G. R. Derzhavina) [Textology and ideology (the struggle around the literary heritage of GR Derzhavin)], *Problemy izuchenija russkoj literatury XVIII veka* [Problems of studying Russian literature of the XVIII century]. Issue 4, Leningrad: Science, 1980, pp. 96-129.
13. Zvonareva L. U. Prenija zhivota so smert'ju v poezii G. R. Derzhavina [Belly debates with death in the poetry of G. Derzhavin], *Pojetika G. R. Derzhavina i literaturnye dialogi: kollektivnaja monografija* [Poetics of G. R. Derzhavin and literary dialogues: a collective monograph], ed. A.N. Pashkurova and A.F. Galimullina, Kazan: Kazan un-ty publishing house, 2017, 272 p.
14. Kozlyakov V. G. Derzhavin i Belarus': Chastnaja pol'za vel'mozh peremogla gosudarstvennuju [G. Derzhavin and Belarus: Private use of the nobles over the state]. RIA "News", 2013.
15. Konovich L. G., Medvedeva G. I. Filosofija: uchebnik vysshih uchebnyh zavedenij [Philosophy: Textbook of higher educational institutions], Rostov-on-Don: Phoenix, 2002, 576 p.
16. Leibniz G. Izbrannye filosofskie proizvedenija [Selected philosophical works], Moscow, 1908, 338 p.
17. Leontiev A. N. Dejatel'nost' Soznanie. Lichnost [Activity Consciousness. Personality], Moscow: Politizdat, 1977, 304 p.
18. Literaturnaja jenciklopedija: v 11 t. [Literary encyclopedia: in 11 vol.], Moscow, 1929-1939.
19. Literaturnye arhetipy [Literary archetypes, edited by E.M. Meletynsky], Moscow, 2001, 432 p.
20. Lossky N. Obosnovanie intuitivizma [Justification of intuitivism], Berlin, 1924, 276 p.
21. Mishuchkov A. A. Dialog civilizacij: tradicionnye cennosti v uslovijah globalizacii: monografija [Dialogue of civilizations: traditional values in the context of globalization: monograph], Orenburg State University, Orenburg: University, 2017, 520 p.
22. Poetics G. R. Derzhavina i literaturnye dialogi: kollektivnaja monografija [Derzhavina and literary dialogues: a collective monograph], ed. A.N. Pashkurova, A.F. Galimullina, Kazan: Kazan. University, 2018, 272 p.
23. Rossijskij voennyj sbornik: v 21 t. [Russian military collection: in 21 vol.]. Issue 12: Christ-loving army (496). Issue 13: Soul of the Army, Moscow: Military University, 1997, 624 p. (1992-2005, 6500 p.).
24. Spinoza B. Izbrannye proizvedenija [Selected Works], Moscow: Gospolitizdat, 1957, vol. 1, 631 p.
25. Tolstenko A. M. Evropejskaja metafizika: ot bytija-kak-prirody k bytiju-kak-istorii [European metaphysics: from being-as-nature to being-as-history], Saint Petersburg: Humanitarian Academy, 2011, 383 p.
26. Florensky P. A. Stolp i utverzhenie istiny [Stolp and the statement of truth], Moscow: Path, 1914, 814 p.
27. Chernyshevsky N. G. Poln. sobr. soch.: v 15 t. [Complete collected cit., in 15 vol.]. Vol. 3, Moscow: Goslitizdat, 1947, 868 p.
28. Shishkin A. E. Metafizika konsencial'noj vojny [Metaphysics of the institutional war], Samara: Dream, 2018, 388 p.
29. Einstein A. Fizika i real'nost [Physics and reality], Moscow: Science 1965, 359 p.
30. Julius Evola. Metafizika vojny [Metaphysics of war], Tambov: Proletarian Light, 2008, 168 p.
31. Yakunin V., Bagdasaryan V., Sulakshin S. Zapadnja: nove tehnologii borby s rossijskoj gosudarstvennost'ju [Zapadnja: new technologies of struggle against the Russian statehood], Moscow: Eksmo, 2010, 430 p.
32. Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii [Meaning and purpose of history], Moscow: Republic, 1994, 527 p.
33. Popper K. The Logik of scientific discovery, London, 1959, 480 p.

Author's Bio

SHISHKIN Alexey Efimovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, Samara Medical University "Reaviz", Samara, Russia. E-mail: ladomir12345@rambler.ru.

Библиографическая ссылка

Шишкин А. Е. Метафизика небытия в консциентальной битве Г. Р. Державина // Socio-Time / Социальное время. – 2019. – № 2(18). – С. 76-84. – DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.76

УДК 316.356

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.85

ГЕНЕРАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ И ЭТНОГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В. А. Беляев, А. А. Ахметшина

*Казанский национальный исследовательский технический университет
имени А. Н. Туполева – КАИ, Казань (Россия)*

Введение. Цель статьи – выявление специфики отношения разных поколений населения Татарстана к языковой и этногосударственной политике, что наиболее актуально в регионах с примерно равным биэтническим составом. Анализ позволил рассмотреть распределение мнений респондентов согласно их возрасту и этничности по языковым вопросам (присущий Татарстану билингвизм, выбор родного языка и языка коммуникации, сфера преподавания татарского языка в школах), проблемам этнической и этногосударственной идентификации (отношение к суверенитету РТ, двустороннему договору РФ-РТ, упразднению должности Президента РТ).

Методы. В статье проанализированы итоги репрезентативного опроса населения РТ, проведенного в Казани, в больших, крупных и средних городах, а также сельских поселениях Татарстана. В опросе приняло участие 1480 человек, в том числе 669 татар, 613 русских. Среди опрошенных выделяются поколение «стабильности 2000-х гг.» (37,3 % респондентов); поколение «перестройки и реформ» (17,5 %); поколение «застоя» (30,6 %); поколение «оттепели» (14,5 %).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Расхождение мнений русских и татар по рассмотренным проблемам, снизившееся в 2000-е гг., снова становится заметным в условиях «русской весны», подъема этногосударственного самосознания русских, распространения идей государственного ирредентизма, защиты прав русских вне пределов РФ и собирания русских земель.

Заключение. В то же время данные расхождения, требующие своего научного анализа и регулирования, не достигают уровня пика «суверенизации» 1991 г. и не подрывают превалирования общероссийской идентичности всех возрастных и этнических групп РТ, что позволяет минимизировать угрозы экстремизма в сознании и поведении населения.

Ключевые слова: билингвизм, родной язык, язык коммуникации, преподавание татарского языка в школах, суверенитет РТ, двусторонний договор между РФ и РТ, этногосударственность.

Выражаем признательность Российскому фонду фундаментальных исследований и Правительству РТ за поддержку в рамках проекта № 18-411-160011 «Социальные и информационно-сетевые аспекты трансформации политики билингвизма в Республике Татарстан в контексте поддержания этнической толерантности населения».

Введение. Расхождение политики государства и отношения к ней населения особенно опасно в полиэтнических регионах в силу возможности быстрой этнической мобилизации, в период отказа от реликтов суверенитета республики и всеобщей обязательности изучения татарского языка, поэтому *цель исследования* – выявление специфики отношения разных поколений населения Татарстана к языковой и этногосударственной политике. Среди *задач* статьи – выяснение распределения по возрасту и этничности респондентов, их мнений по вопросам присущего Республике Татарстан билингвизма, выбора родного языка и языка коммуникации, сферы преподавания татарского языка в школах, этнической и этногосударственной идентификации.

Во многих странах Запада в связи с растущей миграцией и процессами глокализации растет стремление к возрождению языков и суверенитета этнических меньшинств, причем исследователи данных проблем придерживаются одной из трех позиций: суверенизация регионов стран Запада не противоречит государственному суверенитету стран-членов ЕС, а является воплощением тенденции к глокализации; противоречия между трендами этнической суверенизации и сохранения суверенитета неразрешимы; замена Европы государствам на Европу провинций позитивна [1, 7, 8, 10, 11]. В отечественной литературе сходные исследования опираются на официальный дискурс о суверенитете Республики Татарстан и предпочтениях татарскому языку. Вместе с тем в научной литературе преобладает концепция, согласно которой все субъекты Российской Федерации должны обладать одинаковыми правами, а граждане России – иметь равные права на изучение родного языка [4-6, 12, 13].

Пропагандируемый в СМИ и образовании РТ историософский нарратив включает в себя представления о многовековом характере государственности татар и возрождении этой государственности с 1990 г. В силу этого Татарстан должен обладать всеми признаками государственности – не только формальными атрибутами, но и необходимостью всеобщего знания татарского языка в республике, действием двустороннего договора и т.д. Все эти идеологемы взаимосвязаны и функционируют только как единая система, выражающая в представлении как руководства РТ, так и татарских национальных движений государственность татар, отраженную в Декларации о государственном суверенитете ТССР 1990 г., в преамбуле Конституции РТ [3]. Раньше в указанный нарратив входили также идеи гражданства РТ и «двойного» гражданства РФ и РТ, перехода на латиницу, полного суверенитета РТ, наличия особой социоэкономической и политико-правовой систем в РТ. Так, в 1990-е гг. М. Шаймиев утверждал: «Стремление реализовать свои неотъемлемые права порой сопровождается вынужденным нарушением ряда существующих законов и законодательных актов», а спикер парламента РТ Ф. Мухаметшин подчеркивал: «Государственность татарского народа имеет более чем тысячелетние традиции. ...в досоветский период государственность народов, проживавших на нашей территории, юридически никто не отменял» [9]. Вместе с тем значительная часть татар и тем более нетатар разных поколений весьма амбивалентно оценивает названные идеи.

Методы исследования. В работе использован метод массового опроса. Раскрыты результаты опроса населения РТ, проведенного в Казани, в больших, крупных и средних городах и ряде сел республики. Проанкетировано 669 татар, 613 русских, всего 1480 респондентов. Авторы пришли к выводу о наличии расхождения данных оценок по поколениям и по национальной принадлежности опрошенных.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Рассмотрим генерационную специфику языковой и этногосударственной политики в полиэтническом обществе Татарстана. Так, *билингвизм* неравномерно распределен по этническим общинам и поколениям проживающих в РТ. Так, среди опрошенных можно выделить поколение «стабильности 2000-х гг.» – это люди в возрасте до 24-х лет (16,1 % респондентов) и от 25-34 (21,2%); поколение «перестройки и реформ» – от 35 до 44 лет (17,5 %); поколение «застоя» – 45-54 года (16,1 %) и 55-64 года (14,5 %); поколение «оттепели» – от 65 лет и выше (14,5 %) [2]. Мы видим практически поголовное *владение русским языком*: «свободно говорят, читают и пишут» на нем 96,3 % опрошенных, в т.ч. 98,5 % среди русских и 94,3 % среди татар. Отсутствие свободного владения русским языком затрудняет коммуникационные, образовательные и профессиональные возможности граждан РФ. Однако даже в XXI в. остаются мигранты из села, понимающие, что их владение русским языком является недостаточным.

Совсем иная, асимметричная картина складывается с *татарским языком*. Считают, что свободно владеют им, 65,3 % респондентов-татар и лишь 1,0 % русских. Надо сказать, что столь низкий уровень свободного владения татарским языком не меняется десятилетиями, несмотря на политику его всеобщего изучения в образовательных учреждениях на протяжении 1990-х–2010-х гг. Эта политика привела лишь к росту владения языком среди самих татар. И хотя в школах РТ всех детей до 2018 г. обучали именно письменной речи, довольно значительная доля татар владеет родным языком только как разговорным – 17,1 % (среди русских 1,7 %). «Говорят, но с затруднениями» еще 8,7 % опрошенных, в том числе 10,0 % среди русских и 7,5 % татар. Понимают татарский, но не говорят на нем 21,6 % русских и 9 % татар. Совершенно не владеют этим языком 1,1 % татар и 65,7 % русских. Тем самым *проблема билингвизма остается нерешенной, в основном в русской среде*.

Если сравнить респондентов по возрасту, то свободное владение татарским языком демонстрируют молодые и зрелые респонденты (от 2/3 до 3/4 по поколениям), тогда как среди пожилых (старше 65 лет) таких все еще 46,7 %, что объясняется слабым вниманием к изучению татарского языка, а также падением значимости и утратой ряда функций у нерусских языков в годы «оттепели» и «застоя». Что касается вариантов ответов «говорю, но с затруднениями» и «понимаю, но не говорю», то обнаруживается обратная пропорциональная частота их выбора в зависимости от возраста. Это детерминировано как рождением молодых в городской среде, так и малоэффективным, но обязательным изучением татарского языка в школах.

Владение языком зависит во многом от того, *какой язык представляется респонденту родным*. Если среди русских считают русский язык родным 99,7 %, то среди татар уже 16,3 % тоже определяют русский язык как родной. Совсем иная картина вырисовывается с татарским языком: никто из русских не назвал данный язык родным, а среди татар таковых обнаружилось 76,3 %. Оба языка выбрали в качестве родных 7,5 % татар и 0,3 % русских, что связано с миксацией родителей. При этом, если называют русский язык родным в целом немногим более половины опрошенных (57,2 %), то одновременно прослеживается падение такого выбора по возрастам: от 68,5 % среди юных до 45,0 % среди пожилых. Соответственно, с возрастом респондентов растет и выбор татарского языка в качестве родного – от 26,7 % у юных до 46,9 % у пожилых, что свидетельствует о снижении популярности татарского языка как родного у молодого поколения.

Более ярким является *определение языка коммуникации*. Почти все назвавшие себя русскими общаются дома на русском (98,5 %), этот же язык является средством домашней коммуникации для 27,0 % татар. Традиции общения на языке национальности начинают утрачиваться у татар за пределами квартиры. Так, если среди русских с друзьями и сверстниками по-русски общаются почти столько же (95,4 %), то среди татар – уже 36,3 %. Совсем иная ситуация складывается в трудовых коллективах, поскольку они, как правило, являются полиэтническими. На работе или учебе общаются на русском 97,9 % русских и 50,5 % татар. Основным каналом и ареалом сохранения татарского языка как средства коммуникации остается семья. В ней на татарском языке общаются 34,8 % татар, на обоих языках РТ – 1,5 % русских и 38,2 % татар. С друзьями общение на татарском языке происходит у 0,7 % русских и 11,9 % татар, на обоих языках – соответственно 3,9 % и 51,7 % (это касается мигрантов из села и деятелей культуры). В трудовом или учебном коллективе татарский язык не столь популярен: на нем общаются лишь 7,1 % татар и 0,0 % русских, а на двух языках – 42,4 % татар и 2,1 % русских. Это во многом определяется требованиями техники безопасности в полиэтническом коллективе.

В качестве одного из каналов возрождения функций татарского языка власти РТ выбрали *школу*. В конце 1980-х гг. руководство республики и национальные движения предлагали сделать татарский язык обязательным предметом лишь для школьников-татар, но развитие «казанского феномена» молодежных ОПГ поставило под сомнение идею разведения русских и татарских детей по разным школам. Многонациональное движение РТ «Согласие» предложило вместо этого всеобщее изучение татарского и русского языков в школах, но с учетом различия в их общественных функциях – в разных объемах, причем обучение разговорному татарскому языку должно было проходить лишь в компьютерных, игровых и зрелищных формах. В итоге руководство РТ ввело повсеместное школьное обучение обоим языкам в равных объемах – до 6 часов в неделю. Это сократило общий объем часов преподавания русского языка в школе с 1200 в среднем до 700, в результате чего в последние 25 лет постепенно нарастало недовольство русскоязычных родителей и детей (как русских, так и татар). В 2017 г. это недовольство стало активно проявляться в пикетах, митингах, жалобах и растущем demonstra-

тивном отказе от изучения татарского языка. По этому поводу даже прошел целый ряд судебных процессов, на которых «отказники» были осуждены. Президент РФ поставил вопрос о необходимости отказа от обязательности изучения неродных языков в ущерб русскому. Изучение «национальных языков» перешло из разряда обязательных в число элективных (но не факультативных). Затем был принят закон, призванный урегулировать данный конфликт, причем большинство депутатов от РТ поддержали его в первом чтении, тогда как депутаты Госсовета РТ оценили его негативно. Надо сказать, что эта проблема является в РТ не межэтнической, а внутриэтнической.

Поэтому на вопрос «Как Вы относитесь к проблеме преподавания татарского языка в учебных заведениях Татарстана?» выбирают вариант ответа «Татарский язык должен обязательно изучаться всеми учащимися, независимо от их национальности, в равном объеме с русским языком» только 4,2 % русских и 24,9 % татар. Предпочли вариант «Татарский язык должен быть обязательным для всех, но в меньшем объеме, чем русский язык» 15,8 % русских и 22,8 % татар. Заявили же, что «татарский язык должны изучать татары в обязательном порядке, а другие национальности по желанию, факультативно», 27,3 % русских и 22,3 % татар. Вариант «Татарский язык должен изучаться только по желанию, факультативно независимо от национальности учащихся» декларировали 46,9 % русских и 23,8 % татар. Таким образом, опрошенные татары разделились на четыре примерно равные категории в отношении директивности и всеобщности изучения татарского языка, тогда как подавляющее большинство русских не хотят изучать татарский язык вовсе.

Примечательно распределение названных вариантов по возрасту респондентов. Доля выбравших первый вариант растет по мере увеличения возраста опрошенных и среди старшего поколения достигает четверти респондентов, ибо эти люди еще застали период возрождения татарского языка и культуры при секретаре обкома КПСС С. Игнатъеве в конце 1950-х гг. Еще 18,7 % опрошенных предлагают сохранить обязательность преподавания татарского языка, но в меньшем объеме, чем русского, при этом выделяется повышенная доля 35-54-летних, которые в своем большинстве сами изучали татарский язык уже в годы перестройки. Ответ «Татарский язык должен изучаться только по желанию, факультативно независимо от национальности учащихся» дифференцируется от 40,9 % у юных до 27,0 % у пожилых. Это явление объясняется неприятием недавними школьниками методики преподавания татарского языка, включавшей в себя теоретические основы дисциплин, преподаваемых в вузах, но не обучение разговорному татарскому языку. В дальнейшем, когда рассматриваемый конфликт элиминируется, можно будет вернуться к школьной практике 1930-1950-х гг. всеобщего обучения разговорному татарскому языку в основной школе (по 9 класс) в размере двух часов в неделю.

Для этнической идентификации человека могут быть различные основы. Так, на вопрос «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?» мы получили следующее распределение. Вариант «Язык» выбрали 74,0 % опрошенных. На второе место вышел ответ «Обряды, обычаи» (его выбрали 41,7 % респондентов).

тов), причем для татар этот маркер является более значимым, чем для русских: 48,3 % и 34,5 %, соответственно. Третье место занял индикатор «Родная земля, природа» – 34,3 % опрошенных: 37,2 % татар, 31,2 % русских. Этнические различия в оценке значимости данного признака объясняются тем, что, если русские диффузно расплывлены по России, то у татар при всей их территориальной дисперсии имеется поселенческое ядро в виде особой республики. Вариант ответа «Религия» выбрали 30,4 % респондентов, причем заметно расхождение среди русских и татар (24,5 % и 35,7 % соответственно). Эти данные подтверждают вывод о том, что религиозная принадлежность для нерусских народов часто становится маркером этнической идентификации из-за отсутствия прочных связей с родным языком и высокой татарской культурой. А вот ответ «Общая страна» стал маркером объединения со своим этносом в основном для русских, воспринимающих в качестве своей отчизны всю территорию РФ или даже нечто большее. Для татар же (тоже являющихся в своем подавляющем большинстве патриотами России) наличие последней лишь объединяет их в государственном отношении, но никак не воспринимается в качестве этнического маркера. Так, если по всему массиву опрошенных названный вариант выбрали 21,3 %, то среди русских – 28,1 %, а среди татар – лишь 15,1 %. Остальные признаки еще менее популярны: национальную литературу и искусство выбрали 20,8 % (причем парадоксально то, что в большей части это русские, что детерминировано всеобщим знакомством именно с русской культурой, несмотря на отдельный предмет «Татарская литература» во всех школах). Менее популярны ответы «Особенности быта», «Черты характера, психология», «Исторические судьбы, прошлое», «Внешний облик».

Что касается распределения ответов по поколениям, то язык выделяют в качестве объединяющего начала прежде всего пожилые люди (82,8 % против 72,2 % среднего значения по возрасту), обряды и обычаи – чаще люди 45-54-летнего возраста (46,0 % против 40,1 % среднего значения). Меньше всего признак «родная земля, природа» выбрало поколение перестройки и реформ (35-44 летние: 28,6 % против 36,0 % в среднем). Реже видит религию в качестве этнического маркера поколение застоя: 19,6 % против 28,8 %. Особенности быта меньше всего отмечают 45-54-летние, а 55-64-летние – чаще других (24,3 %). Черты характера, психологию упоминают вдвое чаще люди юного, молодого и первого зрелого возраста (до 44 лет), чем люди более старших поколений.

Исходным критерием *этногосударственной идентификации* жителей Татарстана способен стать ответ на вопрос «Какой ответ из перечисленных ниже Вам наиболее близок?» с вариантами ответов «Я россиянин», «Я татарстанец», «Я в равной степени россиянин и татарстанец». Первый вариант, свидетельствующий об общероссийской идентичности и неотнесении себя к татарстанской государственности, выбрали 39,5 % опрошенных: при этом, если среди русских такой ответ предпочли 61,5 %, то среди татар – 19,4 %, что показывает наличие корреляции этнической и этногосударственной идентичности. Еще четче эта связь прослеживается при выборе ответа «Я татарстанец». В целом этот вариант выбрали 10,5 % респондентов, среди русских – 1,0 %, среди татар – 19,2 %. Сходная

картина вырисовывается и среди выбравших компромиссный вариант «Я в равной степени россиянин и татарстанец»: среди всей выборочной совокупности его указало относительное большинство (45,2 %), в том числе 30,9 % русских, 58,3 % татар. Выбор большинством русских только российской идентичности и подавляющим большинством татар – отказа от этого варианта показывает наличие коллизии этногосударственных идентичностей, вызванной неприятием сепаратизма РТ 1990-х гг. Распределение по возрасту вариантов ответов показывает непопулярность исключительно российской идентификации среди самого старшего поколения (этот вариант выбрали 24,7 % респондентов старше 65 лет). Это же поколение чаще остальных выбирало вариант «Я татарстанец» (13,5 %), вовсе не популярный у людей 35-64 лет. Старшее поколение превалирует и среди тех, кто предпочитает компромиссный вариант (60,5 % людей старше 65 лет выбрало ответ «Я в равной степени россиянин и татарстанец»).

Своего рода контрольными для этого вопроса стали два других. Первый из них – «Что Вы считаете своей Родиной?». В качестве Родины ответ «Россия» выбрали более трети респондентов (33,8 %), причем русских среди ответивших оказалось почти в два раза больше (43,8 %), чем татар (24,7 %). Вариант «Город, в котором родился» указало 27,2 % респондентов (28,6 % русских, 25,9 % татар). А вот Республику Татарстан в качестве Родины отметило всего 18,9 % респондентов, при этом из них 28,7 % – это татары и лишь 8,0 % – русские. Были предложены также такие варианты, как «СССР» – 9,2 % (среди русских – 7,9 %, татар – 10,3 %), «Город, где проживаю в настоящее время» – 8,0 % (среди русских – 8,4 %, татар – 7,6 %). По возрасту мнения респондентов распределились следующим образом. Вариант «Россия» выбирали более молодые респонденты (три категорий в возрасте до 44 лет: соответственно 34,9 %, 38,7 %, 42,4 %). Вариант «Город, в котором родился» указало также более молодое поколение (две категории до 34 лет, соответственно 33,6 % и 31,6 %). РТ в качестве Родины указывалась, наоборот, более старшим поколением (среди двух возрастных категорий от 55 лет – 23,0 % и 27,4 %). СССР также выбирало более старшее поколение, что логично (от 55 лет – 18,3 % и 16,3 %, соответственно). Несмотря на многолетнюю пропаганду официального этногосударственного дискурса в РТ, молодежь и даже большинство татар относятся к нему индифферентно или амбивалентно. Очевидно, что более значимую роль для государственной идентификации населения РТ играет его аккомодация к реалиям общероссийской жизни и господство российской идентичности в СМИ и системе образования.

Второй контрольный вопрос – «Как Вы считаете, кто в большей степени отстаивает интересы Вашего народа?». Уверенность в том, что это – республиканское руководство, растет с возрастом: от 26,1 % у 24-летних и до 40,0 % у тех, кому за 65. Вариант «Федеральное руководство» выбрало 18,0 % опрошенных, при этом наименьшее доверие федеральному центру выразили молодые люди в возрасте до 24-х лет (13,9 %). Значительная часть респондентов полагает, что интересы жителей республики никем не отстаиваются (20,2 %). В этом уверены наиболее активные, работоспособные люди в возрасте от 25 до 64 лет (от 24,7 % до 22,3 %). Доверие местным органам власти выразила весьма незначи-

тельная часть респондентов (4,0 % от общего числа опрошенных), что говорит о низкой лояльности к местным властям. По этническому признаку ответы респондентов четко коррелируются. Уверены в том, что интересы их народа отстаивает республиканское руководство, 52,9 % татар и лишь 15,7 % русских. Среди опрошенных доля уверенных в том, что интересы народа отстаивает федеральный центр, составляет 30,5 % русских и только 7,2 % татар. Ответ «Местные органы власти» выбрали 4,9 % русских и 2,3 % татар. Среди тех, кто считает, что интересы народа не отстаивает никто из перечисленных, – 22,2 % русских и 17,3 % татар.

Еще в одной проблеме, связанной с этногосударственным нарративом (в вопросе «Поддерживаете ли Вы идею об упразднении должности Президента РТ?»), также прослеживается корреляция по национальному признаку. Эту идею поддержали 46,3 % русских и только 23,1 % татар. Среди не поддержавших данную реформу 20,1 % русских и 40,9 % татар. Значительное число респондентов затруднились ответить на этот вопрос (34,7 % респондентов). По возрасту респондентов ответы распределились следующим образом. Названную идею чаще поддерживают люди молодого и среднего возраста (если у юных и пожилых по 8,8 %, то среди 35-44 летних – 25,6 %). Это означает, что местная пропаганда оказалась недейственной для тех, кто формировался в период «наполнения суверенитета 1990-х гг.», тогда как социализированные в советское время, а также в годы «собрания земель» В. В. Путиным чаще солидарны с идеями руководства РТ. В то же время эти две крайние возрастные категории менее категоричны и чаще выбирают вариант «скорее поддерживаю» упразднение должности.

Следующей проблемой, входящей в этногосударственный нарратив, являются особые отношения с федеральным центром, и прежде всего вопрос о суверенитете РТ. Сложность этой проблемы выражается в том, что в условиях глобализации полный суверенитет свойственен лишь США, а четко прописанный в конституциях ограниченный суверенитет имеется у субъектов трех федераций. И, начиная с декларации «О государственном суверенитете СССР» 1990 г., пропаганда суверенизации республики проходила «красной линией» через всю политику властей РТ. Начав с идеи «республиканского хозрасчета», они быстро перешли к идее полного суверенитета республики, включавшего как международную правосубъектность РТ, так и полномочия властей Татарстана на территории республики. Они предложили, чтобы Татарстан вошел отдельно от РФ в состав ССГ, СНГ, затем в Союзное государство РФ и Белоруссии. В 2000-е гг. данные претензии руководства РТ, как и сам термин «суверенитет», были сняты.

Так, по вопросу «Считаете ли Вы, что Татарстан должен иметь свой суверенитет?» респонденты раскололись на две практически равные группы: ответили «да» 49,2 % (среди русских 30,2 %, среди татар 66,7 %), «нет» – 50,8 % (69,8 % русских, 33,3 % татар), т.е. большинство русских, наученных горьким опытом развала Союза и угрозы распада РФ, выступает категорически против какой-либо суверенизации, тогда как 2/3 татар все еще воодушевлены идеей об этногосударственности. При этом популярность среди большинства данная идея имеет лишь в двух возрастных категориях: очень лояльного пожилого поколения и тех, чье становление пришлось на 1990-е гг. Большинство населения трактует

суверенитет РТ в первоначальном смысле – как региональный хозрасчет. Так, 52,5 % респондентов определяют суверенитет РТ как «экономическую самостоятельность и независимость от Москвы», причем среди русских такой версии придерживаются 56,9 %, среди татар – 50,4 %. Остальные трактовки суверенитета менее популярны, особенно среди русских. За полный суверенитет («политическую самостоятельность на международном уровне») выступают 17,2 % (среди русских 13,9 %, среди татар – 18,8 %; эта идея наиболее популярна среди самых юных и пожилых), за поддержку татарского языка и культуры – 12,9 % (7,9 % и 15,2 %; распространена подобная трактовка среди зрелых респондентов – 35-54-летних) и за поддержку татар в других регионах – 4,1 % (1,9 % и 5,1 %, соответственно). Таким образом, этногосударственная составляющая суверенитета РТ сильно выхолощена, даже в сознании татар. Суверенитет Татарстана трактуется чаще всего как его реальная автономия в федеративном государстве.

Реликтом суверенитета и особого статуса Татарстана является идея продления двустороннего договора между РТ и федеральным центром. За вариант «Договор необходимо продлить, закрепив особый статус РТ» выступило 19,3 % опрошенных (10,5 % русских, 27,4 % татар; причем поддержка договора растет с возрастом опрошенных). Считают же, что «в заключении подобного договора нет необходимости, РТ – такой же субъект РФ» 24,9 % респондентов, включая 35,0 % русских и 15,7 % татар, причем первое место держит категория 35-44-летних (34,1 % опрошенных). И в этом вопросе за остатки суверенитета больше держатся татары, а также самые юные и пожилые.

Заключение. «Поколение суверенитета» и «советское поколение», а также татары более лояльны в отношении властей республики, а зрелые, работоспособные поколения, особенно русские, настроены пророссийски и выступают за демократические принципы политики в области языкового образования. «Русская весна» привела к подъему этногосударственного самосознания русских, к распространению идей государственного ирредентизма.

Список литературы

1. Ачкасов В. А. Язык как инструмент «строительства нации»: постсоветский контекст // Политическая наука. 2011. № 1. С. 204-218.
2. Беляев В. А., Максимова О. А., Ахметшина А. А. Воздействие информационных технологий на преемственность и конфликт между условными поколениями // ВЭПС. 2018. № 3.
3. Конституция Республики Татарстан. URL: <http://www.gossov.tatarstan.ru/konstitucia>. (2019)
4. Косов Г. В., Панин В. Н. Политизация религиозного фактора в контексте региональной безопасности: северокавказская проекция. М.: Миракль, 2014. 192 с.
5. Мингазова А. М., Беляев В. А. Варианты этноконфессиональной идентичности и толерантности в среде студенческой молодежи // ВЭПС. 2017. № 4.
6. Салагаев А. Л., Сергеев С. А., Лучшева Л. В. Общественное мнение о перспективах и возможностях инновационного развития Республики Татарстан // Региология. 2011. № 3. С. 71-78.
7. Тагворян М. П. Значение языковой политики в мире в эпоху глобализации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 1/2. С. 180-185.
8. Тушкова Ю. В. Государственная политика по противодействию экстремизму в Великобритании: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2018. 24 с.
9. Федерализм – глобальные и российские измерения: междунар. науч.-практ. конф. Казань: ТГЖИ, 1993. 213 с.
10. Халитов Б. Н. Языковые аспекты политического процесса в Каталонии // IV Всероссийский конгресс политологов. М., 2006. С. 341-342.
11. Kumar D. Islamophobia and the Politics of Empire. Chicago: Haymarket Books, 2012. 220 p.

12. Maximova O., Belyaev V. Generational Indigenation in a Multi-Ethnic and Religious Society (Tatarstan, Russia) // Universidad del Zulia. diciembre, 2017. Vol. 33, No. 84. P. 38-64.

13. Maximova O., Belyaev V., Laukart-Gorbacheva O. Transformation of The System of Bilingual Education in The Republic of Tatarstan: Crossover Ethnolinguistic Controversies // Journal of Social Studies Education Research. 2017. Vol. 8, No. 2.

Дата поступления в редакцию: 24.02.2019

Авторская справка

БЕЛЯЕВ Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор, зав. каф. социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева – КАИ, Казань, Россия. E-mail: vlad_belyaev@list.ru.

АХМЕТШИНА Анна Алексеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева – КАИ, Казань, Россия. E-mail: anna.akhmetshina@gmail.com

UDC 316.356

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.85

**GENERATION SPECIFICITY OF LANGUAGE
AND ETHNICAL STATE POLICY IN A POLIETHNIC SOCIETY**

V. A. Belyaev, A. A. Akhmetshina

*Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI,
Kazan (Russia)*

Introduction. The purpose of the article is to identify the specifics of the attitude of different generations of the population of Tatarstan to language and ethno-state policy, which is most relevant in regions with a roughly equal biethnic composition. It is made possible to consider the distribution problems, according to the age and ethnicity of the respondents, of their opinions on language issues (bilingualism inherent in Tatarstan, choice of the native language and communication language, the scope of teaching tatar language in schools), ethnic and ethno-state identification (relations with the sovereignty of the RT, to the bilateral treaty of RF-RT, the completion of the post of President of the RT).

Methods. The article reveals the results of a representative survey of the population of RT, conducted in Kazan, in huge, large and medium-sized cities, as well as in rural settlements of Tatarstan. Of the 1480 respondents, were surveyed 669 Tatars and 613 Russians. The generation of the "stability of the 2000s" is distinguished among the respondents (37.3 % of the respondents); generation of "perestroika and reforms" (17.5 %); generation of "stagnation" (30.6 %); generation of "thaw" (14.5 %).

Results. The discrepancy between Russians and Tatars on these issues, which decreased in the 2000s, again becomes noticeable in the conditions of the "Russian Spring", the rise of the ethnic self-consciousness of Russians, the spread of ideas of state irredentism, the protection of the rights of Russians outside of the Russian Federation and the gathering of Russian lands.

Conclusions. At the same time, these discrepancies, which require their scientific analysis and regulation, do not reach the peak level of "sovereignization" of 1991 and do not undermine the prevalence of the all-Russian identity of all age and ethnic groups in the Republic of Tatarstan, which allows minimizing the threats of extremism in the consciousness and behavior of the population.

Keywords: bilingualism; mother tongue; language of communication; teaching of Tatar language at schools; RT sovereignty; bilateral agreement between RF and RT; ethnic statehood.

We express our gratitude to the Russian Foundation for Basic Research and the Government of RT for support of the project No. 18-411-160011 “Social and informational-network aspects of the transformation of bilingualism policy in the Republic of Tatarstan in the context of maintaining ethnic tolerance of the population”.

References

1. Achkasov V. A. Yazik kak instrument "stroitelstva natsii": postsovetский kontekst [Language as an instrument of "nation building": post-Soviet context], *Politicheskaya nauka* [Political science], Moscow: INION RAN, 2011, No. 1, pp. 204-218.
2. Belyaev V. A., Maximova O. A., Akhmetshina A. A. Vozdejstvie informacionnih tehnologij na preemstvennost' i konflikt mezdu uslovnimi pokoleniyami [Impact of information technology on continuity and conflict between conditional generations], *VEPS*, 2018, No. 3.
3. Konstituciya Respubliki Tatarstan [Constitution of the Republic of Tatarstan]. Available at: <http://www.gossov.tatarstan.ru/konstitucia>. (2019).
4. Kosov G. V., Panin V. N. Politizaciya religioznogo faktora v kontekste regional'noj bezopasnosti: severokavkazskaya proekciya [Politicization of the religious factor in the context of regional security: North Caucasus projection], Moscow: Mirakl', 2014, 192 p.
5. Mingazova A. M., Belyaev V. A. Varianti etnokonfessionalnoy identichnosti i tolerantnosti v srede studencheskoy molodezi [Options for ethno-religious identity and tolerance among student youth], *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology], 2017, No. 4.
6. Salagaev A. L., Sergeev S. A., Luchsheva L. V. Obschestvennoe mnenie o perspektivah i vozmognostyah innovacionnogo razvitiya Respubliki Tatarstan [Public opinion on prospects and possibilities of innovative development of the Republic of Tatarstan], *Regionologiya* [Regionology], 2011, No. 3, pp. 71-78.
7. Tagvoryan M. P. Znachenie yazikovoy politiki v mire v epohu globalizacii, *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya misl'* [The importance of language policy in the world in the era of globalization], 2017, Vol. 9, No. 1/2, pp. 180-185.
8. Tushkova Yu. V. Gosudarstvennaya politika po protivodejstviyu ekstremizmu v Velikobritanii [Government policy to counter extremism in the UK]: avtoref. dis... kand.polit.nauk, Kazan, 2018, 24 p.
9. Federalizm – global'nie I rossijskie izmeneniya [Federalism – Global and Russian Dimensions], *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya* [International Scientific-Practical Conference], Kazan'. TGZI, 1993, 213 p.
10. Halitov B. N. Yazikovie aspekti politicheskogo processa v Katalonii [Linguistic aspects of the political process in Catalonia], *IV Vserossijskiy congress politologov* [IV All-Russian Congress of Political Scientists], Moscow, 2006, pp. 341-342.
11. Kumar D. Islamophobia and the Politics of Empire, Chicago: Haymarket Books, 2012, 220 p.
12. Maximova O., Belyaev V. Generational Indigenation in a Multi-Ethnic and -Religious Society (Tatarstan, Russia), *Universidad del Zulia*, diciembre, 2017, Vol. 33, No. 84, pp. 38-64.
13. Maximova O., Belyaev V., Laukart-Gorbacheva O. Transformation of The System of Bilingual Education in The Republic of Tatarstan: Crossover Ethnolinguistic Controversies, *Journal of Social Studies Education Research*, 2017, Vol. 8, No. 2.

Authors' bio

BELYAEV Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Sciences, Professor, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI, Kazan, Russia. E-mail: vlad_belyaev@list.ru.

AKHMETSHINA Anna Alekseevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI, Kazan, Russia. E-mail: anna.akhmetshina@gmail.com

Библиографическая ссылка

Беляев В. А., Ахметшина А. А. Генерационная специфика языковой и этногосударственной политики в полиэтническом обществе // SocioTime / Социальное время. – 2019. – № 2(18). – С. 85-95. – DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.85

ИДЕЙНАЯ ПОЗИЦИЯ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

А. В. Дахин¹, Э. А. Сергеева²

¹Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижний Новгород (Россия)

²Мурманский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Мурманск (Россия)

Введение. В статье анализируются связь идеологии с метафизической картиной мира, а также идеальные представления российского общества о природе своего государства и о фундаментальных элементах государственной идентичности своего государственного «мы». Идеологии позволяют привести все ключевые элементы общества в осмысленную систему, нацеливать её на коллективное действие, а также определить, каким образом осуществляется исторически значимый выбор ориентиров и путей цивилизационного развития. Поэтому вопросы о том, как формируются современные идеологии являются чрезвычайно актуальными.

Методы. Изложены представленные в Конституции РФ идейные позиции государства. Методы исследования опираются на диалектическую логику, сравнительный и типологический анализ, а также метод междисциплинарного синтеза.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Представления об идеологии неоднородны: ее либо представляют как доминирующую силу общественного развития, либо совсем отрицают. Однако природа форм эквивалентного бытия идеальных начал такова, что они самовозрастают только в процессе социального обращения. Поэтому упомянутое разнообразие идейных толкований вполне естественно. Для движения в этом направлении заложенные в Конституции идеи должны быть в активном обращении, обсуждаться, осмысливаться, сравниваться с философскими максимумами и с современными практиками. Современная экономическая система общества, ориентированная на массовую переработку «вещества» природы, культуры и человека, вплотную подошла к тому, чтобы вмешаться в неизменную до сегодняшнего времени сферу производства «первого порядка» – в сферу производства человека. Мировоззрение и идейный выбор могут стать доминирующими в пользу кибер-транс-гуманизма, в пользу утверждения прогрессивности и отказа от «старого» человека кибергосударства. Основным сценарием будущего является движение в сторону сохранения природы социального (антропомерного) государства.

Заключение. Конституционное положение о социальном государстве должно стать предметом активного внимания в свете определённости философских и идеологических альтернатив будущего XXII века.

Ключевые слова: социальная реальность, идеология, идейная позиция, государство, мировоззренческий выбор, социальное будущее.

Введение. В последнее десятилетие в обществе происходит обострение фундаментальных дискуссий вокруг вопросов о способах существования социальной реальности, о том, что есть/было в социальной реальности, а чего в ней нет/не было? На поверхности социальной жизни эта тенденция проявляет себя в форме ужесточения информационного противостояния Запада против России, причём агрессивность этих форм современного культурного процесса, как неод-

нократно отмечает в своих публичных выступлениях проф. В. А. Никонов [8, с. 121-122], превышает все известные практики периода холодной войны 1970-х гг. В глубине социальной рефлексии, там, где работают социальные философы, также присутствуют приметы острого интеллектуального беспокойства, вызванного зримой экспансией постмодернистских, трансгуманистических цивилизационных ориентиров развития и философских идейных течений. В частности, проф. В. А. Кутырёв с тревогой констатирует: «Постчеловеческий модернизационный инновационизм – это процесс, вызывающий невиданные, почти невообразимые, немислимые энергии, силы и материалы, которые делают человека Богом, но он же может поглотить его, превратив в материал и силу для того, что будет после человека. Умертвит его. Ради становления Иного» [6, с. 77]. В этой ситуации одним из полей концентрации актуальной публичной интеллектуальной рефлексии становится идеология. Именно в этой сфере происходят процессы, которые определяют, закрепляют и легитимизируют социальные нормы, правила, статусы и роли, позволяющие формализовать «правильные» и «неправильные» связи и отношения в обществе, детерминировать предсказуемое, ожидаемое, моделируемое и регулируемое поведение. Идеологии позволяют привести все ключевые элементы общества в осмысленную систему, нацеливать её на «правильное» коллективное действие в интересах самых разнообразных социальных акторов, а также позволяют определить, кем и каким образом «должен» осуществляться исторически значимый выбор ориентиров и путей цивилизационного развития. Поэтому вопросы о том, как формируются современные идеологии и, в частности, как это происходит в России, являются, на наш взгляд, чрезвычайно актуальными. Они содержательно наполняют цели и задачи нашего исследования.

Методы исследования. Диалектическая логика в той версии, что была представлена в работах Э. В. Ильенкова [2], является актуальной, поскольку позволяет философски основательно строго дефинировать идеологию в контексте отношений «идеальное – материальное» с опорой на представления проф. Ильенкова о природе «эквивалентного бытия». Кроме того, использованы сравнительный и типологический анализ, а также метод междисциплинарного синтеза.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Философия рассматривает идеологию в русле бытийных процессов. Представления об идеологии весьма неоднородны: ее либо представляют как доминирующую силу общественного развития, либо совсем отрицают. Идеология как средство манипулирования сознанием человека (Ортега-и-Гассет Х. «Восстание масс»), идеология как форма духовного мира в горизонте историчности (Э. Гуссерль «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология»), идеология как форма существующего общественного сознания (М. Ковальзон, В. Келле «Исторический материализм») – данные направления представляют интерес с точки зрения раскрытия состояний социального бытия с исторической позиции. В коллективно-интеллектуальной, рефлексивной подоснове социальной реальности мы, соответственно, выделяем, с одной стороны, идеологии, которые относим к категории целенаправленно организуемых, рукотворных рефлексив-

ных реалий, а с другой – ментальные структуры социальной реальности, которые относим к категории стихийных, естественных (естественно-исторических), обыденных проявлений мировоззренческой рефлексии в обществе. Соотношение, сосуществование этих двух сущностных формаций социальной реальности, которое на языке высокой философии определяется привычным и спокойным понятием «диалектика», на «языке» потоков конкретных событий и деятельностной активности людей оборачивается беспокойными, неожиданными и напряжёнными социальными процессами, привлекающими массовое внимание и организующими массовое в них участие. Достаточно упомянуть коллизию соотношения официальной православной идеологической доктрины Российской империи XIX в. и массовой, народной веры – коллизию, которая привела к революционному, массовому разрушению церковей, или похожую «мертвую петлю» отношений официальной коммунистической идеологии в СССР и «кухонного», народного мировосприятия, которая стянула наше общество в единый поток разрушительного антикоммунистического энтузиазма.

Пережив в начале 1990-х гг. «падение с кручи», поток коллективной мировоззренческой рефлексии России оказался в новой ситуации. В 1993 г. Конституция России провозгласила отсутствие государственной идеологии [4], так что стихийная, обыденная рефлексивная активность общества осталась в гордом одиночестве, свободно предоставлена самой себе. Реальность, однако, такова, что без идеологии общество не может жить полноценно, уверенно осознавать своё настоящее и своё будущее. Видимо, поэтому к началу 2000 годов сформировался, выявился запрос на идеологию, который повис в публичном информационном пространстве в виде вопроса «Нужна ли России национальная идея?» [9]. Ответ на этот вопрос, тем не менее, также сформулирован в 1993 г.: в Конституции РФ отражены правовые нормы, касающиеся идейных установок государства и общества, то есть представления об основах идентичности нашего государства и сущностной природе. Так, в статье 7 утверждается: «Российская Федерация – социальное государство...» [3, с. 8]. И мы – представители государственной власти, бизнесмены, наёмные сотрудники в различных отраслях, будь то взрослые или дети, мужчины или женщины, то есть буквально все граждане – должны ассоциировать себя в социальном государстве, а следовательно, нам необходимо наилучшим образом реализовать в жизни идею социального государства. Здесь следует отметить, что реализовать в жизни необходимо не просто «этот» или «тот» план мероприятий «от сих до сих». Речь о том, что через «тот» или «этот» план каждому гражданину России должно воплощать в жизнь идею социального государства, которая зафиксирована в Конституции РФ без особых подробностей.

В статье 1 Конституции РФ объявлено, что мы – это демократическое государство [3, с. 5]. Следовательно, мы и должны стремиться реализовать в нашу жизнь идею демократического государства. В статье 14 Конституции РФ указано, что мы – это светское государство [3, с. 12]. Следовательно, мы должны стремиться наилучшим образом воплотить в жизни идею светского государства.

Таким образом, правовые нормы Конституции РФ – это способ утверждения идейной позиции государства (то есть власти и гражданского общества) по разнообразным аспектам вопроса о том, «кто мы?», по разнообразным граням вопроса об идейных и идеальных основах нашей коллективной государственной идентичности. В целом, в Конституции РФ отражена идея целостной, содержательной взаимосвязи всех перечисленных аспектов и вопросов, то есть выражена определенная философия нашей коллективной государственной идентичности.

Опираясь на философское понимание категории «идеальное» у Э. В. Ильенкова, можно однозначно утверждать, что «русская идея», поиском которой занимаются философы и политики, нашлась «сама». В тексте Конституции РФ она «сама» обрела своё специфическое эквивалентное бытие, а идейные поиски философов и политиков не могут быть остановлены и должны продолжаться. Представленные в Конституции идеальные понятия требуют уточнения, каков идеал социального государства, каков идеал демократического государства, каков идеал светского государства. Диапазоны мнений по основным позициям довольно широки. Например, идея «светского государства» на одном полюсе идейных позиций продолжает взаимодействовать с «атеизмом», а на другом призывает к возрождению православной державности. Идея «демократического государства» у одних представлена через идеалы глобального гражданского, открытого общества, достичь которого мешает государственный суверенитет, у других демократия представлена в стабильности существующей системы «парламентских партий», а третьи представляют идеал демократии с обязательным применением политических революций для достижения общественного развития.

Природа форм эквивалентного бытия идеальных начал – а именно эта дефиниция наиболее близка для определения философского смысла идеологии, как это было показано Ильенковым, такова, что они, будучи «единством во многообразии» и «многообразием в единстве» [2, с. 221], самовозрастают только в процессе социального обращения. Поэтому упомянутое разнообразие идейных толкований вполне естественно. Однако, как было показано ещё К. Марксом, который впервые использовал понятие «эквивалент» (на него и опирался в своих работах Э. В. Ильенков) при исследовании социально-экономических процессов, социальное развитие со временем сводит множество форм эквивалентного бытия к форме универсального эквивалентного бытия, то есть в нашем случае вырабатывает общее мировоззренческое знание сообщества, которое понимает и ценит единый комплекс смыслов государственно-гражданской идентичности своего большого «мы». Для движения в этом направлении заложенные в Конституции идеи должны быть в активном обращении, должны обсуждаться, осмысливаться, сравниваться с философскими максимами и с современными практиками.

В активном поле данного обращения охватываются также и глобальные контуры дискурсов, в центре которых конституционно утверждённые права человека. Западное представление идеалов в этой области сталкивается с видениями, формирующимися внутри иных цивилизаций. Идейная позиция для России мо-

жет быть сформирована внутри самого «мы» России в качестве для себя необходимой идентичности этого «мы». При этом мы должны представлять и понимать идеальные позиции других «мы». В посланиях современной русской философии мы видим указание на боль за то, что люди увлекаются чудесами техники и забывают о чуде себя самих, о чуде человека! Подобное на себя наплевательство или на себя забвение у профессора В. А. Кутырёва представлено на уровне фундаментальных мировоззренческих идей, а также идеалов современной Западной цивилизации, у которой происходит «помрачение разума», стремящегося к «самоапокалипсису» [5, с. 15]. Основную тревогу у автора вызывает то, что «из жизни людей исчезают люди» [5, с. 19], на их место приходят «стрелялки», «гаджеты», «майнинг», «умные вещи» и пр. Беда заключается в том, что людям не нужны люди. И тогда встаёт радикальный вопрос: а кому они нужны? Зачем они тут, на этой планете живут и множатся? Экономике они не нужны, потому что лучше работают роботы; безлюдным технологиям они не нужны, потому что люди не стерильны, не так точны в действиях; цифровой реальности они не нужны, поскольку из-за них надо держать архаическое материальное производство, чтобы их кормить и одевать... Чудо человека не интересно, все алкают чуда иного – «постчеловека»! Идеологию этой цивилизации профессор В. А. Кутырёв называет «иноизмом» – страстью к иному [5, с. 22].

Заключение. Анализируя глобальный процесс эволюции систем власти [1], мы пришли к следующему заключению: наше будущее, XXII век, – эпоха социального государства, но эта перспектива не безальтернативна. В XX веке появилась новая ключевая альтернатива человеческого бытия. Современная экономическая система общества, ориентированная на массовую переработку «вещества» природы, культуры и человека, вплотную подошла к тому, чтобы вмешаться в неизменную до сегодняшнего времени сферу производства «первого порядка» (по К. Марксу) – в сферу производства человека. Индустриальные и научно-технологические достижения современных стран Запада позволяют к началу XXII века массово перевести естественный механизм деторождения к искусственному промышленному воспроизводству. Основу для становления системы тотальной кибер-техно-модификации человека создаёт повышение числа процедур, которые регламентируют социальное функционирование индивида в среде себе подобных в сочетании с кибернетизацией человека [6]. Мировоззрение и идейный выбор могут стать доминирующими в пользу кибер-транс-гуманизма, в пользу утверждения прогрессивности и отказа от «старого» человека, антропомерной науки [7, с. 93] в пользу нового киберактора, кибернауки и кибергосударства. Для такой глобальной киберобщества-фабрики требуется тиражирование унифицированных техно- и киберзависимых синтезированных на биоантропогенетической основе существ («людэнов»), память которых заменена кибернетической, а идентичность – на процедуры регистрации в предписанных протоколах.

Основным сценарием будущего является движение в сторону сохранения природы социального (антропомерного) государства. Его мы рассматриваем как привлекательную альтернативу кибер-техно-модифицированного общества XXII

века. Такая альтернатива предполагает развитие кибернетических промышленных технологий, совместно с которыми должны развиваться и людные, и многолюдные социальные технологии, особенно в сфере социального обслуживания, в сфере социальной творческой самореализации людей, а также в сфере массового государственно-гражданского социального партнерства, где разрабатываются взаимосогласованные между людьми планы, программы, проекты совершенствования качества создаваемого общественного блага. Социальная перспектива предполагает, что доминирование экономики, когда кибернетические технологии применяются для воспроизводства капитала, сменяется доминированием социологии, когда применяются человеческие технологии для свободной, всесторонней творческой самореализации людей. Направление в сторону становления социального государства потребует преодоления многочисленных препятствий, в том числе мировоззренческих, идейных.

Необходимо также вовлечь деятелей науки, религиозных конфессий, философии, то есть всех, кто отстаивает идею, представляющую большую социальную генеалогию общества, социальную традицию современных человеческих сообществ, и поддерживает в жизнеспособном состоянии идею о фундаментальной значимости знания о едином происхождении социального, духовного и человеческого в человеке.

Список литературы

1. Дахин А. В. Российская политика в свете смены политических эпох // SocioTime / Социальное время. 2017. № 3(11). С. 97-112.
2. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
3. Конституция Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 2009. 64 с.
4. Конституция СССР в ред. от 7 октября 1977 г. Гл. 1. URL: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/novaia-konstitutsiia-sssr> (дата обращения 12.11.2018).
5. Кутырёв В. А. Унесённые прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире. СПб.: Алетейя, 2016. 300 с.
6. Кутырёв В. А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с.
7. Луман Н. Общество как социальная система // Общество общества: в 5 кн. Кн. 1. М.: Логос, 2011. 201 с.
8. Никонов В. А. Современный мир и его истоки. М.: Издательство Московского университета, 2015. 880 с.
9. Сурков В. Нужна ли России национальная идея и как ее сформулировать. URL: <http://www.iarex.ru/interviews/37362.html> (дата обращения 12.11.2018).

Дата поступления в редакцию: 14.01.2019

Авторская справка

ДАХИН Андрей Васильевич, доктор философских наук, профессор Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижний Новгород, Россия. E-mail: pn9222@ Rambler.ru.

СЕРГЕЕВА Элла Александровна, старший преподаватель кафедры менеджмента Мурманского филиала РАНХиГС, Мурманск, Россия. E-mail: Sergeeva- ea@ranepa.ru

IDEAL VIEWPOINT OF A STATE IN THE MODERN SOCIAL CONTEXT

A. V. Dakhin¹, E. A. Sergeeva²

¹ Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economics and Public Administration, Nizhny Novgorod (Russia)

² Murmansk Branch of Russian Presidential Academy of National Economics and Public Administration, Murmansk (Russia)

Introduction. The article analyzes the relationship of ideology with the metaphysical picture of the world, as well as the ideal ideas of Russian society about the nature of their state and about the fundamental elements of the state identity of their state "we". Ideologies allow all key elements of society to be brought into a meaningful system, target it to collective action and also allow you to determine by whom and how the "historically significant choice of landmarks and ways of civilizational development should be carried out". Therefore, questions about how modern ideologies are formed are, extremely relevant.

Methods. There are represented materials for substantive understanding of the ideological positions of the state presented in the Constitution of the Russian Federation. Methods of dialectical logic, comparative and typology analysis, method of interdisciplinary synergy was used.

Results. Ideologies about ideology are very heterogeneous: they either represent it as the dominant force of social development, or completely deny it. However, the nature of the forms of the equivalent being of ideal principles is such that they self-grow only in the process of social conversion. Therefore, the mentioned variety of ideological interpretations is quite natural. To move in this direction, the ideas laid down in the Constitution must be actively addressed, must be discussed, comprehended, compared with philosophical maxims and with modern practices. The modern economic system of society is focused on the massive processing of the "substance" of nature, culture and man, society, has come close to intervening in the "first order" sphere of production that has not changed until now – in the sphere of man's production. Worldview and ideological choices may become dominant in favor of cyber-trans-humanism, in favor of establishing progressiveness and abandoning the "old" man of the cyber-state. The main scenario of the future is the movement towards preserving the nature of the social (anthropomeric) state.

Conclusions. It is concluded that the position of the social state should be the subject of active attention in connection with the alternative perspective of the future of the XXI century.

Keywords: social reality; ideology; ideal viewpoint; a State; options of world-vision thinking; social future.

References

1. Dakhin A. V. Rossiiskaia politika v svete smeny politikheskikh epoch [Russia Politics in the Light of Political Epoch's Changing Concept], *SocioTime / Sotcial'noe vremia*, 2017, No. 3(11), pp. 97-112. (In Russian)
2. Il'yenkov E. V. Dialekticheskaya logika [Dialectical Logic], Moscow: Politizdat, 1984, 320 p. (In Russian)
3. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [Constitution of Russia Federation], Moscow: Yuridicheskaya literature, 2009, 64 p.

4. Konstitutsiya SSSR v red. ot 7 oktyabrya 1977 g. Gl. 1 [Constitution of the USSR, ed. at October 7, 1997 year. Chapter 1]. Available at: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/novaia-konstitutsiia-sssr> (date of the link 12.11.2018). (In Russian)

5. Kutyrov V. A. Unesonnyye progressom. Eskhatologiya zhizni v tekhnogennom mire [Gone with the Progress. Eschatology of Vitality in the Techno-caused World], St.-Petersburg: Aleteia, 2016, 300 p. (In Russian)

6. Kutyrov V. A. Poslednee tselovaniye. Chelovek kak traditsiya [The Final Kissing. A Man as a Tradition], St.-Petersburg: Aleteia, 2015, 312 p. (In Russian)

7. Luman N. Obshchestvo kak sotsial'naya sistema [Society as Social System], *Obshchestvo obshchestva: v 5 kn. Kn. 1* [Society of Society, in 5 books, the first book], Moscow: Logos, 2011, 201 p. (In Russian)

8. Nikonov V. A. Sovremennyy mir i yego istoki [Contemporary World and its' Beginnings], Moscow: Moscow University Publ., 2015, 880 p. (In Russian)

9. Surkov V. Nuzhna li Rossii natsional'naya ideya i kak yeye sformulirovat' [Russia National Idea, is it in need and how to define it?]. Available at: <http://www.iarex.ru/interviews/37362.html> (date of the link 12.11.2018). (In Russian)

Author's Bio

DAKHIN Andrey Vasilievich, Head of the Department of Philosophy and Political Science, Doctor of Philosophy, Professor of Russian Presidential Academy of National Economics and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: nn9222@rambler.ru
SERGEEVA Ella Aleksandrovna, Senior Lecturer of the Department of Management. Murmansk Branch of Russian Presidential Academy of National Economics and Public Administration, Murmansk, Russia. E-mail: Sergeeva-ea@ranepa.ru.

Библиографическая ссылка

Дахин А. В., Сергеева Э. А. Идейная позиция государства в современном социальном контексте // SocioTime / Социальное время. – 2019. – № 2(18). – С. 96-103. – DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.96

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ДУАЛЬНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

В. И. Ильин

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия);
Социологический институт РАН, Москва (Россия)*

Введение. Традиционно в общественных науках и в быденном языке “город” и “деревня” рассматривались как две противоположности, в которых формируются два антагонистических образа жизни. Однако история и настоящее дают достаточный материал для того, чтобы усомниться в достаточности такой категориальной сетки.

Метод исследования. В данной статье рассматривается диалектика сельского и городского образов жизни, в которой с давних времен прослеживалась тенденция к их интеграции. Для анализа этого феномена здесь концептуализируется категория дуального образа жизни, в котором один и тот же социальный субъект чередует в той или иной пропорции элементы сельских и городских форм жизнедеятельности. На материалах полевого исследования в деревнях Костромской области проводится эмпирическая проверка этой категории, выделяются подтипы дуального образа жизни.

Основные идеи исследования, их результаты и обсуждение. В дуальном образе жизни противоположность сельского и городского образов жизни превращается в их взаимодополняемость, позволяющую превратить системные издержки каждого из них во временные состояния, привносящие в существование разнообразие. В дореволюционной России такой образ жизни был характерен для помещиков и крестьян-отходников. Жизнь в деревне сочеталась со службой или работой в городе. В наше время широкое распространение получили вахтовый и дачный образы жизни.

Заключение. Выдвинуты гипотезы относительно возможных путей социальной трансформации деревни Ближнего Севера. Она может быть пространством дачного образа жизни для жителей соседних крупных городов, составной частью национальных парков как туристических достопримечательностей, зоной организованного воспроизводства лесов и инвестиций горожан в сельское хозяйство с целью его возрождения в формах, адекватных местным природным условиям и сложившемуся национальному разделению труда. Продолжение нынешней стихийной эволюции деревни Ближнего Севера ведет к формированию социально-территориальной организации страны, в которой центрами жизни являются большие города, окруженные социальной пустыней.

Ключевые слова: дуальный образ жизни, город, деревня, поместье, отходники, вахтовики, дачники.

Исследование поддержано РФФИ (грант № 17-06-00396).

Введение. Цели статьи – концептуализация категории дуального образа жизни на основе теоретического, исторического и этнографического анализа. Несмотря на обилие исследований деревни и города, эти два социальных пространства рассматриваются за редким исключением как две противоположности (традиция, имеющая глубокие исторические корни). В статье делается попытка снять это противоречие, рассмотрев полярные модели как моменты кон-

тинуума, которые интегрируются в тех или иных разновидностях дуального образа жизни.

Методы исследования. Существенной характеристикой образа жизни людей является способ его привязки к месту в физическом пространстве. Традиционно наиболее распространенным был и остается оседлый образ жизни, предполагающий устойчивую локализацию в пространстве. В то же время глубокие исторические корни имеет и образ жизни, который можно назвать дуальным. Его специфической особенностью является систематическая опора одновременно на два и более места. Такой образ жизни может разворачиваться в разных формах. Одна из них опирается на одновременное существование в пространствах города и деревни. Целью данной статьи является концептуализация категории дуального образа жизни как инструмента анализа трансформации социального пространства русской деревни. Разумеется, речь не идет о выявлении некой тотальной трансформации. Дуальный образ жизни является всего лишь одним из многих вариантов. Данная категория позволяет уйти от традиционной для общественных наук и обыденного сознания дилеммы: город или деревня, урбанизация или дезурбанизация. Дуальный образ жизни – это совокупность форм жизнедеятельности, разворачивающихся через систематические круговые мобильности между городом и деревней. Его распространение ведет к радикальной постаграрной трансформации деревенского пространства.

В основе дуального образа жизни лежат разные основания. С одной стороны, индивиды спасаются в городе от скуки и однообразия сельской жизни, а также от экономического застоя (ограниченность рабочих мест, узкий профессиональный выбор, низкая оплата труда), а в деревне – от скученности городского существования и загрязненной окружающей среды. Кроме того, смена видов деятельности является эффективной формой релаксации. Этот феномен можно рассматривать через призму концепции «двумерности» М. Бахтина [5; 6]. Он ее развил применительно к карнавалам в средневековой Европе, но эта же логика подходит и для понимания жизни дачников и сельчан на два дома. С другой стороны, городской и сельский компоненты образа жизни формируют единый дуальный базис домохозяйства, принимающий в разных исторических условиях те или иные конкретные формы.

Деревню можно рассматривать как пространство образов жизни, которые в данном случае являются процессами, имеющими три измерения:

- 1) траектории мобильности по маршруту «город – деревня»;
- 2) график мобильности (частота перемещений, длительность пребывания в деревне);
- 3) формы деятельности, заполняющие время в деревне (кто и что делает).

Деревня, где формируется дуальный образ жизни (это характерно далеко не для всех сельских населенных пунктов), превращается в пульсирующее транзитивное пространство. Здесь в основном не живут, а останавливаются на время отдохнуть от города. Иначе говоря, постаграрная деревня тяготеет к превращению в базу отдыха и для горожан, и для самих сельчан, зарабатывающих на жизнь в городе.

Основные идеи исследования, их результаты и обсуждение

Историческая динамика дуального образа жизни в России. Дуальный образ жизни имеет глубокие исторические корни, хотя каждая эпоха придает ему свои неповторимые очертания.

(а) *Поместный вариант дуального образа жизни.* В России исторически наиболее ранним был помещный вариант дуального образа жизни: воины за свою службу получали в сельской местности имения вместе с крестьянами. Вначале служба и владение землей были строго взаимосвязаны, однако во второй половине XVIII в. дворяне получили право самим решать служить или не служить. И хотя было немало помещиков, живших только в деревне, все же многие из них вплоть до революции 1917 г. вели в той или иной мере дуальный образ жизни при разных вариантах сочетания его городского и сельского компонентов. В 1905 г. только 22 % потомственных дворян имели поместья [15, с. 95]. Городским служащим-дворянам имения компенсировали ограниченность жалования, служили местом экономного отдыха, а для помещиков город был местом, где искали спасение от сельского уединения и скуки.

(б) *Традиционное отходничество.* Уже на поздних этапах развития крепостного строя получил распространение оброк, предполагавший уход крестьянина с согласия помещика на заработки в город. После отмены крепостного права с ускорением процессов индустриализации и урбанизации уже свободные крестьяне мужского пола во многих губерниях, относительно близко расположенных к большим городам, уходили туда на сезонные заработки, оставляя в деревне семью и хозяйства. Это привело к формированию устойчивого образа жизни отходников, в котором две стороны – жизнь в городе и деревне – были неразрывно связаны как две стороны одной медали [1; 2; 4; 11; 16; 17; 26]. Вариант дуального образа жизни сохранялся и в СССР до 1930-х гг. [8], а потом начал возрождаться в 1970–80-е гг., приняв особый размах в постсоветский период. Изменившись по форме, он сохранил свою суть: жители деревни уезжают на заработки в города [22; 23; 29]. Иногда этот феномен называют «неотходничеством» [10].

(в) *Дачный вариант дуального образа жизни.* В XIX в. в России сложился дачный вариант дуального образа жизни. Горожане из средних слоев, подражая дворянам, начали на лето уезжать в деревню на отдых или отправлять туда свои семьи, арендуя или покупая там дома и комнаты под дачи [12; 25]. В советскую эпоху дачи сначала возродились как элемент образа жизни номенклатуры – категорий работников, которых власть рассматривала как особо ценных. После окончания Великой Отечественной войны формируется массовый дачный вариант дуального образа жизни. В результате сложился дачный вариант дуального образа жизни, в котором труд на своем участке выступал как форма отдыха после работы на фабрике или в конторе, а выращенные продукты питания составляли важное дополнение к получаемой в городе заработной плате. В постсоветский период дачный образ жизни получил развитие. В 1990-е гг. он выполнял важную экономическую функцию, позволяя смягчить последствия социально-экономического кризиса городского образа жизни. Однако в дальнейшем все большее значение начала приобретать рекреационная функция [28]. При этом

одни дачи строились или покупались горожанами, другие представляли собой родные дома жителей села, мигрировавших в город и возвращающихся в родные места в качестве дачников [1; 2; 19; 24; 27].

(е) *Пригородный образ жизни*. Он имеет две стороны, в которых интегрированы сельские и городские характеристики [7]. В отличие от дач этот вариант дуальности предполагает иной ритм времени: если на дачи обычно ездят в интенсивном режиме на выходные, а в слабом – один или несколько раз в год, то пригородный вариант предполагает курсирование почти в ежедневном режиме. Этот вариант дуального образа жизни проявляется в двух основных подтипах.

1) Традиционный пригородный образ жизни это городские окраины, организованные на принципах, схожих с сельскими. Исторически они уходят к посадам, окружавшим крепостные укрепления. В дальнейшем вплоть до нашего времени эти окраины представлены деревнями, включенными в города или расположенными в непосредственной близости от них. В этом варианте традиционное сельское жилье на участке земли сочетается с работой в городе. Правда, в настоящее время идет модернизация и этого жилья.

2) Современный пригородный образ жизни представлен коттеджными поселками [13; 14], которые опираются на принцип сочетания традиционно городских коммунальных удобств с преимуществами близости если не к реальной природе, то к земле.

3) Гибридный вариант формируется в форме строительства современных коттеджей на территориях пригородных деревень, где старые традиционные дома сносятся и заменяются современными строениями западного типа.

(д) *Малые города*. Слово «город» в настоящее время имеет очень условный характер и обусловлено скорее бюрократической логикой, а не качественными свойствами образа жизни. Традиционный малый город – это большая деревня, где дома сельского типа с приусадебными участками сочетаются со многими городскими видами занятости, а сельское хозяйство не играет заметной роли. Правда, в современных селах даже в развитых аграрных регионах сейчас идет схожий процесс вытеснения сельскохозяйственного труда на периферию локального рынка труда.

Современные формы дуального образа жизни в деревне Ближнего Севера. Тема дуального образа жизни, являющегося мостиком между городским и сельским пространствами, может быть раскрыта на эмпирическом материале многих районов страны. Однако региональные особенности вносят столь существенные коррективы в теоретическую модель, что без их учета она недопустимо отрывается от реальности, теряя принципиально важные детали. В данном исследовании данная модель проверяется на материалах эмпирического исследования, проведенного в сельской местности в Костромской области в 2015–2017 гг. (в основном в Угорском сельском поселении Мантуровского района). Место проведения экспедиции находится в двух сотнях километров от Костромы и в шести сотнях – от Москвы. Данная территория подвержена существенной депопуляции. В настоящее время в этом поселении осталось только 12 % численности населения, зафиксированной в 1926 г. Посевная площадь с 1980 г. сократилась в

несколько раз [18, с. 208, 210]. Значительная часть материалов других исследований в данном регионе опубликована также в книгах и статьях социальных географов [2; 3; 20; 21]. В процессе наблюдения и проведения полуструктурированных интервью в Мантуровском районе Костромской области были выявлены несколько основных вариантов дуального образа жизни, несущего существенные отпечатки местных особенностей.

1. *Сетевой вариант дуального образа жизни.* Домохозяйство в деревне оказывается одним из узлов социальной сети, охватывающей сельских и городских жителей. В рамках этой родственной сети происходят коммуникация (в основном обмен телефонными звонками) и перераспределение разнообразных ресурсов (например, деньги из города, картошка в город).

2. *Семейно-родственный вариант.* Данный вариант дуального образа жизни практикуют дети и близкие родственники сельских жителей. Они регулярно или время от времени приезжают в деревню посетить своих родственников. В Угорском сельском поселении к 75 % местных жителей по несколько раз в год приезжают из города их дети и внуки [18, с. 213]. Такая мобильность мотивирована в первую очередь моральными соображениями, что не исключает их совмещение с целями отдыха.

3. *Дуальный образ жизни вахтовиков и отходников.* В этих местах он имеет глубокие исторические корни. В настоящее время дом в деревне остается для отходников и вахтовиков важным элементом фундамента их образа жизни, но его функции радикально изменились: это место не второй занятости, а отдыха, да вспомогательных работ (поддержание и/или модернизация жилища, работа на огороде и походы в лес за грибами и ягодами).

4. *Дачный образ жизни.* Этот вариант дуальности имеет давнюю историю, но получил распространение в этих местах в основном в постсоветский период. В 2008 г. в Угорском и соседнем Леонтьевском сельских поселениях удельный вес городских дачников в разных деревнях колебался от 30 до 90 %. При этом около 85 % из них – москвичи [18, с. 216–217]. Здесь он проявляется в двух основных разновидностях: (а) дачники как бывшие жители деревни, приезжающие в свои родовые гнезда отдыхать и заниматься огородом; (б) дачники-горожане, приобретшие избы на большом удалении от своего города.

В отличие от пригородных (ближних) дач дальние их аналоги почти полностью лишены экономической рациональности. Они не являются источником средств существования и в семейном бюджете представляют собой лишь еще статью расходов. Однако косвенный экономический смысл в них обнаружить можно. Например, дальние дачи представляют собой очень дешевый вариант летнего отдыха, выступающий альтернативой затратным поездкам на море, в санатории или зарубежные турпоездки.

Научные дачи и базы представляют собой еще один вариант дуального образа жизни. Научные сотрудники и вузовские преподаватели из Москвы включают деревню в пространство своей научной работы. Они живут и работают и в городе, и в деревне. В районе проведения нашего исследования существуют две разновидности этого процесса: (а) биостанция, где с советских времен ведутся

исследования местной природы; (б) дачи социологов и географов, ставшие опорными пунктами для сезонных экспедиций и базами для проведения научных конференций, посвященных проблемам Ближнего Севера и деревенского образа жизни.

Дачники-сельчане. Особую категорию представляют горожане, по несколько месяцев проживающие на своих дачах. Это сезонные сельчане, которые ловят преимущества сельского образа жизни в теплый сезон, но как только надвигается зима, они уезжают поближе к городскому комфорту. Такой образ жизни можно отнести к пенсионному дауншифтингу как восходящей социальной мобильности [9]. Заработав в городе пенсию, эти люди уходят от городской суеты, выбирая неспешную сельскую жизнь, лишенную мотивов карьеры, принуждения производственной дисциплины, изоляции от природы и часто отчужденную от собственного «Я» бесчисленными статусными «надо». Такие дачи выполняют функцию базы отдыха для расширенной городской семьи.

Переселенцы из города. В изучаемом районе есть немногочисленные примеры переселения горожан в деревню на постоянное место жительства. Однако и в этом случае мы имеем дело с дуальным образом жизни, хотя и в несбалансированном варианте. Даже прожив долгое время в деревне, переселенцы все равно остаются горожанами – и для себя, и для окружающих. Как правило, члены их большой семьи живут в городе, что создает каркас дуального образа жизни в виде взаимных визитов и ресурсного обмена. Ядро этого типа – пенсионеры, живущие в деревне на доход, заработанный в городе. Там же обычно остаются и квартиры, либо используемые детьми, либо сдаваемые в аренду. Имеющиеся редкие попытки наладить хозяйство с целью обрести в деревне местные источники дохода все равно выводят на городской рынок сбыта.

Заключение

Если судить только по району проведения нашего исследования, то прорисовываются несколько путей трансформации деревенского пространства:

1) социальное опустынивание территорий. Если не менять радикально региональную политику, то это наиболее вероятный путь развития;

2) управляемая трансформация аграрных территорий в национальные парки и зоны современного лесоводства;

3) возрождение традиционно аграрного характера местного социального пространства на основе современных технологий и техники. Опыт развитых северных стран показывает, что такой климат пригоден и для эффективного рыночного хозяйства. Возникновение в Костромской области нескольких современных сельхозпредприятий говорит о том, что теоретически данный путь возможен и в этом регионе. Однако многие деревни дошли до такого уровня депопуляции, что такой диалектический поворот назад к новому качеству возможен лишь на основе притока сюда рабочей силы извне;

4) превращение деревень Ближнего Севера в рекреационную зону для городского населения. Этот путь может включать несколько вариантов. Его ядро – развитие дачного образа жизни. Однако такое направление трансформации стал-

живается с проблемой удаленности этих мест от Москвы и других крупных городов, дефицитом дешевых пригородных участков земли.

Список литературы

1. Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / К. В. Аверкиевна, Е. В. Антонов, П. Л. Кириллов [и др.]. М.: Новый хронограф, 2016. 466 с.
2. Аверкиева К. В., Нефедова Т. Г. Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России. 2016. № 1. С. 103-128.
3. Аверкиева К. В. Горожане в деревне: особенности «дачного» освоения сельской местности в Костромской и Ивановской областях // Социология. Естествознание. Общество: сборник научных статей и материалов научной конференции / под ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2014. С. 57-62.
4. Бараненкова Т. Трансформация «отходничества» в России: от века XIX к веку XXI // Вестник института экономики РАН. 2012. № 1. С. 106-116.
5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.
6. Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества: коллективная монография / сост. и науч. ред. В. И. Ильин, Н.Е. Покровский. М.: Университетская книга, 2016. 404 с.
7. Григоричев К. В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Отгиск, 2013. 248 с.
8. Данилов В. П. Крестьянский отход на промыслы в 1920-х гг. // Исторические записки. М.: Наука, 1974. Т. 94. С. 55-122.
9. Ильин В. И. Дауншифтинг как восходящая социальная мобильность // SocioTime / Социальное время. 2015. № 1. С. 78-91.
10. Великий П. П. Неотходничество, или Лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44-49.
11. Кириллов Л. А. К вопросу о вземземеделельском отходе крестьянского населения. СПб., 1899. 41 с.
12. Малинова-Тзиафета О. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860-1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
13. Махрова А. Г. Организованные коттеджные поселки: новый тип поселений (на примере Московской области) // Региональные исследования. 2008. № 2 (17). С. 13-20.
14. Махрова А. Г. Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России // Изв. РАН. Сер.: География. 2014. № 4. С. 49-59.
15. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. 2-е изд. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.
16. Нефедова Т. Г. Занятость и отходничество населения в Ставропольском крае // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2015. № 2. С.93-101.
17. Нефедова Т. Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия РАН. Сер.: География. 2015. № 3. С. 41-56.
18. Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2013. 465 с.
19. Нефедова Т. Г. Горожане и дачи // Отечественные записки. М., 2012. № 3 (48).
20. Нефедова Т. Г. Российская глубинка глазами ее обитателей // Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера / под ред. Н. Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. С. 98-120.
21. Ойкумена Ближнего Севера России: коллективная монография / общ. ред. и сост. Н.Е. Покровского и Т. Г. Нефедовой. М.: Университетская книга, 2016. 264 с.
22. Плюснин Ю. М., Позаненко А. А., Жидкевич Н. Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. Т. 24, № 1. С. 31-75.

23. Отходники: монография / Ю. М. Плюснин, Я. Д. Заусаева, Н. Н. Жидкевич, А. А. Позаненко. М.: Новый хронограф, 2013. 376 с.
24. Поморов С. Второе жилище горожан, или Дом на природе. Новосибирск: Издательство НГАХА, 2004. 472 с.
25. Путешествие из Петербурга в Москву. 222 года спустя. Кн. 1: Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом / под ред. Т. Г. Нефедовой, А. И. Трейвиша. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2015. 352 с.
26. Смурова О. В. Между городом и деревней (образ жизни крестьянина-отходника во второй пол. XIX – начале XX вв.): монография. Казань: Издательство КГТУ, 2008. 203 с.
27. Трейвиш А. И. Дачная мобильность, дачный менталитет и дачеведение // Демоскоп-Weekly. № 655-656. 21.09.-4.10.2015.
28. ФОМ. Кому и зачем нужна сегодня дача? Опрос ФОМнибус. 22.04.2012. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/10432>. (дата обращения 27.06.2017).
29. Шабанова М. А. Современное отходничество как социокультурный феномен // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 55-63.

Дата поступления в редакцию 11.03.19

Авторская справка

ИЛЬИН Владимир Иванович, доктор социологических наук, профессор СПбГУ, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: ivi-2002@yandex.ru.

UDC 330.567.2 (470+570)
DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.104

**RUSSIAN VILLAGE AS A SPACE OF THE DUAL WAY
OF LIFE: BETWEEN PAST AND FUTURE**

V. I. Ilyin

*St.-Petersburg State University, St.-Petersburg;
Sociological Institute of the Russian Academy of Science, Moscow (Russia)*

Introduction. Categories of “city” and “village” traditionally are seen as two opposites and a basis of two antagonistic ways of life. However, history and the present provide sufficient material to doubt the such a categorical grid.

Methods. This article examines the dialectical relation between rural and urban ways of life. There was since ancient times the tendency to integrate them. The category of dual way of life is conceptualized here as an analytical tool to solve this methodological problem. Rural and urban forms are two opposite sides of one social and cultural phenomenon. The research has as a methodological basis historical method and ethnography. The field research has been conducted in the villages of the Kostroma region.

Result. Rural and urban ways of life are complementary elements of the dual way of life. Alternation of them allows to turn the costs each of them in the temporary condition, giving the existence of diversity. Examples of this way of life in pre-revolutionary Russia were the way of life of landlords and peasants. Rural life was combined with service or work in the city. In our time, shift and suburban lifestyles are widespread.

Conclusions. The paper puts forward hypotheses about the possible pathways of social transformation of the village in the Middle of the North. It can be a space of a country way of life for residents of neighboring

large cities, an integral part of national parks as tourist attractions, an area of organized reproduction of forests and investments of citizens in that industry, the revival of agriculture in forms adequate to the local natural conditions and the existing national division of labor. The continuation of the current spontaneous evolution of the village of the Near North leads to the formation of the socio-territorial organization of the country, in which the centers of life are large cities surrounded by social desert.

Keywords: dual way of life; urban and rural ways of life; village; rural estate; shift workers; dachniki.

This research has been supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (grant No. 17-06-00396).

References

1. Averkievna K. V., Antonov E. V., Kirillov P. L., Mahrova A. G., Medvedev A. A., Neretin A. S., Nefedova T. G., Trejvish A. I. Mezhdum domom i ... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii [Between the house and... house. Return spatial mobility of Russian population], Moscow: Novyj hronograf, 2016, 466 p.
2. Averkieva K. V., Nefedova T. G. Dachnaya "kolonizaciya" rossijskoj glubinki. Primer Kostromskoj oblasti [Dachian "colonization" of the Russian hinterland. Example of Kostroma region], *Mir Rossii* [World of Russia], 2016, No. 1, pp. 103-128.
3. Averkievna K. V. Gorozhane v derevne: osobennosti «dachnogo» osvoeniya sel'skoj mestnosti v Kostromskoj i Ivanovskoj oblastyah [Citizens in the village: features of "summer" development of rural areas in Kostroma and Ivanovsky regions], *Sociologiya. Estestvoznaniye. Obshchestvo. Sbornik nauchnyh statej i materialov naunoj konferencii* [Sociology. Natural sciences. Society. Compilation of scientific articles and materials of the scientific conference], pod red. N. E. Pokrovskogo, Moscow: Soobshchestvo professional'nyh sociologov, 2014, pp. 57-62.
4. Baranenkova T. Transformaciya "otkhodnichestva" v Rossii: ot veka XIX k veku XXI [Transformation of "departure" in Russia: from the 19th century to the 21st century], *Vestnik instituta ehkonomiki RAN* [Journal of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2012, No. 1, pp. 106-116.
5. Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa [The work of François Rabelais and the popular culture of the Middle Ages and Renaissance], Moscow, 1990, 543 p.
6. Gorozhane v derevne. Sociologicheskie issledovaniya v rossijskoj glubinke: Dezurbanizaciya i sel'sko-gorodskie soobshchestva: kollektivnaya monografiya [Sociological research in the Russian interior: Deurbanization and rural-urban communities: collective monograph], sost. i nauch. red. V.I. Il'in, N.E. Pokrovskij, Moscow: Universitetskaya kniga, 2016, 404 p.
7. Grigoriev K. V. V teni bol'shogo goroda: social'noe prostranstvo prigoroda [In the shadow of the big city: the social space of the suburbs], Irkutsk: Ottisk, 2013, 248 p.
8. Danilov V. P. Krest'yanskij othod na promysly v 1920-h gg. [Peasant departure to fisheries in the 1920s], *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], Moscow: Nauka, 1974, Vol. 94, pp. 55-122.
9. Ilyin V. I. Daunshifting kak voskhodyashchaya social'naya mobil'nost' [Downshifting as upward social mobility], *SocioTime / Social'noe vremya*, 2015, No. 1-1, pp. 78-91.
10. Velikij P. P. Neootkhodnichestvo, ili Lishnie lyudi sovremennoj derevni [Neo-response, or Extra people of the modern village], *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2010, No. 9, pp. 44-49.
11. Kirillov L. A. K voprosu o vnezemledel'cheskom othode krest'yanskogo naseleniya [On the question of extraterrestrial waste of the peasant population], Saint Petersburg, 1899, 41 p.
12. Malinova-Tziafeta O. Iz goroda na dachu: sociokul'turnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860-1914) [From the city to the dacha: sociocultural factors of development of country space around St. Petersburg (1860-1914)], Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013.
13. Mahrova A. G. Organizovannye kottedzhnye poselki: novyj tip poselenij (na primere Moskovskoj oblasti) [Organized cottage settlements: a new type of settlements (on the example of the Moscow region)], *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], 2008, No. 2 (17), pp. 13-20.

14. Mahrova A. G. Rol' organizovannyh kottedzhnyh poselkov v razvitiі suburbanizacii v postsovetsoj Rossii [Role of organized cottages in the development of sub-settlement in post-Soviet Russia], *Izv. RAN. Ser.: Geografiya* [News of RAS / Geography series], 2014, No. 4, pp. 49-59.

15. Mironov B. N. Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticeskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia during the empire period (XVIII – early XX century). Genesis of the individual, democratic family, civil society and the rule of law], T. 1, 2-e izd., Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003, 548 p.

16. Nefedova T. G. Zanyatost' i othodnichestvo naseleniya v Stavropol'skom krae [Employment and departure of the population in the Stavropol region], *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 5: Geografiya* [Journal of the Moscow University. Series 5, Geography], 2015, No. 2, pp. 93-101.

17. Nefedova T. G. Migracionnaya podvizhnost' naseleniya i othodnichestvo v sovremennoj Rossii [Migration mobility of the population and waste in modern Russia], *Izvestia RAN. Ser. geogr.* [News of RAS / Geography series], 2015, No. 3, pp. 41-56.

18. Nefedova T. G. Desyat' aktual'nyh voprosov o sel'skoj Rossii. Otvety geografa [Ten topical questions about rural Russia. Geographer answers], Moscow: Lenanad, 2013, 465 p.

19. Nefedova T. G. Gorozhane i dachi [Citizens and houses], *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], Moscow, 2012, No. 3 (48).

20. Nefedova T. G. Rossijskaya glubinka glazami ee obitatelej [Russian depth through the eyes of its inhabitants], *Ugorskij proekt: ehkologiya i lyudi Blizhnego Severa* [Ugorsky project: ecology and people of the Near North], pod red. N.E. Pokrovskogo, Moscow: Soobshchestvo professional'nyh sociologov, 2008, pp. 98-120.

21. Ojkumena Blizhnego Severa Rossii: kolektivnaya monografiya [Oikumena of the Near North of Russia: collective monograph], obshch. red. i sost. N.E. Pokrovskogo i T.G. Nefedovoj, Moscow: Universitetskaya kniga, 2016, 264 p.

22. Plyusnin Ju. M., Pozanenko A. A., Zhidkevich N. N. Othodnichestvo kak novyj faktor obshchestvennoj zhizni [Departure as a new factor of social life], *Mir Rossii* [World of Russia], 2015, Vol. 24, No. 1, pp. 31-75.

23. Plyusnin Ju. M., Zausaeva Ja. D., Zhidkevich N. N., Pozanenko A. A. Othodniki [Otkhodniki]: monografiya, Moscow: Novyj hronograf, 2013, 376 p.

24. Pomorov S. Vtoroe zhilishche gorozhan, ili Dom na prirode [The second dwelling of the citizens, or the House in nature], Novosibirsk: Izdatel'stvo NGAHA, 2004, 472 p.

25. Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. 222 goda spustya. Kn. 1: Dva stoletiya rossijskoj istorii mezhdru Moskvoy i Sankt-Peterburgom [Journey from St. Petersburg to Moscow. 222 years later. Book 1. Two centuries of Russian history between Moscow and St. Petersburg], pod red. T.G. Nefedovoj, A.I. Trejvisha, Moscow: URSS-Lenand, 2015, 352 p.

26. Smurova O. V. Mezhdru gorodom i derevnej (obraz zhizni krest'yanina-othodnika vo vtoroj pol. XIX – nachale XX vv.) [Between the city and the village (the way of life of the peasant-retreat in the second half of the 19th and early 20th centuries)]: monografiya, Kazan: Izdatel'stvo KGTU, 2008, 203 p.

27. Trejvish A. I. Dachnaya mobil'nost', dachnyj mentalitet i dachevedenie [Gift Mobility, Gift Mentality, and Dastardness], *Demoskop-Weekly* [Demoscope-Weekly], No. 655-656. 21.09.-4.10.2015.

28. FOM. Komu i zACHEM nuzhna segodnya dacha? Opros FOMnibus [FOM. Who needs a cottage today and why? FOMnibus poll]. 22.04.2012. Available at: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/10432>. (data obrashcheniya 27.06.2017).

29. Shabanova M. A. Sovremennoe othodnichestvo kak sociokul'turnyj fenomen [Modern Waste as a Sociocultural Phenomenon], *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2002, No. 4, pp. 55-63.

Author's Bio

ILYIN Vladimir Ivanovich, Professor of St.-Petersburg State University, Fellow Researcher of the Sociological Institute, Russian Academy of Science, St.-Petersburg, Russia. E-mail: ivi-2002@yandex.ru

Библиографическая ссылка

Ильин В. И. Русская деревня как пространство дуального образа жизни: между прошлым и будущим // SocioTime / Социальное время. – 2019. – № 2(18). – С. 104-113. – DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.104

УДК 316.624.3

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.114

«ШКОЛЬНЫЕ СТРЕЛКИ» И ИХ МОТИВАЦИЯ: «СИНДРОМ КРЫСОЛОВА», «СИНДРОМ ГЕРОСТРАТА», «СИНДРОМ НИБЕЛУНГОВ»?

С. А. Сергеев^{1,2}, А. С. Сергеев¹

¹Казанский федеральный университет, Казань (Россия);

²Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань (Россия)

Введение. В статье анализируется феномен вооруженных нападений на учебные заведения, совершаемые учащимися этого же учебного заведения («школьные стрелки»). Данное явление рассматривается в более широком контексте вооруженных нападений в общественных местах, но основное внимание уделено так называемой «неистовой школьной стрельбе», когда вооруженный преступник или преступники выбирают своих жертв случайным образом, тем самым нападая не на определенных лиц, а на сам институт (учебное заведение).

Методы. Исследование основывается на сравнительном анализе более чем ста случаев нападений на учебные заведения в США, Канаде, странах Западной Европы и России.

Основные идеи, результаты и обсуждение. Критически оценены различные теории, объясняющие поведение «школьных стрелков»: органическое поражение головного мозга, злоупотребление психоактивными веществами, слабая социализация, выражающаяся в плохих отношениях с родителями и сверстниками, школьная травля и намерение отомстить. Авторами предложены три синдрома, характеризующие различные типы «школьных стрелков»: «синдром Крысолова» (обида на общество, не оценившее или недооценившее заслуги и достоинства данного индивида), «синдром Герострата» (стремление прославиться любой ценой) и «синдром Нибелунгов» (стремление уничтожить своих противников и себя самого).

Заключение. Предложены некоторые рекомендации по профилактике вооруженных нападений на учебные заведения. Авторы считают, что наиболее эффективным было бы не усиление пропускного режима в учебных заведениях и не контроль за оружием, а повышение внимания к «утечкам» информации от «школьных стрелков» в социальные сети, их друзьям, родственникам и знакомым.

Ключевые слова: нападения на школы, «школьные стрелки», «неистовая стрельба», «синдром Крысолова», «синдром Герострата», «синдром Нибелунгов».

Введение. Вооруженные нападения на учебные заведения и расстрелы учащихся, совершаемые учащимися этого же учебного заведения (или учащимися, исключенными из него), из редкого и атипичного феномена становятся в начале XXI века явлением всё более частым и потому более общественно опасным. Наиболее важной особенностью феномена вооруженных нападений на школы или «школьных расстрелов» (school shootings) является то, что эти нападения приводят к многочисленным жертвам, и они обычно выбираются случайным образом. Долгое время казалось, что эта проблема является почти исключительно американской. Но в 2002-2009 гг. произошла серия нападений учащихся на школы в Германии [4; 8; 11] и Финляндии [19], а начиная с 2014 г. подобные нападения начинают происходить и в России [13]. По подсчетам авторов (возможно,

неполным), в течение последних пяти лет произошло семь подобных нападений, три из них сопровождались смертельными исходами. Наиболее кровавым было нападение на Керченский политехнический колледж 17 октября 2018 года, в ходе которого погиб 21 и пострадало 67 человек [6; 7; 12].

Методы исследования. Нами было проанализировано около ста случаев нападений на учебные заведения в Западной Европе и США отчасти по западным базам данных (напр. [20]), отчасти по СМИ. Учитывались, в частности, место, дата, объект нападения (название учебного заведения), возраст нападавших и их количество, вид или виды оружия, использованные нападавшими, количество жертв, а также мотив, если его можно хотя бы предположительно установить. Полная база данных занимает значительный объем, поэтому приводится ниже выборочно.

Основные идеи, результаты и их обсуждение. При анализе причин вооруженных нападений на учебные заведения важно, во-первых, классифицировать подобные нападения, и, во-вторых, рассматривать их в рамках более общей классификации вооруженных нападений и стрельбы в общественных местах. К сожалению, терминологический аппарат для описания этого явления в отечественных социальных науках не устоялся, и приходится использовать кальки терминов, применяемых в англоязычной литературе. Вооруженные нападения на школы, совершаемые самим учащимися или (что случается гораздо реже) посторонними людьми принято называть «стрельбой в школах» или «школьными расстрелами» (school shootings) [16; 23; 24]. Тех, кто совершает эти вооруженные нападения, принято называть «школьными стрелками» (school shooters) [25]. Криминологическая классификация вооруженных нападений по месту их совершения включает кроме учебных заведений также стрельбу или расстрел на работе (когда преступник расстреливает сослуживцев) и стрельбу в общественных местах (когда преступник открывает огонь по случайным прохожим, по посетителям супермаркета и т.д.). Преступник может вести огонь, оставаясь на одном месте («школьные стрелки» именно таковы), а может перемещаться, меняя свое расположение (подобных «кочующих» стрелков принято определять как «spray shooters»). Среди вооруженных нападений и стрельбы в общественных местах также принято выделять те случаи, когда преступник или преступники преследуют определенных лиц (например, при конфликте подростково-молодежных банд), и те случаи, когда жертвы выбираются случайным образом, так что нападению подвергается определенный институт (учебное заведение). Вторую категорию криминологи называют «неистойой» или «безумной стрельбой» (rampage shooting) [20]. В данной статье нас в первую очередь будет интересовать «неистовая стрельба» в учебных заведениях (school rampage shooting).

Американский социолог Гленн Мушерт, занимающийся проблемой «школьных расстрелов» свыше двадцати лет [22], выделил пять видов вооруженных инцидентов в учебных заведениях [23, p. 62-65]:

- действия полиции и правительственных спецслужб при массовых беспорядках или протестах (например, расстрел студентов Кентского университета, выступавших против войны в Индокитае в 1970 г.);

- нападения террористического характера, совершенные по политическим или идеологическим мотивам (захват заложников в Беслане в 2004 г.);

- нападения, совершаемые из обиды или мести посторонними для учебного заведения людьми (наиболее ранний из рассматриваемых случаев – взрыв в Бате (штат Мичиган) в 1927 г., когда фермер, которого не избрали в общинный совет, убил свою жену, уничтожил свою ферму, а затем взорвал взрывчатку, заложенную под зданием школы, убив в общей сложности 45 детей и учителей [17]);

- вооруженные нападения, осуществленные учеником или бывшим учеником, намеренным отомстить кому-то конкретно из учащихся или из администрации учебного заведения;

- вооруженные нападения, определяемые как «неистовая» или «яростная» стрельба (rampage shooting). Они отличаются от первых трех видов нападений тем, что осуществляются учащимися данного учебного заведения, а от четвертого вида – тем, что имеют целью не конкретное лицо или конкретных лиц, и жертвы, как правило, выбираются по принципу «на кого бог пошлет», т.е. объектом нападения является институт или сообщество в целом (что отчасти роднит этот вид нападения с третьим). Наибольшую известность получило нападение на школу Колумбайна (Литтлтон, штат Колорадо) 20 апреля 1999 г., в ходе которого два ученика попытались взорвать свою школу и расстрелять одноклассников, убив 15 человек и ранив 23. Подобные нападения наиболее типичны для средних учебных заведений, хотя один из массовых расстрелов произошел 16 апреля 2007 г. в Вирджинском технологическом университете, где студент-кореец убил 33 человека и 25 ранил.

В таблице 1 представлены наиболее важные случаи «неистовых школьных расстрелов» в США и Канаде за 1974-2018 гг., в таблице 2 – «неистовые школьные расстрелы» в России в 2014-2018 гг.

Таблица 1

Вооруженные нападения учащихся на учебные заведения в США и Канаде

Место	Дата	Объект нападения	Возраст нападавших	Кол-во нападавших	Тип оружия	Количество жертв (убитые / раненые)	Имел ли место суицид нападавшего	Мотив
Оулиэн, штат Нью-Йорк	30.12.1974	Школа	17	1	Дробовик и винтовка	3 / 11	Покончил с собой в камере	Неизвестен
Брэмpton, Онтарио (Канада)	28.05.1975	Школа	16	1	Две самозарядных винтовки	3 / 13	Да	Недовольство преподавателями
Айова-сити, Айова	01.11.1991	Ун-т Айовы	28	1	Револьвер	6 / 2	Да	Недовольство преподавателями
Джонсборо, штат Арканзас	24.03.1998	Школа	11 и 13	2	Самозарядные винтовки	5 / 10	Нет	Возможно, увлечение сатанизмом

Окончание табл. 1

Место	Дата	Объект нападения	Возраст нападавших	Кол-во нападавших	Тип оружия	Количество жертв (убитые / раненные)	Имел ли место суицид нападавшего	Мотив
Спрингфилд, Орегон	20.05.1998	Школа	15	1	Нож, самозарядная винтовка, пистолеты	2/24	Нет	Исключение из школы
Колумбайн, штат Колорадо	20.04.1999	Старшая школа	17 и 18	2	Самозарядные карабин и пистолет, обрезы двустволки и ружья, взрывчатка	15 /23	Да	Школьная травля, ненависть к окружающим
Табер, Альберта (Канада)	28.04.1999	Старшая школа	14	1	Полуавтоматическая винтовка	1/1	Нет	Подражание
Конайрес, штат Джорджия	20.05.1999	Старшая школа	15	1	Полуавтоматическая винтовка, револьвер	0/6	Нет	Подражание
Сантис, штат Калифорния	05.03.2001	Старшая школа	15	1	Револьверы	2/13	Нет	Подражание
Ред Лэйк, штат Миннесота	21.03.2005	Старшая школа	16	1	Дробовик, пистолет	9/5	Да	Подражание, школьная травля
Блэксберг, штат Вирджиния	16.04.2007	Виргинский политехнический институт	23	1	Пистолеты	33/25	Да	Психическое заболевание
Де-Калб, штат Иллинойс	14.02.2008	Ун-т Сев. Иллинойса	27 (бывший студент)	1	Дробовик, пистолеты	6/18	Да	Психическое заболевание
Розберг, штат Орегон	01.10.2015	Колледж Амква	26 (студент-заочник)	1	Пистолеты, полуавтоматическая винтовка	10/9	Да	Осознание собственного ничтожества
Пос. Лалош, Саскачеван (Канада)	22.01.2016	Дом и школа	17	1	Ружье	4/7	Нет	Семейный конфликт?
Паркленд, штат Флорида	14.02.2018	Средняя школа	19 (бывший ученик)	1	Полуавтоматическая винтовка	17 /15	Нет	Психическое заболевание?
Сант-Фе, штат Техас	18.05.2018	Школа	17	1	Помповое ружье, револьвер, коктейль Молотова	10 /14	Нет	Школьная травля

Вооруженные нападения учащихся на учебные заведения в России

Место	Дата	Объект нападения	Возраст нападавших	Кол-во нападавших	Тип оружия	Количество жертв (убитые / раненные)	Имел ли место суицид нападавшего	Мотив
Москва, Отрадное	03.02.2014	Школа	15	1	Мелкокалиберная винтовка	2 / 1	Нет	Комплекс превосходства?
Ивантеевка	05.09.2017	Школа	15	1	Пневматическая винтовка, тесак, петарды	0 / 4	Нет	Подражание
Пермь	15.01.2018	Школа	16 и 16	2	Ножи	0 / 12	Нет	Подражание, обида
Улан-Удэ	19.01.2018	Школа	15 и 15	2	Топор, коктейль Молотова	0 / 4	Нет	Подражание
Стерлитамак	18.04.2018	Школа	17	1	Нож	0 / 3	Нет	Подражание
Баранбинск	10.05.2018	Колледж	16	1	Ружье	2	Да	Издевательство
Керчь	17.10.2018	Техникум	18	1	Ружье, бомбы	21 / 67	Да	Подражание

Следует отметить, что расстрел в Колумбайне оказал значительное влияние на последующие «неистовые расстрелы». Во-первых, он создал парадигму планирования и исполнения школьного «неистового расстрела», которой можно подражать. Во-вторых, он вдохновил последующих «неистовых стрелков» на отпущение за прошлые грехи, унижения и социальную изоляцию. В-третьих, он породил «рекорд» резни, который последующие «неистовые стрелки» стремились превзойти. В-четвертых, Харрис и Клеболд достигли мифического статуса в пантеоне антишкольных ученических субкультур. Начиная с 1999 г. многие «школьные стрелки» явно подражали им даже в деталях. Во всех случаях преступники либо признавали связь с Колумбайном, либо полиция обнаруживала доказательства влияния Колумбайна [20, р. 1314]. Вместе с тем значение Колумбайна не следует гипертрофировать; кроме того, что нападения на учебные заведения происходили и до Колумбайна (см. первые пять случаев в табл. 1). Следует учитывать, что нападения учащихся на учебные заведения – не единственный вид вооруженных нападений в общественных местах, и таковые происходили как до, так и после Колумбайна. Следовательно, есть что-то, подталкивающее людей к подобным преступлениям, кроме подражания Харрису и Клеболду.

Причины и мотивы. Наиболее ранние теории, объясняющие массовые расстрелы – это органические поражения мозга или злоупотребление психоактивными веществами [16, р. 2]. Действительно, некоторые из «стрелков» (в частности, «техасский стрелок» 1966 г.) были людьми с органическим поражением головного мозга (опухоль). Но это были, как правило, взрослые люди, а у подавля-

ющего большинства «школьных стрелков» какие-либо органические поражения головного мозга обнаружены не были. Изучая родственные связи школьных стрелков, исследователи установили, что у 24 % «стрелков» была история злоупотребления психоактивными веществами или алкоголем; в других выборках этот процент выше (62 %). Однако они не смогли определить, находились ли подростки под воздействием вещества во время массовых убийств. Многие из «стрелков» принимали антидепрессанты или психотропные препараты, хотя для 10 % «стрелков» эти лекарственные средства были противопоказаны [16, р. 2].

К причинам нападений относят семейные неурядицы, недостаток внимания со стороны родителей и психические заболевания. Среди главных мотивов издевательства / преследования / угрозы (75 %) и месть (61 %), 54 % указали на комплекс причин. Среди других мотивов попытка разрешить проблемы (34 %), суицид или депрессия (27 %), поиск внимания или признания (24 %) [25]. Еще одной причиной выступает тяжелая социально-психологическая атмосфера, сложившаяся в американских школах, вызванная непрерывной борьбой подростков за самоутверждение и травлей тех, кто проигрывает в этих «крысиных бегах» или не желает в них участвовать [18]. Но сегодня «школьные расстрелы» и массовые расстрелы людей в общественных местах перестали быть специфически американским феноменом.

Ральф Ларкин предположил, что Харрис и Клеболд совершали расстрел «как откровенно политический акт во имя угнетенных учеников, которых преследовали их сверстники» [20, р. 1320]. Подобное объяснение выглядит весьма сомнительным: пострадавшими от «хищнического маскулинного поведения» выглядят не Харрис с Клеболдом и им подобные, а жертвы Харриса и Клеболда, тогда как сами они скорее выступили в роли «маскулинных хищников» [21]. Отмечается, что Э. Харрис был поклонником Гитлера [20, р. 1314]. Скорее всего, он был поклонником Гитлера не в политико-идеологическом (хотя идеология национал-социализма крайне эклектична и содержит взаимоисключающие элементы [3, с. 283]), а в социально-психологическом отношении. Поклонники «культы силы», презирающие слабых, испытывающие чувство разочарования и обиды, чувствуют потребность в символическом присоединении к фигуре, считающейся «врагом современной цивилизации» и «патологически некрофильской личностью» [15, с. 318], к которой негативно относится большинство общества. И более всего на эту роль подходит именно Гитлер. Попытки создания социального профиля «школьного стрелка» до сих пор оканчивались неудачей, поскольку, по-видимому, какого-то единого типа «школьного стрелка» не существует.

На наш взгляд, целесообразнее говорить не столько о профилях, сколько о синдромах, характерных для «школьных стрелков». Под синдромом в данном случае подразумевается совокупность тесно связанных между собой признаков (симптомов), которые, как предполагается, имеют общий генезис и развитие. В частности, Т. Адорно писал об «авторитарном синдроме» [1, с. 272-307], современные психологи пишут о синдроме психологического выгорания или даже о синдроме профессионализма [2, с. 15-26; 4, с. 65], социальные и политические психологи нередко употребляют выражение «стокгольмский синдром». Понятие

«синдром» нередко сблизается с используемым психоаналитиками понятием «комплекс». Основатели психоанализа понимали под комплексом группу представлений (а также мотивов и установок), вытесненных в подсознание (или сформировавшихся в нем) и оказывающих влияние на психику личности [14, с. 210-215], но впоследствии термин «комплекс» стал употребляться просто для определения совокупности психических элементов и/или процессов.

На наш взгляд, можно выделить три синдрома, характерные для «школьных стрелков». Во-первых, это «синдром Крысолова», или «синдром Гаммельнского крысолова». Он назван так по легенде о крысолове из города Гаммельн, который увел всех крыс из города и утопил их, а когда жадные бюргеры отказались с ним расплатиться, он увел из Гаммельна всех детей [9, с. 25-27]. Этот синдром характерен для человека, который считает, что он оказал обществу или данному сообществу какие-то важные услуги, а его не оценили или с ним обошлись несправедливо. Типичный пример проявления «синдрома Крысолова» – фермер из Бата [17]; для «школьных стрелков» он малохарактерен.

Во-вторых, это «синдром Герострата» по имени человека, сжегшего храм Артемиды в Эфесе ради сомнительной славы. Этот комплекс характерен для «школьных стрелков», которые жаждут публичности и известности любой ценой («каждый имеет право на пять минут славы»).

Но можно выделить и третий синдром – «синдром Нибелунгов». В «Песне о Нибелунгах», сочиненной, видимо, в начале XIII в. в Германии, бургундские рыцари во главе с королем отправляются в гости к королю гуннов Этцелю, хотя и предполагают, что там их ждет гибель: жена Этцеля Кримхильда их ненавидит и хочет погубить. И они погибают в горящем дворце Этцеля, но при этом убив сотни гуннов и их союзников [10]. Сценарий массового расстрела в Колумбайне, придуманный и осуществленный Харрисом и Клиболдом, предполагал поджог и взрыв ненавистной школы (бомбы не взорвались) и самоубийство среди множества трупов своих одноклассников. Различие между «синдромом Нибелунгов» и «синдромом Герострата» состоит в том, что, на наш взгляд, первые готовы идти до конца, вторые – нет. (Психоаналитик бы сказал, что «синдром Нибелунгов» носит танатофильческий характер, а «синдром Герострата» – нарциссический).

Заключение. Какие рекомендации и выводы относительно безопасности учебных заведений можно предложить?

Во-первых, усиление пропускного режима и увеличение охраны учебных заведений может защитить учащихся и преподавателей лишь от нападения, планируемого посторонними людьми. От нападений, планируемых учащимися, оно вряд ли сможет защитить, поскольку тщательный личный досмотр учеников на входе в школы нереален, и учащийся данного учебного заведения всегда найдет способы обойти контроль на входе.

Во-вторых, усиление контроля над оружием может повысить безопасность школ и учебных заведений и во всяком случае стабилизирует риски примерно на существующем уровне. Однако уже сегодня при нападениях на российские школы учащиеся используют холодное оружие (ножи, топоры) и «коктейли Молото-

ва». Поэтому контроль над оружием сможет лишь уменьшить количество жертв при нападениях.

В-третьих, анализ осуществленных и провалившихся нападений на учебные заведения показывает, что в 81 % случаев по крайней мере один человек, кроме нападавшего, знал о том, что такой расстрел планируется. В 93 % случаев этот человек был сверстником или одноклассником [16, р. 2]. Более того, «школьные стрелки» обычно не скрывают своих намерений, высказывая угрозы в разговорах или в социальных сетях (например, «завтра вы узнаете, останетесь ли вы в живых или умрете»), предсказания (например, «что-то большое произойдет завтра») или сочиняя стихи и рассказы, которые показывают сверстникам или учителям [16, р. 2]. Поэтому следует придавать значение подобным «утечкам», которые уже помогли предотвратить не одно и не два массовые убийства.

Вооруженные нападения на учебные заведения, совершаемые учащимися, – явление крайне опасное, но достаточно редкое даже там, где оно появилось, – в США. Сократить количество подобных нападений, как показывает опыт тех же США, возможно при развитии школьных психологической и конфликтологической служб, подготовке специалистов, могущих и умеющих работать с молодежью, своевременно предупреждать появление «школьных стрелков». Кроме того, нападения на школы как симптом социальной болезни являются обширным, почти неразработанным и весьма актуальным полем исследования для социологов и криминологов.

Список литературы

1. Адорно Т. Исследование авторитарного характера. М.: Профит Стайл, Серебряные нити, 2016. 416 с.
2. Венгер А. Л. О понятии «психологический синдром» // Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. № 1-2. С. 15-26.
3. Галкин А. А. Германский фашизм. М.: Наука, 352 с.
4. Демьянов А. «Непонятый и недоцелованный». В ФРГ начался процесс над несостоявшимся убийцей 47 гимназистов. URL: <https://lenta.ru/articles/2010/04/23/ungekuesst/> (дата обращения 10.12.2018).
5. Дружилов С. А. Профессионализм человека как психологический синдром // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 8 (36). С. 65-71.
6. Жилин И. Керченский колумбайн? // Новая газета. 2018. 19 октября. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/10/17/78234-kerchenskiy-kolumbayn> (дата обращения 10.12.2018).
7. Кравцова И. Откуда нам знать, что у него в голове? Как Керчь переживает массовое убийство в колледже. URL: <https://meduza.io/feature/2018/10/18/otkuda-nam-znat-chno-u-nego-v-golove> (дата обращения 10.12.2018).
8. Маленькая девочка с ножом и взрывчаткой. 16-летняя немецкая ученица планировала поджечь свою школу. URL: <https://lenta.ru/articles/2009/05/12/tatyana/> (дата обращения 10.12.2018).
9. Немецкие народные баллады: пер. Л. Гинзбурга. М.: Гослитиздат, 1959. 136 с.
10. Песнь о Нибелунгах. Ленинград: Наука, 1972. 344 с.
11. По классическому сценарию. Массовое убийство в Германии совершил тихий и неприметный подросток. URL: <https://lenta.ru/articles/2009/03/12/killer/> (дата обращения 10.12.2018).
12. При нападении на керченский колледж пострадали 67 человек. URL: <https://ria.ru/20181031/1531859155.html> (дата обращения 10.12.2018).

13. Тарасов А. Топор, нож, коктейль Молотова // Новая газета. 2018. № 6. 22 января. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/01/20/75206-topor-nozh-kokteyl-molotova> (дата обращения 10.12.2018).

14. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.

15. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.

16. Daskalopoulou E. School Shootings: A Review of Characteristics and Psychopathology of the Perpetrators / E. Daskalopoulou, A. Igoumenou, G. Alevizolopoulos // Journal of Forensic Sciences and Criminal Investigations. 2017. Vol. 4, No. 2. P. 1-5.

17. Gado M. Hell Comes to Bath. URL: http://www.crimelibrary.com/serial_killers/history/bath/index_1.html (дата обращения 10.12.2018).

18. Graham P. Why Nerds are Unpopular. URL: <http://www.paulgraham.com/nerds.html> (дата обращения 10.12.2018).

19. Нувинкаа shooting: Finland gunman in deadly rampage. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-18217282> (дата обращения 10.12.2018).

20. Larkin R. W. The Columbine Legacy Rampage Shootings as Political Act // American Behavioral Scientist. 2009. Vol. 52, № 9. May. P. 1309-1326.

21. Muschert G. W. The Columbine Victims and the Myth of the Juvenile Superpredator // Youth Violence and Juvenile Justice. 2007. Vol. 4, № 5. P. 351-366.

22. Mushert G. W. Media and Massacre: Social Construction of the Columbine Story. PhD Thesis. Boulder: Univ. of Colorado, 1992. 266 p.

23. Mushert G. W. Research in School Shootings // Social Compass. 2007. Vol. 1, № 1. P. 60-80.

24. Roberts F. J. Deadly Dreams: What Motivates School Shootings? URL: <https://www.scientificamerican.com/article/deadly-dreams> (дата обращения 10.12.2018).

25. The School Shooter: A Quick Reference Guide FBI Behavioral Analysis Unit (BAU) URL: <https://www.radnor.com/DocumentCenter/View/17998/The-School-Shooter---A-Quick-Reference-Guide-FBI> (дата обращения 10.12.2018).

Дата поступления в редакцию: 04.02.2019

Авторская справка

СЕРГЕЕВ Сергей Алексеевич, доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Казанский федеральный университет; профессор, Казанского национального исследовательского технологического университета, Казань, Россия. E-mail: konfliktolog@mail.ru.

СЕРГЕЕВ Артур Сергеевич, студент, Казанский федеральный университет, Казань, Россия. E-mail: konfliktolog@mail.ru.

UDC 316.624.3

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.114

"SCHOOL SHOOTERS" AND THEIR MOTIVATION: "PIED PIPER SYNDROME", "GEROSTRAT SYNDROME", "NIBELUNG SYNDROME"?

S. A. Sergeev^{1,2}, A. S. Sergeev¹

¹Kazan National Research Technological University, Kazan (Russia)

²Kazan Federal University, Kazan (Russia)

Introduction. The article analyzes the phenomenon of armed attacks on educational institutions committed by students of the same educational institution ("school shooters"). This phenomenon is considered in a wider context of armed attacks in public places, but the focus is on the so-called

"rampage school shooting", when an armed criminal or criminals choose their victims at random, thereby attacking not certain individuals, but the institute itself (academic institution).

Methods. The study is based on a comparative analysis of more than one hundred attacks on educational institutions in the United States, Canada, Western Europe and Russia.

Results. Various theories that explain the behavior of "school shooters" are critically evaluated: organic brain damage, substance abuse, poor socialization, bad relationships with parents and peers, school bullying and the intention to take revenge. The authors proposed three syndromes that characterize various types of "school shooters": "Pied Piper syndrome" (resentment of a society that did not evaluate or underestimate the merits and dignity of the individual), "Herostratus syndrome" (desire to become famous at any cost) and "Nibelung syndrome" (desire to destroy your opponents and yourself).

Conclusions. Some recommendations for the prevention of armed attacks on educational institutions have been proposed. The authors believe that the most effective would not be to increase access control in schools and not to control the weapon, but to increase attention to the "leakages" of information from "school shooters" to social networks, their friends, relatives and acquaintances.

Keywords: school shootings; school shooters; rampage shooting; Pied Piper syndrome; Herostratus syndrome; Nibelung syndrome.

References

1. Adorno T. Issledovanie avtoritarnogo haraktera [Research of an authoritarian nature], Moscow: Profit Stajl, Serebryanye niti, 2016, 416 p.
2. Venger A. L. O ponyatii "psihologicheskij sindrom" [On the concept of "psychological syndrome"], *Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza* [Journal of practical psychology and psychoanalysis], 2001, No. 1-2, pp. 15-26.
3. Galkin A. A. Germanskij fashizm [German fascism], Moscow: Nauka, 352 p.
4. Dem'yanov A. "Neponyatyj i nedocelovannyj". V FRG nachalsya process nad nesostoyavshimsya ubijcej 47 gimnazistov ["Misunderstood and under-kissed." In Germany, the trial of the failed killer of 47 gymnasium students began]. Available at: <https://lenta.ru/articles/2010/04/23/ungekuesst/> (accessed 10.12.2018).
5. Druzhilov S. A. Professionalizm cheloveka kak psihologicheskij sindrom [Human professionalism as psychological syndrome], *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanitarian scientific research], 2014, No. 8 (36), pp. 65-71.
6. Zhilin I. Kerchenskij kolumbajn? [Kerchen Colombian?], *Novaya gazeta* [New Newspaper], 2018, 19 oktyabrya. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/10/17/78234-kerchenskiy-kolumbayn> (accessed 10.12.2018)
7. Kravtsova I. Otkuda nam znat', chto u nego v golove? Kak Kerch' perezhivaet massovoe ubijstvo v kolledzhe [How do we know what's in his head? How Kerch is going through a mass murder in college]. Available at: <https://meduza.io/feature/2018/10/18/otkuda-nam-znat-cto-u-nego-v-golove> (accessed 10.12.2018)
8. Malen'kaya devochka s nozhom i vzrychatkoj. 16-letnyaya nemeckaya uchenica planirovala podzhech' svoju shkolu [A little girl with a knife and explosives. 16-year-old German student planned to set fire to her school]. Available at: <https://lenta.ru/articles/2009/05/12/tatyana/> (accessed 10.12.2018)
9. Nemeckie narodnye ballady [German folk ballads]: per. L. Ginzburga, Moscow: Goslitizdat, 1959, pp. 25-27. 136 p.
10. Pesn' o nibelungah [Song about nibelungs], Leningrad: Nauka, 1972, 344 p.
11. Po klassicheskomu scenariyu. Massovoe ubijstvo v Germanii sovershil tihij i neprimetnyj podrostok [In a classic scenario. Mass murder in Germany committed by a quiet and untold teenager]. Available at: <https://lenta.ru/articles/2009/03/12/killer/> (accessed 10.12.2018)
12. Pri napadenii na kerchenskij kolledzh postradali 67 chelovek [67 people were injured in the attack on Kerchen College]. Available at: <https://ria.ru/20181031/1531859155.html> (accessed 10.12.2018).

13. Tarasov A. Topor, nozh, koktejl' Molotova [Axe, knife, Molotov cocktail], *Novaya gazeta* [New newspaper], 2018, No. 6. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/01/20/75206-topor-nozh-kokteyl-molotova> (accessed 10.12.2018).
14. Freud Z. Vvedenie v psihoanaliz: lektsii [Introduction to psychoanalysis: Lectures], Moscow: Nauka, 1989, 456 p.
15. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti [Anatomy of human disruptiveness], Moscow: Respublika, 1994, 447 p.
16. Daskalopoulou E., Igoumenou A., Alevizolopoulos G. School Shootings: A Review of Characteristics and Psychopathology of the Perpetrators, *Journal of Forensic Sciences and Criminal Investigations*, 2017, Vol. 4, No. 2, pp. 1-5.
17. Gado M. Hell Comes to Bath. Available at: http://www.crimelibrary.com/serial_killers/history/bath/index_1.html (accessed 10.12.2018).
18. Graham P. Why Nerds are Unpopular. Available at: <http://www.paulgraham.com/nerds.html> (accessed 10.12.2018).
19. Hyvinkaa shooting: Finland gunman in deadly rampage. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-18217282> (accessed 10.12.2018).
20. Larkin R. W. The Columbine Legacy Rampage Shootings as Political Act, *American Behavioral Scientist*, 2009, Vol. 52, No. 9, May, pp. 1309-1326.
21. Muschert G. W. The Columbine Victims and the Myth of the Juvenile Superpredator, *Youth Violence and Juvenile Justice*, 2007, Vol. 4, No. 5, pp. 351-366.
22. Mushert G. W. Media and Massacre: Social Construction of the Columbine Story. PhD Thesis, Boulder: Univ. of Colorado, 1992, 266 p.
23. Mushert G. W. Research in School Shootings, *Social Compass*, 2007, Vol. 1, No. 1, pp. 60-80.
24. Roberts F. J. Deadly Dreams: What Motivates School Shootings? Available at: <https://www.scientificamerican.com/article/deadly-dreams> (accessed 10.12.2018).
25. The School Shooter: A Quick Reference Guide FBI Behavioral Analysis Unit (BAU). Available at: <https://www.radnor.com/DocumentCenter/View/17998/The-School-Shooter---A-Quick-Reference-Guide-FBI> (accessed 10.12.2018).

Author's Bio

SERGEEV Sergey Alekseevich, Doctor of Sc. (Pol.), Professor of the Department of Political Sciences, Kazan Federal University; Professor of Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia. E-mail: confliktolog@mail.ru.

SERGEEV Arthur Sergeevich, student, Kazan Federal University, Kazan, Russia. E-mail: confliktolog@mail.ru

Библиографическая ссылка

Сергеев С. А., Сергеев А. С. «Школьные стрелки» и их мотивация: «синдром Крысолова», «синдром Герострата», «синдром Нибелунгов»? // SocioTime / Социальное время. – 2019. – № 2(18). – С. 114-124. – DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.114

ИСТОРИЯ

УДК 94(470)"16/18" + 94(57)
DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.125

ПОЛИТИКА РОССИИ В ЮЖНОЙ СИБИРИ: ОСВОЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ АЛТАЯ В XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII вв.

М. А. Киндинов¹, Е. М. Чедурова²

¹Майминская СОШ № 1, Манжерок, Республика Алтай (Россия);

²Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск (Россия)

Введение. Россия на протяжении своей истории стремилась расширить свою территорию, в первую очередь в восточном направлении. Падение Казанского и разгром Сибирского ханств позволил начать процесс освоения Сибири. Целью исследования является рассмотрение особенностей внешней политики России в Сибирском регионе, в частности в отношении земель Степного и Горного Алтая в XVII — нач. XVIII в. Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть вопрос освоения земель Южной Сибири и продвижения русских землепроходцев в глубь Горного Алтая; во-вторых, поднять проблему восточного направления во внешней политике России и ее взаимоотношений с Джунгарским ханством.

Методы. Статья подготовлена на основе анализа исторической литературы, посвященной данной проблематике.

Основные идеи исследования, его результаты и их обсуждение. Продвигаясь на юг Сибири, русские землепроходцы столкнулись с противодействием со стороны телеутов. Отношения с ними были противоречивыми на протяжении всего XVII в. Только в конце века телеуты принесли присягу русскому царю. В течение XVII в. в состав России вошли племена северных алтайцев: тубалары, кумандинцы, челканцы, а также южные – телесы и часть телеутов. Начиная с 1619 г. были установлены отношения с Джунгарией. Русско-джунгарские отношения характеризовались противоречиями и взаимными претензиями. Особенной остроты они достигли в правление Петра Великого и Цевана-Рабдана, в частности, из-за территориальных споров за Горный Алтай.

Заключение. Можно отметить, что на особенности внешней политики страны в указанный период большое влияние оказала зависимость курса от личности правителя, в частности императора Петра Великого, Галдана-Бошукту-хана и Цевана-Рабдана. Также в ходе исследования выявлена взаимосвязь событий, происходивших на юге Сибири и в Центральной Азии, и событий в центральной части и на западном направлении России, которые во многом способствовали замедлению освоения Россией земель Горного Алтая.

Ключевые слова: Россия XVII – первой половины XVIII вв., Джунгария, Южная Сибирь, Алтай, международные отношения, внешняя политика.

Введение. Российское государство с момента своего возникновения и на протяжении многих веков постепенно продвигалось на Восток, включая в свой

состав народы и племена, проживавшие на территории Сибири и Дальнего Востока. Этот процесс был длительным и сопряжен с рядом трудностей. В частности, это касалось взаимоотношений с местными народами и соседними государствами – Китаем и Джунгарией. В связи с этим Россия вынуждена была вырабатывать и продумывать свою особенную политику в этом регионе. Для страны, которая перенесла тяжелые потрясения, связанные с ее распадом, отделением целых регионов, которая находится в процессе формирования своей национальной политики, важно знать и не забывать истоки становления российской государственности, уходящие корнями в XVII-XVIII вв., во взаимоотношения с народами и государствами, окружавшими Россию.

Целью исследования является рассмотрение особенностей внешней политики России в Сибирском регионе, в частности в отношении земель Степного и Горного Алтая в период XVII – нач. XVIII вв. Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*: во-первых, рассмотреть вопрос освоения земель Южной Сибири и продвижение русских землепроходцев в глубь Горного Алтая; во-вторых, поднять проблему восточного направления во внешней политике России и ее взаимоотношений с Джунгарским ханством.

Статья подготовлена на основе анализа исторической литературы, посвященной поднимаемой проблематике. Политике России в Сибири и процессу вхождения Горного Алтая посвящен ряд фундаментальных трудов советской историографии [2, 6, 9]. В постсоветский период данная тема также продолжила интересовать отечественных исследователей, которые в первую очередь сделали акцент на изучение отдельных проблем, в частности присоединения северных алтайцев и борьбы алтайского народа с цинским Китаем [3, 4, 7, 8]. Особое место в изучении политики России в этом регионе принадлежит трудам, посвященным международным отношениям [1, 5].

Методы исследования. Методологической основой настоящего исследования является системный подход. Применительно к внешней политике он может быть раскрыт так: всякое государство ведет свою внешнюю политику не изолированно, а в системе государств и международных отношений.

Работа базируется на принципах историзма (рассмотрение темы в ракурсе исторической обусловленности и развития), объективности (всесторонний анализ исторических документов и беспристрастная оценка изучаемого), единства и взаимной связи общего и особенного.

В данной работе были использованы также метод исторической антропологии, признававший ведущую роль личности в историческом процессе. Последний рассматривался нами через призму деятельности отдельных лиц, в частности Петра Великого и Цевана-Рабдана.

Основные идеи исследования, его результаты и их обсуждение. Освоение Сибири, положенное экспедицией казацкого атамана Ермака (1581-1585 гг.), и последовавшее за ним падение Сибирского ханства продолжило стремительно набирать обороты и продвигаться все дальше вглубь континента в восточном и южном направлениях. В течение XVII в. сибирский край был пройден русскими землепроходцами «встречь солнца» до побережья Охотского моря и прочно за-

креплен в составе России. Северная и восточная границы Русского государства в пределах Сибири почти совпадали с естественными географическими границами северной части Азиатского материка. Иначе обстояло дело в южных районах Сибири. Русское продвижение на юг в XVII в. столкнулось со встречным наступлением маньчжурских, монгольских и джунгарских феодалов и было приостановлено [2, с. 181]. В связи с этим освоение Алтайских гор заняло длительное время и растянулось почти на двести лет. Присоединение этого региона к России условно делится на два этапа: на первом этапе был освоен степной Алтай, а на втором – территории Горного Алтая. «Включение тюркоязычных племен Алтая в состав Русского государства происходило в течение XVII и первой половины XVIII в. Для северных и южных алтайцев оно оказалось различным во времени и совершилось при разных обстоятельствах, – отмечал историк А. П. Потапов, подробно рассмотревший этот вопрос. – Так, племена северного Алтая были включены в процессе образования многонационального Русского государства еще в начале XVIII в. в связи с освоением русскими огромных почти не заселенных пространств Сибири» [6, с. 165].

Освоение северного Алтая проходило при неоднозначных и непростых условиях. Отношения с населявшими эти просторы племенами складывались по-разному. Большое влияние оказывала на них и международная ситуация в Центральной Азии, в условиях которой распадались старые племенные союзы и новые государственные образования. Достаточно остро складывались отношения с енисейскими кыргызами, которые начиная с 1608 г. и на протяжении всего XVII в. вели активные военные действия. Особенно выделялся Иренак Илиев, грабивший русские селения более двадцати лет [6, с. 171].

Таким же образом обстояли дела и с соседями кыргызов – телеутскими племенами, которые во второй половине XVII в. попадают в зависимость от образовавшегося Джунгарского ханства. В 60-70-е гг. XVII в. происходит обострение русско-телеутских отношений, связанное с политикой телеутских князей из рода Абаковичей и рода Мачиковичей. Телеутский тайши Абак и его зять Тарлава, мурза чатских татар, был связан с «кучумовыми царевичами», в частности с внуком сибирского хана Кучума – Аблайгиримом, сыном Ишима, которые организовывали восстания против русских в западной и южной Сибири [6, с. 171]. В 1663 г. Кока Абаков признал власть джунгарского хана Сеньге и на следующий год отступил на левый берег Оби. Во второй половине 70-х гг. уже Табун Абаков совместно с Мачиком, теснимые русскими отрядами, перебрались еще дальше – в междуречье Чарыша и Алея. Борьба Джунгарского ханства с цинским Китаем, обострившаяся в конце XVII в., не позволяла последнему активно вмешиваться в дела северного Алтая и противодействовать сибирской администрации в успокоении этих территорий. В связи с этим возможности продолжать политику борьбы с Русским государством у телеутских князей практически не оставалось, так как в этом регионе активизировались их давние противники – кыргызы и казахи. В сложившихся условиях князь Табун Абаков в 1688 г. формально принял подданство России. В 1695 г. он и Шаадай Мачик после принятия русского подданства принесли присягу (шерть) царю Петру I Алексеевичу. После смерти князя

Табуна в 1697 г. его сын Шал вместе с князем Бейконом Мачиком, братом Шаада Мачикова, главы улуса Мачиковичей, принесли присягу русскому царю. Таким образом два наиболее крупных телеутских улуса – Абаковичей и Маковичей – формально подчинились России [8, с. 34-36]. Это привело к успокоению этих земель и положило начало хозяйственному освоению степного Алтая в долине рек Чарыша, Алея вплоть до устья Бии и Катуня и дальнейшему продвижению к верховьям этих рек в горную часть.

Помимо телеутов активно шло присоединение и других северных алтайских племен. В частности, в 1625 г. ясаком были обложены челканцы, в 1627 г. – тубалары и шорцы, в 1629 г. – кумандинцы. Этому во многом способствовало основание в 1618 г. в устье р. Кондомы Кузнецкого острога, форпоста России в Южной Сибири. Как справедливо отмечала Е. П. Кандаракова; «обложение ясаком волостей северного Алтая не следует рассматривать как принятие подданства России, однако привидение «под государеву высокую руку» свидетельствует о попадании в зависимость от русских властей, следовательно, можно это рассматривать как принятие подданства России... Русское государство волости северного Алтая покоряло одно за другим, подчинение северных алтайцев русскому государству не проходило гладко, население то платило ясак, то отказывалось от уплаты, вступая в вооруженные столкновения, часто меняя место обитания» [3, с. 77-78].

Сохранилось множество свидетельств сибирских воевод, которые в донесениях московскому правительству часто сообщали о непостоянстве местных племен и их стремлении к неуплате ясака [7, с. 69]. Подобная ситуация наблюдалась и по результатам экспедиции Петра Собанского, совершенной в 1633 г. в верховья р. Бии и Телецкого озера в земли телесов, которых он обложил ясаком. Но телеский князь Мандрак после ухода Собанского отказался его вносить, что вынудило последнего в 1642 г. вновь вернуться на берега Телецкого озера. В ходе второй экспедиции Мандрак был разбит и взят в плен. Но после того как в 1645 г. князь скончался, его сын Айдар также отказался платить ясак русскому царю. На этом история взаимоотношений с племенем телесов не закончилась. В следующем 1646 г. телесы во главе с князем Айдаром вновь были покорены, на этот раз уже воеводой Борисом Зубовым. Несмотря на это, Айдар в 1652 г. увел телесов к телеутам, отказавшись вносить ясак. Но, вернувшись назад, через несколько лет, телесы стали исправно вносить ясак в русскую казну. Пример телесов показателен, на его основе можно рассматривать и позицию многих других племен.

В целом можно отметить, что в течение XVII в. в состав России вошли северные племена Горного Алтая – тубалары, кумандинцы, челканцы, а также южные – телесы и часть телеутов [9, с. 7-8]. Во многом мирному вхождению местных племен и продвижению все дальше на юг Сибири способствовала так называемая «политика мирного закрепления новых сибирских земель» [4, с. 11]. Выработке данной политики, аналогов которой нет в мировой истории, способствовала международная обстановка начала XVII в., от которой зависела внешняя политика Российского государства первых Романовых. Смутное время и войны с Речью Посполитой и Швецией, потеря ряда стратегически важных территорий на западе страны, в том числе Смоленска, и выхода к Балтийскому морю, пресече-

ние правящей династии Рюриковичей и воцарение Романовых поставили страну в тяжелое геостратегическое положение и вынуждали правительство больше внимания уделять именно западному направлению внешней политики страны, что было связано с необходимостью в первую очередь возвращения утраченных земель и восстановления политического престижа страны в Европе. В связи с этим обращать внимание, а тем более выделять необходимые ресурсы, в первую очередь людские, для освоения сибирских земель обескровленная Россия была не в состоянии. В целом можно сказать, что Российское государство, занятое постоянными кровопролитными войнами в Европе, проводило политику лавирования между крупными игроками на политической карте Центральной Азии, в первую очередь между народившимся Джунгарским ханством и Цинским Китаем.

История дипломатических отношений России и Джунгарии восходит к началу XVII в., ко времени становления ойратского государства, созданного Батурхунтайджи в 1635 г. Историк Б. П. Гуревич, исследовавший процесс международных отношений в Центральной Азии, отмечал, что «создание Джунгарского ханства привело к изменению всей международной обстановки в Центральной Азии» [1, с. 33]. В 1619 г. к России с просьбой о подданстве обратился чоросский тайши Хара-Хулы, отец основателя ойратского государства, которому была выдана жалованная грамота о согласии на его вступление в подданство России. Можно сказать, что русско-ойратские отношения в период правления Батурхунтайджи (1635-1654 гг.) и его ближайших преемников развивались в целом как добрососедские [1, с. 33-35].

Укрепление позиций России в южной Сибири и переход в ее подданство части алтайских племен в Степном Алтае, с одной стороны, разгром Алтын-хана Лубсан-тайджи в 1667 г. и ликвидация угрозы со стороны Алтын-ханов в юго-западной Монголии – с другой, привели к тому, что ойротский хан Сенге-хунтайджи (1662-1670 гг.) стал претендовать на всю Южную Сибирь. Обострение русско-ойратских отношений продлилось до убийства Сенге-хунтайджи в 1670 г. и восшествия на джунгарский престол его родного брата Галдана в 1671 г. В период правления Галдан-Бошокту-хана (1671-1697 гг.) отношения России и Джунгарии вышли на новый уровень своего развития. Занятый борьбой с монгольскими ханами и Китаем за контроль над Халкой, Галдан неоднократно обращался за помощью к России против «мунгальских владельцев», в частности 11 февраля 1690 г. в Иркутск прибыл его посол Дархан-зайсан. В течение последующих двух лет (1691-1692 гг.) этот вопрос поднимался ойротскими посольствами как в Сибири, так и в Москве [1, с. 51-52].

Очередные изменения произошли в конце XVII в. в связи с поражением Галдан-Бошокту-хана в Халке и его кончиной в 1697 г. Джунгарский трон был занят сыном Сенге-хунтайджи Цеван-Рабданом (1697-1727 гг.). Сложившаяся в Центральной Азии ситуация в начале XVIII в. была выгодна России, так как способствовала продвижению русских интересов в этом регионе. С начала XVIII в. после увода части енисейских кыргызов и телеутов джунгарскими правителями на юг в долину реки Или началось заселение русскими бассейна Енисея южнее

Красноярска, Северного Алтая и Верхнего Приобья. В XVIII в. русское заселение охватило прежде всего южносибирские земли. Царское правительство старалось избегать здесь всякого рода конфликтов и военных столкновений. Оно пыталось наладить регулярные торговые связи с казахами, Джунгарией, Китаем, среднеазиатскими государствами и даже Индией. Одновременно происходило укрепление южных границ путем постройки системы крепостей [2, т. 2, с. 181].

Такая политика России не могла не вызвать озабоченность ойратского правительства. Особой остроты русско-джунгарские отношения достигли в период с 1709 по 1720-е гг., что совпало с идущей Северной войной (1700-1721 гг.), в которой увязла Россия, и отвлекало основные военные и материальные силы страны. Правительство Джунгарии выбрало достаточно удобный для себя момент для предъявления своих территориальных претензий на Южную Сибирь. Так, Цэван-Рабдан начал военные действия в 1709 г. В 1710 г. была сожжена основанная в 1709 г. Бикатунская крепость. В 1713 г. джунгары собрали дань с населения Барабинской волости, а в 1718 г. захватили и разграбили Ямышевскую крепость. Также ими была сожжена Белоярская слобода [9, с. 12].

В ответ на это в 1717 г. была построена Железинская крепость, восстановлена после разорения Ямышевская, год спустя построена Семипалатинская, а в 1720 г. – Усть-Каменогорская крепость, что позволило закрепить за собой правобережье Иртыша от устья р. Оми до устья р. Ульбы, что в свою очередь оказало отвлекающий эффект на ойратское правительство и Цэван-Рабдана лично. В начале 20-х гг. XVIII в. наметилось «потепление» в русско-джунгарских дипломатических отношениях. Это видно по обмену посольствами Москвы и Урги. Столицу Джунгарии с дипломатической миссией посетил капитан И. Унковский (1722-1724 гг.), а в Санкт-Петербург прибыли дипломаты Борокурган (1721 г.) и Доржи (1724 г.) [4, с. 72]. В немалой степени «потеплению» двусторонних отношений способствовала активная дипломатическая деятельность российского правительства в этом регионе. В частности, были заключены договора о совместной деятельности, направленные против Джунгарии, с казахскими правителями Хаип-Ханом и Абулхаир-Ханом [9, с. 12]. Третьим фактором сближения послужила джунгаро-китайская война, начавшаяся в 1715 г. и завершившаяся только в связи с кончиной китайского императора Канси в декабре 1722 г. и вступления на трон его сына Юнчжэна (1722–1735 гг.).

Активизация России в Центрально-Азиатском регионе непосредственно связана с личностью первого императора – Петра. Именно Петр I смог охватить южные и северные направления внешней политики, поочередно решая стоявшие перед Россией задачи, направленные на повышение ее геополитического влияния в Европе и Азии. Характерной особенностью внешней политики России первой четверти XVIII в. была ее многовекторность.

В конце 1714 г. состоялась переписка между джунгарским контайши и русским царем. Петр I отправил «Грамоту колмыцкому контайше...», в которой утверждал, что «... та земля на Бии и Катуни, где был построен город, его царского величества, и те земли Сибирские, а не твои контайшины, потому что сибирские реки, Обь и Енисей, и Лена, искони Сибирские, и от устья, где впадали в

Северное море до гор, из которых те реки потекли. Також, которые реки впали в них, те земли, откуда потекли те реки, земля царского величества, о том и самому Эрдени Журыхту контайше ведомо» [9, с. 11]. Таким образом российское правительство в начале XVIII в. предъявило свои права на спорные территории Горного Алтая и стало последовательно продвигаться в этом направлении. Активизация дипломатических связей между двумя государствами должна была способствовать этому процессу.

Взаимоотношения России и Джунгарии, стремительно развивающиеся в положительную сторону в последние годы правления Петра I, были прерваны его смертью. Кончина Петра I в 1725 г. положила начало «эпохи дворцовых переворотов», ознаменовавшейся чередой коротких правлений, засильем иностранцев и сменой курса внешней политики России, который сконцентрировался в основном на «западном» направлении, и свертыванием активного присутствия в восточных регионах. В 1727 г. такая же участь постигла и Джунгарию, на престоле которой Цэван-Рабдана сменил его старший сын Галдан-Цэрэн, который изменил курс своей внешней политики и, как его отец в первые годы правления, стал предъявлять территориальные претензии к России. Обстановка в Центральной Азии с приходом Галдан-Цэрена изменилась в худшую сторону не только для России. Молодой, активный и целеустремленный контайши стал проводить агрессивную политику в отношении своих ближайших соседей, нападая на казахские жузы, возобновив спор за Халку с цинским Китаем.

Заключение. Продвижение России на восток и юг Сибири проходило не всегда мирным и спокойным путем. Встретив сопротивление местных народов на южном направлении, а также столкнувшись с претензиями Джунгарии и Китая на этот регион, Российское государство сформировала свою особенную политику, которая способствовала, с одной стороны, мирному вхождению данного региона в состав России, с другой – избеганию крупных военных конфликтов с соседними государствами, при этом сделала страну одним из ключевых игроков на геополитической карте региона, помогла прочно закрепиться и начать хозяйственное освоение земель Южной Сибири. Попытки джунгарских ханов Галдана-Бошкту-хана и Цэвана-Рабдана вытеснить Россию с Алтая не увенчались успехом во многом благодаря последовательной политике императора Петра Великого, который стремился расширить свое влияние как можно больше в Центральной Азии. События эпохи дворцовых переворотов внесли свои изменения во внешнюю политику России в этом регионе и замедлили процесс вхождения Алтая в состав России.

Список литературы

1. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1983. 310 с.
2. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Ленинград: Наука, 1968. 539 с.
3. Кандаракова Е. П. Присоединение Северного Алтая к России / Горный Алтай и Россия – 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 76-78.
4. Модоров Н. С., Дацышен В. Г. Народы Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии в борьбе с цинской агрессией. 1744-1758 гг. Горно-Алтайск – Красноярск, 2009. 140 с.

5. Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М.: Наука, 1983. 148 с.
6. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1953. 443 с.
7. Пустогачев Я. А. К вопросу присоединения северных этносов к России / Горный Алтай и Россия – 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 68-71.
8. Сатлаев Ф. А. Горный Алтай в период феодализма в России (XVII-XIX вв.): учебное пособие. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 1995. 192 с.
9. Тадыев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая // Великая дружба: 200 лет добровольного вхождения алтайцев в состав России. Горно-Алтайск, 1956. С. 5-43.

Дата поступления в редакцию: 20.02.2019

Авторская справка

КИНДИНОВ Михаил Александрович, учитель истории и обществознания Майминской СОШ №1, с. Манжерок, Республика Алтай, Россия. E-mail: shikotus@mail.ru.
ЧЕДУРОВА Елизавета Михайловна, доктор исторических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай, Россия. E-mail: chedurova@mail.ru

UDC 94(470)"16/18" + 94(57)
DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.125

**RUSSIA'S POLICY IN SOUTH SIBERIA: THE DEVELOPMENT
OF LANDS OF ALTAI IN THE XVII – FIRST QUARTER
OF THE XVIII-th CENTURIES**

M. A. Kindinov¹, E. M. Chedurova²

¹Maiminsk Secondary School No. 1, Manzherok, Altai Republic (Russia)

²Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Altai Republic (Russia)

Introduction. Throughout its history, Russia has tended to expand its territory, primarily in the east. The fall of Kazan and the defeat of the Siberian Khanate allowed to begin the process of mastering Siberia. The aim of the study is to examine the peculiarities of Russian foreign policy in the Siberian region, in particular with regard to the lands of Steppe and Gorny Altai in the period of the 17th – early XVIII centuries. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: first, to consider the development of land in Southern Siberia and the advancement of Russian explorers deep into the Gorny Altai, secondly, to raise the problem of the eastern direction in Russian foreign policy and its relationship with the Dzungar Khanate.

Methods. The article was prepared on the analysis of the historical literature on the subject raised.

Results. Moving to the south of Siberia, Russian explorers faced opposition from the Teleuts. Relations with them were controversial throughout the 17th century, only at the end of the century did the Teleuts bring Shert to the Russian Tsar. During the XVII century. The tribes of the Northern Altaians were included in Russia: the Tubalars, the Kumandins, the Chelkans, and the southern ones – the bodies and some of the Teleuts. Since 1619, relations were established with Dzungaria. Russian-Dzhungar relations were characterized by contradictions and mutual claims. They achieved particular acuity during the reign of Peter the Great and Tsevan-Rabdan, in particular because of territorial disputes over Gorny Altai.

Conclusions. It can be noted that the particularities of the country's foreign policy during this period were greatly influenced by the dependence of the course on the personality of the ruler, in particular Emperor Peter the Great, Galdan-Boshoktu Khan, and Tsevan-Rabdan. The study also revealed the interrelation of events in southern Siberia and Central Asia and events in the central part and in the western direction of Russia, which in many respects contributed to the slowdown in the development of Russia of the lands of Gorny Altai.

Keywords: Russia XVII – the first half of the XVIII centuries., Dzungaria, Southern Siberia, Altai, international relations, foreign policy.

References

1. Gurevich B. P. *Mezhdunarodnye otnoshenija v Central'noj Azii v XVII – pervoj polovine XIX v.* [International relations in Central Asia in the 17th and first half of the 19th century], Moscow: Nauka, 1983, 310 p.
2. *Istorija Sibiri s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 5 t.* [The history of Siberia from ancient times to the present day at 5 vol.], Vol. 2: *Sibir' v sostave feodal'noj Rossii* [Siberia as part of feudal Russia], Leningrad: Nauka, 1968, 539 p.
3. Kandarakova E. P. *Prisoedinenie Severnogo Altaja k Rossii* [Accession of Northern Altai to Russia], *Gornyj Altaj i Rossija – 240 let* [Mountain Altai and Russia – 240 years]. Gorno-Altajsk, 1996, pp. 76-78.
4. Modorov N. S., Dacyshen V. G. *Narody Sajano-Altaja i Severo-Zapadnoj Mongolii v bor'be s cinskoj agressiej. 1744-1758 gg.* [The peoples of Sayano-Altai and North-West Mongolia in the fight against Qing aggression. 1744-1758], Gorno-Altaysk – Krasnoyarsk, 2009, 140 p.
5. Moiseev V. A. *Cinskaja imperija i narody Sajano-Altaja v XVIII v.* [The Qing Empire and the peoples of Sayano Altai in the 18th century], Moscow: Nauka, 1983, 148 p.
6. Potapov L. P. *Ocherki po istorii altajcev* [Essays on the history of Altaians], Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953, 443 p.
7. Pustogachev Ja. A. *K voprosu prisoedinenija severnyh jetnosov k Rossii* [To the issue of joining the northern ethnic groups to Russia], *Gornyj Altaj i Rossija – 240 let* [Mountain Altai and Russia – 240 years], Gorno-Altaysk, 1996, pp. 68-71.
8. Satlaev F. A. *Gornyj Altaj v period feodalizma v Rossii (XVII-XIX vv.): uchebnoe posobie* [Mountain Altai during the period of feudalism in Russia (17th-19th centuries). Tutorial], Gorno-Altaysk: Juch-Sjumer, 1995, 192 p.
9. Tadyev P. E. *Povorotnyj punkt v istorii Gornogo Altaja* [Turning point in the history of Mountain Altai], *Velikaja družba: 200 let dobrovol'nogo vhozhenija altajcev v sostav Rossii* [Great Friendship: 200 years of voluntary integration of Altayans into Russia], Gorno-Altaysk, 1956, pp. 5-43.

Author's Bio

KINDINOV Mikhail Alexandrovich, Teacher of history and social studies of the Maiminsk Secondary School No. 1, v. Manzherok, Altai Republic, Russia. E-mail: shikotus@mail.ru.
 CHEDUROVA Elizaveta Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of Gorno-Altai State University, Gorno-Altaysk, Altai Republic, Russia. E-mail: chedurova@mail.ru

Библиографическая ссылка

Киндинов М. А., Чедурова Е. М. Политика России в южной Сибири: освоение земель Алтая в XVII – первой четверти XVIII вв. // SocioTime / Социальное время. – 2019. – № 2(18). – С. 125-133. – DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.125

УДК 161.7

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.134

ДИСКРИМИНАЦИЯ В КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ КАК УГРОЗА УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ ОБЩЕСТВА НА УКРАИНЕ

Р. А. Набиев, Е. С. Розатина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия)

Введение. В статье рассматривается религиозный конфликт, который возник на современной Украине и со временем обострился во время социально-политического кризиса в 2014 г. Процесс социально-политических трансформаций повлек за собой усиление взаимодействия религии и политики, которая проявилась в двух взаимосвязанных тенденциях: политизации межцерковных отношений и клерикализации политической сферы. В свою очередь, заинтересованность религиозных и политических субъектов в ресурсах друг друга для достижения своих целей и утверждения своего статуса в обществе стало основным фактором напряжения в государственно-церковных отношениях. Данный конфликт подогревается предпочтениями по отношению к отдельным православным центрам и насаждением националистических идей на Украине. Показываются внутривославные противоречия и складывание приоритетного внимания к прогосударственным православным центрам, переросшие в дискриминационные процессы по отношению к одной из крупнейших конфессий на Украине – Украинской православной церкви Московского патриархата.

Методы. С помощью контент-анализа сайтов религиозных организаций и мониторинговых отчетов по Украине выявлены факты конфликтных противоречий между государственными институтами и Украинской православной церковью Московского патриархата. На основе системного анализа материал определен и скомпонован по группам.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В статье приведены результаты анализа фактов давления и дискриминации в отношении доминирующей конфессии на Украине. Определены субъекты религиозного конфликта и используемые ими инструменты в данном социальном конфликте. Показаны роль и участие праворадикальных организаций в дискриминационных процессах.

Заключение. Результаты исследования должны помочь выработать механизмы предотвращения возникновения религиозных и конфессиональных конфликтов, а также способствовать поиску путей их урегулирования. Несбалансированная политика и активное вмешательство украинской власти в дела Церкви привело к дестабилизации общества и религиозной жизни страны.

Ключевые слова: религиозный конфликт, предпочтения, Украинская православная церковь, дискриминация, автокефалия, праворадикальное движение.

Введение. Политическая власть совместно с Церковью призвана сохранять народное единство, стремиться к консолидации общества и обеспечивать стабильность и общественный порядок в стране. Социально-политический кризис на Украине, начавшийся в 2014 г., обусловил разлом в церковно-государственных взаимоотношениях и, как следствие, вызвал появление религиозной дискриминации на территории постсоветской Украины. После коммунистического прошлого Украина стала единственной страной, в которой возобновились дискриминация и политическое давление по религиозному признаку. Несмотря на попытки Украины позиционировать себя как демократическое и евро-

пейское государство, светская власть не смогла сформировать сбалансированную конфессиональную политику, основанную на уважении принципов свободы совести и убеждений, согласно требованиям Всеобщей Декларации прав человека и других международных документов. В силу этого не удалось создать условия, способствующие мирному развитию внутриконтфессиональных и межрелигиозных отношений. На фоне сложившейся обстановки осуществлялась политика ущемления и нарушения прав религиозных организаций по идеологическому несоответствию политике президента П. Порошенко. Социально-политический кризис 2014 г. обусловил радикализацию украинского общества, что вызвало конфликтогенность во многих социальных сферах, в том числе и религиозной. Религиозный конфликт усилился борьбой политических интересов, идеологий, проблемой украино-русских взаимоотношений, межконтфессиональными противостояниями. Вследствие несоответствия идеологическим убеждениям одним из объектов давления стала доминирующая конфессия в Украине – Украинская православная церковь Московского патриархата (УПЦ МП)¹.

На момент начала социально-политического кризиса на Украине в 2014 г., согласно официальной статистике на 1 января 2014 г., УПЦ МП насчитывала 12 673 церковных общин, что составляет 67,5 % от всех зарегистрированных православных религиозных общин [10]. Стоит заметить, что УПЦ МП является самой крупной конфессией на Украине по количеству приходов, священников, монастырей и монахов на 2018 г. [11]. Во время своего правления президент П. Порошенко сделал ставку на церковный вопрос, поставив целью как результат своего правления создать украинскую Единую поместную церковь (ЕПЦ), объединив украинское православие. Среди основных украинских православных конфессий, которые рассматривались как участники объединительного процесса в рамках ЕПЦ, следует выделить Украинскую православную церковь в единении с Московским патриархатом (УПЦ МП), Украинскую православную церковь Киевского патриархата (УПЦ КП), Украинскую автокефальную православную церковь (УАПЦ) и Украинскую греко-католическую церковь (УГКЦ). Церковная ситуация относительно УПЦ МП полна противоречий и конфликтов, которые сложились в результате исторических, этнических, религиозно-философских, экономико-политических факторов. УПЦ МП, несмотря на территориальное разделение в рамках канонической территории, осталась в духовном единстве с Русской православной церковью (РПЦ) в статусе самоуправляемой религиозной конфессии. УПЦ КП образовалась как результат внутреннего раскола внутри УПЦ МП в 1993 г. На территории Украины УАПЦ возобновила свою деятельность в 1989 г. (свое основание УАПЦ ведет с 1917 г.). УПЦ КП и УАПЦ сформировались в оппозиции к РПЦ с характерно выраженной националистической идеологией. Также в союз с православными конфессиями намерена войти УГКЦ, которая является частью Католической церкви и находится в прямом подчинении Папы Римского и также поддерживает националистическую политику новой власти.

¹ УПЦ МП – неофициальное название православной Церкви на Украине, которое используется в данном тексте во избежание смешения с другими украинскими православными церквями. Официальное наименование – Украинская православная церковь.

В связи с усилением политизации Церквей, конфессии, которые поддержали новый курс национальной и религиозной политики государственного правительства, получили протекцию и поддержку со стороны власти, политических партий и различных организаций и силовую поддержку в лице праворадикальных организаций и партий, в результате чего усилились религиозный конфликт и политическое давление на УПЦ МП.

Методы исследования. С помощью традиционного анализа документов и контент-анализа материалов средств массовой информации была прослежена динамика религиозного конфликта, что позволило выделить периоды обострения конфессионального напряжения и определить векторы дискриминационных процессов в отношении доминирующей конфессии на Украине.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. На основе проанализированных монографий² можно выделить более 615 фактов дискриминации, выбранных за период 2014-2017 гг. С помощью проведенного системного анализа полученных данных можно выделить семь основных векторов, по которым осуществляются нарушающих права и свободы верующих и клириков УПЦ МП, систематическая дискриминация и давление со стороны должностных лиц центральных органов исполнительной власти Украины (Министерство культуры Украины, Министерство обороны Украины, Министерство внутренних дел Украины, ведомства, департаменты); давление со стороны должностных лиц местных органов исполнительной власти Украины; дискриминация на законодательном уровне и оказание давления со стороны законодательной власти Украины; давление со стороны должностных лиц правоохранительных органов Украины (полиция, Служба безопасности Украины); конфессиональное давление; давление со стороны праворадикальных организаций и партий; диффамация в средствах массовых информационных.

Со стороны центральных органов власти основным инструментом давления на УПЦ МП стало Министерство культуры Украины, которое более полутора лет не регистрировало 12 учредительных документов религиозных организаций, принадлежащих УПЦ [4]. Такие институты власти, как Министерство обороны Украины, в нарушение конституционных прав военнослужащих, являющихся верующими УПЦ МП, при назначении капелланами на военную службу отдавали приоритет клирикам других конфессий вопреки желанию самих украинских военных [6]. Министерство внутренних дел Украины в нарушение действующего законодательства запретило капелланам УПЦ МП служить в Национальной гвардии Украины и участвовать в духовном сопровождении верующих УПЦ МП, которые несут службу в Нацгвардии [5]. В свою очередь, Минобороны и МВД с помощью ограничения доступа к культовым сооружениям УПЦ МП, находя-

² Рогатин В. Н. Гонения на Православие в Украине в 2014-2016 гг.; Мальцев В. Жертва гражданской войны. Преследования Украинской православной церкви в ходе конфликта в Украине, 2014-2015 гг.; Денисов О. С. Facts, Evidence and Claims Regarding Violations of the Rights of Believers and Religious Organizations of the Ukrainian Orthodox Church in 2014-2016 Collection of Information Materials and Documents.

щимся на балансе военных частей, и ограничения доступа клириков к военно-служащим выдавили священников-капелланов из сферы попечительства над военными частями и военнослужащими.

Относительно местных органов власти наблюдалось ущемление прав верующих преимущественно в регионах, в которых к власти пришли представители националистических партий. В свою очередь, правоохранительные органы в конфликтных ситуациях, связанных с УПЦ МП, самоустраивались от решения конфликта, не пресекая противоправные действия, или занимали сторону оппонентов. В 2017 г. в большинстве случаев конфликты на религиозной почве наблюдались в западных областях Украины – Тернопольской, Ивано-Франковской, Волынской, Ровенской, в меньшей мере – Черкасской и Киевской.

Дискриминация со стороны законодательной власти Украины проявилась в процессе лоббирования радикальными политиками и националистическими организациями законопроектов, направленных на прямое вмешательство государства в дела Церкви. Наибольший резонанс в украинском сообществе вызвали перечисленные ниже законопроекты.

Законопроект № 4128 о внесении изменений в Закон Украины «О свободе совести и религиозных организациях» (относительно изменения религиозными общинами подчиненности) [8] предполагает, что любой человек, который самоидентифицирует себя с той или иной религиозной организацией, автоматически получает право влиять на принятие официальных решений религиозной общины.

Законопроект № 4511 «Об особом статусе религиозных организаций, руководящие центры которых находятся в государстве, признанном Верховной Радой Украины государством-агрессором» [9] предлагает наделить УПЦ МП «особым статусом», поставив ее под особый контроль государства, вплоть до назначения руководящих кадров и принудительного закрытия общин, лишь на том основании, что ее формальный «руководящий центр» находится за границей, в России. Согласно статье 5, назначать митрополитов и епископов такие религиозные организации смогут только по согласованию с органами власти, что является прямым вмешательством государства в дела Церкви. По статье 35 Конституции Украины, Церковь и религиозные организации на Украине отделены от государства. Законопроект предложен по инициативе 13 народных депутатов от партии «Блок Петра Порошенко».

Помимо органов власти большую роль в религиозном конфликте играют представители общественно-политических организаций, которые чаще всего имеют праворадикальный характер. Праворадикальные партии, такие как «Правый сектор» (организация запрещена на территории РФ), «Свобода», «Национальный корпус» и др., стали основными фигурантами в религиозных противостояниях. В рамках религиозного конфликта образовался некий тандем между праворадикальными организациями и некоторыми протезированными православными конфессиями, который устремился против УПЦ МП. Обострение украино-русских взаимоотношений на Украине послужило поводом дискредитации образа УПЦ МП в украинском обществе через диффамацию в средствах массовой информации. Такой важный социальный и духовных институт, как УПЦ МП, был «демонизирован» и выставлен как нечто чужое и инородное. Как

следствие, страна получила еще большее разделение и радикализацию общества, что вылилось в нападения на священников и мирян [7], поджоги и ограбления церквей, акты вандализма и порчи церковного имущества, захват более 40 церквей УПЦ МП и более 37 попыток захвата, закрытие 5 церквей, препятствие строительству храмов, нежелание выделять земельные участки под строительство культовых сооружений.

Заключение. Итак, распределение фактов дискриминации по векторам позволило нам отметить систематический характер данного явления, поскольку на примере изложенного материала видны взаимосвязь и взаимодействие всех субъектов религиозного конфликта в давлении на УПЦ МП. Случаи дискриминации священнослужителей и верующих приобрели настолько частый характер, что госдепартамент США в ежегодном докладе о религиозных свободах в разных странах мира 30 мая 2018 г. высказал обеспокоенность вмешательством украинских властей в дела УПЦ МП [6], что стало неожиданностью, учитывая молчание на протяжении более четырех лет со стороны данной структуры по поводу притеснений верующих УПЦ МП.

Таким образом, правительство Украины вместо сбалансированной политики и невмешательства государства в церковные дела выбрало курс, ведущий к дестабилизации общества и религиозной жизни страны. Ранжирование духовных православных центров по признаку лояльности и преданности нынешним властям, предоставление им преференции и оказание поддержки праворадикальных сил в третировании представителей общин Московского патриархата, а также прямые дискриминационные меры государства по отношению к ним способствуют разрушению основ устойчивого социокультурного развития общества. На основании рассмотренных материалов и заключений разных экспертов вырисовывается картина разобщенности общества, что усиливает гражданское противостояние на территории всей Украины.

Список литературы

1. Мальцев В. Жертва гражданской войны. Преследования Украинской православной церкви в ходе конфликта в Украине, 2014-2015 гг. / группа информации по преступлениям против личности (IGCP). М.: Русская книга, 2016. 160 с.
2. Рогатин В. Н. Гонения на Православие на Украине в 2014-2016 гг. М.: РИСИ, ФИБ, 2017. 224 с.
3. Facts, Evidence and Claims Regarding Violations of the Rights of Believers and Religious Organizations of the Ukrainian Orthodox Church in 2014-2016: collection of Information Materials and Documents. Kiev: Department for External Church Relations, NGO «Public Advocacy», 2016. 126 p.
4. В УПЦ увидели опасность для общества в попытках Минкульту развернуть медиавойну против крупнейшей конфессии // УНИАН [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://religions.unian.net/orthodoxy/1812382-v-upts-uvideeli-opasnost-dlya-obschestva-v-popyitkah-minkulta-razvernut-mediavoynu-protiv-krupneyshey-konfessii.html> (дата обращения 23.07.2018).
5. Выявлены факты дискриминации православных военнослужащих // Сайт Синодального информационно-просветительского отдела УПЦ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.church.ua/2017/04/11/vyavleny-fakty-diskriminacii-pravoslavnykh-voennosluzhashchih/?lang=ru> (дата обращения 23.11.2018).
6. Наказ Про затвердження Положення про службу військового духовенства (капеланську службу) у Національній гвардії України // Офіційний сайт Верховної Ради України [Электронный

ресурс]. Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/z0557-16?test=4/UMfPEGznhhyaz.Zi720kDDH14w2s80msh8Ie6> (дата обращения 23.11.2018).

7. О ситуации вокруг строительства храма Святого Богоявления в г. Николаеве // Николаевская епархия Украинской православной церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eparhia.mk.ua/novosti/4443-6092017-o-situaczii-vokrug-stroitelstva-xrama-svyatogo-bogoyavleniya-xrama-v-g-nikolaeve.html> (дата обращения 23.11.2018).

8. Проект Закона про внесення змін до Закону України "Про свободу совісті та релігійні організації" (щодо зміни релігійними громадами підлеглості) // ВРУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=58255 (дата обращения 23.11.2018).

9. Проект Закона про особливий статус релігійних організацій, керівні центри яких знаходяться в державі, яка визнана Верховною Радою України державою-агресором // ВРУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=58849 (дата обращения: 23.11.2018).

10. Релігійні організації в Україні (станом на 1 січня 2014 р.) // Офіційний сайт Інституту релігійної свободи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://risu.org.ua/ua/index/resources/statistics/ukr2014/558+n3/> (дата обращения: 23.11.2018).

11. Релігійні організації в Україні (станом на 1 січня 2018 р.) // Релігійно-інформаційна служба України [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://risu.org.ua/ua/index/resources/statistics/ukr_2018/70440/ (дата обращения: 23.11.2018).

Дата поступления в редакцию: 15.03.2019

Авторская справка

НАБИЕВ Ринат Ахматгалиевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. E-mail: professor.nabiev@yandex.ru

РОГАТИНА Елена Сергеевна, аспирант кафедры религиоведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. E-mail: Hellenro@rambler.ru

UDC 161.7

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.134

DISCRIMINATION IN THE CONFESSIONAL FIELD AS A THREAT TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SOCIETY IN UKRAINE

R. A. Nabiev, E. S. Rogatina

Kazan Federal University, Kazan (Russia)

Introduction. The religious conflict that arose in modern Ukraine and, over time, worsened during the socio-political crisis in 2014 is described in the article. The process of socio-political transformations has led to an increase of the interaction of religion and politics, which has manifested itself in two interrelated trends: the politicization of inter-Church relations and the clericalization of the political sphere. In turn, religious and political actors are interested in mutual cooperation to achieve its goals and assert their status in society. It has become the main factor of tension in state-Church relations. This conflict is fueled by preferences towards some Orthodox centers and by the spread of nationalist ideas in Ukraine. It presents the intra-Orthodox contradictions and the developing of priority attention to pro-state Orthodox centers, that has grown into discrimination of one of the largest denominations in Ukraine – Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate.

Methods. The article presents the results of an analysis of the facts of pressure and discrimination against this denomination. The subjects of religious conflict and the tools used in this social conflict are

identified. The participation of right-wing organizations in discrimination of the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate is shown.

Results. The article presents the results of an analysis of the facts of pressure and discrimination against the dominant faith in Ukraine. In our study, we identified the subjects of religious conflict and the tools used in this social conflict and showed the role and participation of right-wing radical organizations in the discrimination of the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate.

Conclusions. The results of the study should help develop mechanisms to prevent the occurrence of religious and confessional conflicts, as well as contribute to finding ways to resolve them. The unbalanced policy and active intervention of the Ukrainian authorities in the affairs of the Church led to the destabilization of society and the religious life of the country.

Keywords: Religious conflict; preference; Ukrainian Orthodox Church; discrimination; autocephaly; right-wing radical organizations.

References

1. Maltsev V. Zhertva grazhdanskoj voyni. Presledovaniya Ukrainskoj pravoslavnoy tserkvi v hode konflikta v Ukraine, 2014-2015 gg. [Civil War Victim. Persecution of the Ukrainian Orthodox Church during the Ukrainian Conflict 2014-2015], Moscow: Russkaya kniga, 2016, 160 p.
2. Rogatin V. N. Goneniya na Pravoslavie na Ukraine v 2014-2016 gg. [Persecution of Orthodoxy in Ukraine in 2014-2016], Moscow: RISI, FIV, 2017, 224 p.
3. Facts, Evidence and Claims Regarding Violations of the Rights of Believers and Religious Organizations of the Ukrainian Orthodox Church in 2014-2016. Collection of Information Materials and Documents, Kiev: Department for External Church Relations, NGO "Public Advocacy", 2016, 126 p.
4. V UPTs uvideli opasnost dlya obschestva v popyitkah Minkulta razvernut mediavoynu protiv krupneyshey konfessii [The UOC saw a danger to society in the attempts of the Ministry of Culture to deploy media war against the largest denomination], *UNIAN*. Available at: <https://religions.unian.net/orthodoxy/1812382-v-upts-uvide-li-opasnost-dlya-obschestva-v-popyitkah-minkulta-razvernut-mediavoynu-protiv-krupneyshey-konfessii.html> (data obrascheniya 23.07.2018).
5. Vyyavleny fakty diskriminatsii pravoslavnykh voennosluzhaschikh [Identified facts of discrimination against Orthodox soldiers], *Sayt Sinodalnogo informatsionno-prosvetitel'skogo otdela UPTs*. Available at: <http://news.church.ua/2017/04/11/vyyavleny-fakty-diskriminatsii-pravoslavnykh-voennosluzhashchikh/?lang=ru> (data obrascheniya 23.11.2018).
6. Nakaz Pro zatverdzhennia Polozhennia pro sluzhbu viiskovoho dukhovenstva (kapelansku sluzhbu) u Natsionalnii hvardii Ukrainy [Ordinance On Approval of the Regulations on the Service of the Military Clergy (Chaplaincy Service) at the National Guard of Ukraine], *Ofitsiyniy sayt Verkhovnoi Rady Ukrainy*. Available at: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/z0557-16?test=4/UMfPEGznhhyaz.Zi720kDDHI4w2s80msh8Ie6> (data obrascheniya 23.11.2018).
7. O situatsii vokrug stroitelstva khrama Svyatogo Bogoyavleniya v g. Nikolayeve [On the situation around the construction of the Church of the Holy Epiphany in the city of Nikolaev], *Nikolayevskaya eparkhiya Ukrainskoj pravoslavnoy tserkvi*. Available at: <http://www.eparhia.mk.ua/novosti/4443-6092017-o-situatsii-vokrug-stroitelstva-xrama-svyatogo-bogoyavleniya-xrama-v-g-nikolaeve.html> (data obrascheniya 23.11.2018).
8. Proekt Zakonu pro osoblyvyi status relihiinykh orhanizatsii, kerivni tsentry yakykh znakhodiat'sia v derzhavi, yaka vyznana Verkhovnoiu Radoiu Ukrainy derzhavoiu-ahresorom [Draft Law on the Special Status of Religious Organizations, the leading centers of which are in the state, which is recognized by the Verkhovna Rada of Ukraine as an aggressor State]. Available at: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=58849 (data obrascheniya 23.11.2018).
9. Proekt Zakonu pro vnesennia zmin do Zakonu Ukrainy "Pro svobodu sovisti ta relihiini orhanizatsii" (shchodo zminy relihiinymy hromadamy pidlehlosti) [Draft Law on Amendments to the Law of Ukraine "On Freedom of Conscience and Religious Organizations" (regarding the subordination of religious communities)]. Available at: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=58255 (data obrascheniya 23.11.2018).

10. Relihiini orhanizatsii v Ukraini (stanom na 1 sichnia 2014 r.) [Religious organizations in Ukraine (as of January 1, 2014)], *Ofitsiyni sait Instytutu relihiinoi svobody*. Available at: <https://risu.org.ua/ua/index/resourses/statistics/ukr2014/558+y3/> (data obrashcheniya 23.11.2018).

11. Relihiini orhanizatsii v Ukraini (stanom na 1 sichnia 2018 r.) [Religious organizations in Ukraine (as of January 1, 2018)], *Relihiino-informatsiina sluzhba Ukrainy*. Available at: https://risu.org.ua/ua/index/resourses/statistics/ukr_2018/70440/ (data obrashcheniya 23.11.2018).

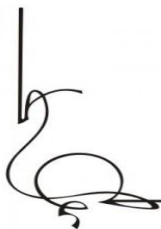
Author's Bio

NABIEV Rinat Akhmatgalievich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Tatarstan, Archeology and Ethnology, Kazan Federal University, Kazan, Russia. E-mail: professor.nabiev@yandex.ru

ROGATINA Elena Sergeevna, Graduate student at the Department of Religious, Kazan Federal University, Kazan, Russia. E-mail: Hellenro@rambler.ru

Библиографическая ссылка

Набиев Р. А., Рогатина Е. С. Дискриминация в конфессиональной сфере как угроза устойчивому развитию общества на Украине // SocioTime / Социальное время. – 2019. – № 2(18). – С. 134-141. – DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.134

ИНФОРМАЦИЯ. РЕЦЕНЗИИ. КОММЕНТАРИИ

УДК 316.66

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.142

ФАВОРИТИЗМ. ЭТО ПРИГОВОР?¹

Г. С. Широкалова

Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Нижний Новгород (Россия)

Потребность в осознании современных российских реалий актуализируется деформацией ценностных миров российского социума. Отечественные философы, социологи, политологи, социальные психологи активно и многосторонне изучают этот процесс. Выявляются причинно-следственные связи, формирующие терпимость к сокращению гражданских прав у российского населения, слегка всколыхнувшегося лишь при введении пенсионной реформы. Это подтверждает выводы о политической пассивности значительной части народа, ориентирующегося не на будущее, а на выживание в условиях социальной, экономической, политической нестабильности здесь и сейчас.

С. П. Парамонова в своей монографии «Роль фаворитизма в социальном процессе» использует институциональный методологический подход к анализу механизма управления социальными процессами, дифференцированный по ролям «лидер – фаворит», и типологии морального сознания (индивидуализм – коллективизм). Автором избран общепризнанный путь: от общесоциологического исследования природы фаворитизма к социологической специфике явления. Исследуя природу этого феномена, С. П. Парамонова закономерно ставит вопрос: фаворитизм объективно неизбежен в силу человеческой природы или это результат стихийности, несовершенства управления, а возможно, вообще показатель неуправляемости социальными процессами в обществе?

Анализируя исторические проявления феномена фаворитизма, автор приходит к выводу: фаворитизм вечен, фавориты случайны. Лишь определение границ фаворитизма в теории может способствовать сетевому контролю над ним снизу.

Утрата российскими гражданами субъектности в историческом процессе является одним из результатов внедрения в политическую жизнь разработанных социальными науками за последние десятилетия новых механизмов управления населением, активно использующихся и в России, осо-

¹ Рецензия на книгу: Парамонова С. П. *Роль фаворитизма в социальном процессе: монография / под общ. ред. В. Н. Стегния. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2018. 188 с.*

бенно в периоды избирательных кампаний. Но совершенствуются и прежние социальные институты, среди них институт фаворитизма.

Ключевые слова: фаворит, институт фаворитизма, лидер, роль, социальный статус, Россия.

Введение. В наш рациональный век закономерен вопрос: «Для чего нужно изучение "феномена фаворитизма"?». Автор монографии отвечает на него так: изучение этого зачастую латентного фактора необходимо для рационального ограничения нерационального явления непрозрачных отношений элиты и общества на практике (с. 27). Развернуть этот анализ целесообразно не в узком фрагменте точечного исследования, а в социальном пространстве. Для этого необходимо представить институциональный, содержащий ролевой и типологический аспекты отношения к фаворитизму. Следует определить временную динамику отношения к фаворитам и фаворитизму социальных групп и слоев общества (с. 11). Заметим, что любое исследование начинается с теоретической разработки проблемы. Проблема фаворитизма обозначена автором в социально-историческом ракурсе: на этапах подъема все в обществе пронизано подвижничеством, а на этапах снижения качества социального процесса и выпадения этноса в реликт отношения характеризуются фаворитизмом. Такой вывод стимулирует читателя к поиску аргументов «за» и «против» в каждой из 8 глав книги.

Примечательно, что автор не положил в основу хронологию исторического процесса, хотя есть немало примеров того, как фаворитизм препятствовал/помогал развитию государств и империй. Социологичность – такова основа авторского исследования сущности этого явления. Именно она помогает ответить на вопрос: фаворитизм объективно неизбежен в силу человеческой природы или это результат стихийности, несовершенства управления, а возможно, вообще показатель неуправляемости социальными процессами в обществе?

Методы исследования. Автором избрана классическая методология: от общепhilософского исследования природы фаворитизма он переходит к социологической специфике явления. Об этом свидетельствует название глав: «Институциональная природа фаворитизма»; «Институт фаворитизма – постоянно воспроизводящаяся конструкция»; «Ролевая теория личности»; «Социальный и социально-психологический аспект фаворитизма»; «Этнофаворитизм». Анализ специфических проявлений фаворитизма представлен в зависимости от содержания эпохи – «Фаворитизм в условиях Премодерна»; «Фаворитизм в период Модерна»; «Фаворитизм общества Постмодерна». Координаты исследования задаются точностью понятийного аппарата и его методологией. Автор дает определения фаворитизма, опираясь на базовое значение понятия, принятое во всех словарях: «"фаворит" – лицо, пользующееся благосклонностью правителя, получающее от него различные привилегии и, в свою очередь, оказывающее влияние на лидера» (с. 6). В монографии читатель найдет несколько определений, расширяющих целостное значение этого понятия. Приведем ряд из них, представляющий разные аспекты этого феномена.

Фаворитизм это – «тип социальной связи – способ латентного взаимодействия групп в общностях на различных уровнях стратификации» (с. 6). Заметим,

что вскрытие латентных факторов, действующих в обществе, – одна из существенных задач социологии, как отмечалось классиком социологии Р. Мертоном. «Фаворитизм – одна из базовых норм социального целого и означает утверждение единого санкционированного типа связи на всех уровнях социальной структуры общества» (с. 13). «Фаворитизм в самом общем смысле – ситуация, когда в коллективе, обществе всеми жизненно важными сферами заправляют любимцы» (с. 13). «Фаворитизм – активность окружения, движимого жаждой личного обогащения, жадной влиятельной, вельможной власти над окружающими, бесконтрольного удовлетворения тщеславия – ожидания почестей» (с. 31).

Наиболее общим (и точным) из всех, на наш взгляд, является определение фаворитизма, как превращенной формы коллективности. Характеристики, делающие акцент на субъектности фаворитизма несколько «сужены»: «любимцы», «жажда богатства»... Эти качества не всегда присущи «тайным советникам» и «серым кардиналам». Заметим, что сопряженной, но противоположной роли фаворита является роль сподвижника. Автор использует понятия «подвижничество, содружество, сотрудничество» для выделения тех в окружении лидера, кто ставит приоритетом общее социальное, а не индивидуальный экономический интерес (с. 31). В некоторых колоритных фигурах истории, как например А. Д. Меншиков, и фаворитизм, и сподвижничество проявились спонтанно и слитно. Но каким дружным бы ни было содружество, иерархия, основанная на приязни и привязанности к фаворитам и сподвижникам, существует, и это область социологии, политологии, истории, этики, социальной психологии.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Латентность фаворитизма относительна, поскольку около симбиоза «лидер-фаворит» всегда есть конкурирующие группы, которым известно все или почти все. Они же в целях конкуренции создают тот имидж врагу (оппоненту), который остается навсегда или на долгие годы в общественном сознании. Покажем это на примере образа Т. Д. Лысенко, который тиражируется с перестроечного времени как малограмотный фаворит Сталина. С. П. Парамонова ставит в вину Т. Д. Лысенко остановку исследований генетики. Но все не так однозначно. Эта тема не для нашей рецензии. Подчеркнем лишь, что, поставив на ком-то метку, оппоненты «забывают» о необходимости всесторонней оценки личности в координатах конкретной эпохи.

Чтобы не быть голословными, напомним: в 1920-х годах в СССР не хватало хлопка для производства пороха, а предложенная именно Т. Д. Лысенко методика чеканки хлопковых посевов позволила увеличить урожайность. Так в условиях санкций того времени была обеспечена обороноспособность страны, стала возможной поставка собственного хлопка для производства бинтов и тканей. Во время Отечественной войны по предложению Лысенко в общественных столовых при чистке картофеля обязали срезать «глазки». Их хранили как посадочный материал с осени до весны, спасая тем от голодной смерти сотни тысяч людей. Растениеводы мира могли бы продолжить послужной список Лысенко, ибо до сих пор на практике используют его наработки. Однако, когда «фаворит» выступил за программу развития пострадавшего во время Великой Отечественной

войны и не восстановленного еще Нечерноземья, раскритиковал вложение огромных средств в целину в условиях, когда не обеспечены методы и технологии сохранения плодородного слоя в степях, отсутствует техника для сбора и хранения урожая, нашлось много желающих заклеить ученого и переписать его научную биографию. Все его предупреждения о разрушении плодородия почвы сбылись. Черт всегда таится в деталях.

Тема поднята нами для понимания неоднолинейности феномена фаворитизма, не сводимого к историческим анекдотам. Ролевые группы неодинаково информированы о фаворитах. Нередко в близких им поселенческих общностях (Сибири) и по типу деятельности (г. Саров, «атомный центр») они оцениваются выше, чем в общественном мнении в целом. Еще один наглядный пример: отношение к Л. П. Берии в г. Сарове и вне его.

Наше исследование мы основываем на принципах синергетики, изучая связи между ролевыми позициями и движения открытых стратифицированных систем во времени и пространстве (с. 6). Двойственная природа фаворитизма проявляется как стратегический запас лидерства, движущая сила истории и одновременно фактор, ограничивающий творческую активность других лиц, тех, кто стоит на иных позициях. Следовательно, фаворитизм может выступать и как фактор, тормозящий прогрессивное развитие общества (с. 7). Это уже более широкое понимание фаворитизма: он может быть «движущей силой», стимулируя поступательное развитие сообществ, но и тормозя его. Отметим что и критерии прогресса у разных социальных субъектов не совпадают: внутривластная борьба в современной России тому пример.

Основываясь на методологии структурно-функционального анализа, а также его критиков, автор констатирует, что фаворитизм воздействует на социальный порядок на уровне мировых структур: государства-гегемона и стран-сателлитов. Фаворитами могут быть не только отдельные личности, но и самые разные социальные группы, этносы, страны (с. 66).

Особый интерес представляет анализ фаворитизма как социального поля, «в котором поддерживается стремление зависимых стран быть полезными странам лидера, сопровождающееся желанием извлечь собственные выгоды и привилегии из статуса сателлита во внешней политике» (с. 148). Фаворитизм очевиден и в институциональных формах: одни сферы (ВПК, РПЦ) – фавориты, значительные средства направлены правящей элитой РФ туда; другие сферы подвержены дефаворитизации. Фаворитизмом пронизаны социальные поля, жизнь и деятельность сообществ. Руководитель любого уровня: от государства до трудового коллектива предприятия, от религиозной организации до политической партии – осуществляет свою связь с представителями своей общности через посредников. Не каждый из них, как свидетельствует практика, фаворит: личность работника может вызывать личную неприязнь, но лидер вынужден считаться с его функциональной ценностью, наделять высоким статусом, преодолевая до поры до времени внутреннее раздражение.

Есть набор неких функций фаворитизма, объясняющих его общемировой и вневременной статус, а также черты фаворита, необходимые лидеру. Парамонова

называет следующие: формирование имиджа лидера (с. 14); осуществление внешне «полуформальной, мягкой», но фактически основывающейся на санкциях связи между лидером и общностью (с. 13); создание управляемого социального поля (с. 14); латентное санкционирование социального поля по принципу «свой – чужой» (с. 19); интеграция вокруг лидера и интерпретация позиции лидера (с. 14); создание иерархичности социальных связей, а через них самой социальной реальности (с. 21); ограждение лидера от инициатив аутсайдеров (с. 24).

Еще фавориты служат громоотводом для народного гнева от лидеров. Ссылаясь на французских историков, автор напоминает, что одной из причин казни королевской семьи во время Великой французской революции было отсутствие фавориток, которых можно было бы обвинить в растрате госказны (с. 98). На наш взгляд, в условиях современной России роль громоотвода при Горбачеве была отведена Раисе Максимовне, при Ельцине – Чубайсу, сегодня – Медведеву. Повторим, что статус фаворита может быть дан вынужденно, без личной симпатии, но под влиянием внешних обстоятельств [1].

Институт фаворитизма проявляется в ролевой коммуникации личности. Именно в коммуникации высвечивается морально-этическая и деловая оценка группой лиц, которым поручается ответственная работа, принятие решений. Остальные нередко отстранены от активной жизни группы, у них роль исполнителей – конформистов, которые могут быть от центра даже дальше, чем маргиналы. Специфика определяется сложившейся системой социально-психологических взаимодействий в группе (с. 52, 51).

Набор личностных качеств фаворита широк: преданность, необидчивость, воспитанность, обаятельность, целеустремленность, развитый интеллект, инициативность, деловитость, организаторские навыки, проявляемая полифункциональность, изворотливая коммуникативность, хитрость, беспринципность, умение манипулировать людьми, умение уловить общественные веяния и «держать нос по ветру», способность предвидеть ситуацию и овладеть ею, желание достичь личного успеха и признания. Фаворита характеризует способность принять на себя удар, направленный против лидера, чувство самосохранения и самоутверждения, в том числе за счет привилегий, которые охраняют фаворита от критики и создают ауру видимой доброжелательности вокруг него. Список качеств может дополняться или сокращаться в зависимости от той сферы, в которой «контролирует» социальные отношения фаворит. Среди них гендерные приоритеты, возраст, физическое здоровье, внешняя привлекательность, ораторское искусство, уровень образования, полководческий дар, житейский опыт, раболепие, желание самообогащения, жажда значимости, известности, беспринципности, стремление быть «на коне» в любой ситуации.

В результате грань взаимозависимости лидера и фаворита весьма подвижна, и оба в большей или меньшей степени выбирают для фаворита имидж. Его роль может быть явной, о которой знают все, но может быть и латентной (с. 15). Лидер может быть слабой политической фигурой, и тогда фаворит подчиняет его себе (с. 67). Примеров, иллюстрирующих такую ситуацию, немало в современной России. Сошлемся на свидетельство А. В. Коржакова, бывшего начальника

Службы безопасности Президента РФ Б. Ельцина: «После июля 1996 г. в свой второй президентский срок Ельцин уже не руководил страной и только спрашивал, когда приносили документы: «Чубайс согласен?» И если да, то рисовал свою подпись, не читая бумаг» [2, с. 57]. Но Коржаков лишь подтвердил то, что было достаточно широко известно в девяностые, когда «факсимиле» заменяло подлинную подпись.

Взаимоотношения лидера и фаворита С. П. Парамонова анализирует через теорию социального обмена. Действительно, быть «теневым Я» – непростая задача, требующая самоотдачи в форме физического здоровья, временных затрат, психологического напряжения от человека, объективно находящегося между «молотом и наковальней» – лидером и коллективом. Для компенсации социально гибкого положения фаворит сам создает вокруг себя социально санкционированное поле фаворитизма из круга людей, которые уже ему приносят «психологическое жертвоприношение» в форме лестии, доносов, подарков (с. 60). Автор отмечает, что эти транзакционные затраты не всегда оправдываются, поскольку фаворит постоянно находится в остро конкурентной среде (с. 36).

Парамонова С. П. ссылается на эмпирические данные, согласно которым 2/3 окружающих хотели бы быть в фаворе у руководителя (с. 44). К сожалению, в монографии нет ссылки на соответствующую публикацию, но рискнем предположить, что такой ответ – результат неточности методики измерения: респондентами «бриллиантовый дым под потолком» (из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова) выдан за действительное желание быть фаворитом, взвалившим на себя обязанности при возможном максимуме/минимуме прав. Но именно этот «дым», по поводу и без, выполняет компенсаторную функцию, позволяющую выживать в обществе тотального риска и непредсказуемого будущего. Повсеместность и вневременность фаворитизма, по мнению автора, не повод для пессимизма. Опираясь на ролевую теорию, он полагает, что, определившись с генезисом данного явления, можно пресекать несправедливые привилегии фаворита, тем самым освободиться от «неписаных правил», как силы, стоящей над беззащитной личностью (с. 43, 44).

Определяя феномен фаворитизма как «непаханое поле» для обществоведов (с. 45), Парамонова предлагает начать его изучение с выделения трех уровней сложности: мега-уровня, институционального, группового (коллективного) и индивидуально-личностного (с. 47). В конечном счете, целостное изучение феномена фаворитизма позволит определить ролевые функции фаворита, нормы-цели и заключить в нормы-рамки, в статьи законов, «защищающих меру равенства, свободы и справедливости» в группе, сообществе, международных симбиотических объединениях «лидер – сателлиты» (с. 48).

С. П. Парамонова считает, что «фаворитизм как антисоциальное явление возникает тогда, когда не определен принцип предпочтения, т.е. выбор социальному субъекту навязан внешними условиями и обязательствами» (с. 55). На наш взгляд, это слишком упрощенный подход, поскольку парадигма сетевого общества, на которую не раз и обоснованно ссылается ученый, предполагает зависи-

мость человека от внешних обстоятельств, но из их множества всегда есть выбор в соответствии с ценностными предпочтениями личного, кланового или общественного масштаба. Прослеживая генезис фаворитизма, С. П. Парамонова анализирует механизм превращения в переходные эпохи аутсайдеров в лидеров и фаворитов и быстрый крах карьер в разные эпохи, начиная с зарубежного Возрождения, дореволюционной России до конца XX века. Как всегда судьбы исторически заметных личностей поучительны, полезны и интересны. В ходе исследования автор напоминает, что в истории проявились две идеологии, давшие людям воспрянуть духом: «последние будут первыми» – это христианство и наследующий его идею равенства, по А. Макинтайру, марксизм. После разрушения СССР цивилизация заиклилась на разных вариантах одного по сути принципа: «Пусть неудачник плачет, а победитель получает все» (с. 81).

Еще одно важнейшее направление исследования – этнофаворитизм. Напомним, в 1990-х годах для снижения накала сепаратистских настроений Татарстану были даны широкие экономические права, что позволило преодолеть кризисные явления, вызванные разрушением Союза гораздо быстрее, чем другим субъектам РФ.

Заключение. Прослеживая историю социальных отношений, нельзя не признать: фаворитизм вечен. Он присутствует на всех уровнях социальной реальности: социетальном, институциональном, групповом. Поддерживается фаворитизм и субъективными желаниями: фавориты часто те, кто оказались в данном социальном поле деятельности в нужное время. Автор пишет, что «быть лидером – большая ответственность, взвалить которую на себя стремятся далеко не все». Действительно, переменчивости судьбы конформисты предпочитают тихое существование «премудрого пескаря», которому, кстати, и фаворитизм будет в тягость. Чацкий не зря говорил: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь...». Согласимся и с итоговым выводом Послесловия: «Исследование фаворитизма из академической проблемы социологии и социальной психологии переходит в практическую проблему современности» (с. 160). Автор доказал и другой свой посыл: в годы подъема в основе единства лежит подвижничество для служения великим идеалам; на этапе снижения качества жизни стран и этносов их атрибутивным свойством становится фаворитизм, имеющий принципиально иные цели.

Список литературы

1. Вопрос Путину "Когда посадят Чубайса?". Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=J_yRm3c51Dg.
2. Коржаков А. В. Бесы 2.0. А цари-то ненастоящие! М.: Эксмо, 2018. 384 с.

Дата поступления в редакцию: 21.01.2019

Авторская справка

ШИРОКАЛОВА Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Нижний Новгород, Россия.
E-mail: shirokalova@list.ru

УДК 316.66

DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.142

FAVORITISM. IS THAT A SENTENCE?

G. S. Shirokalova

*Volga Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod (Russia)*

The need for awareness of modern Russian realities is actualized by the deformation of the value worlds of Russian society. Russian philosophers, sociologists, political scientists and social psychologists are actively and comprehensively studying this process. They identify cause-effect relationships that form the Russian population's tolerance, slightly agitated only with pension reform introduction, which confirms the conclusions about the political passivity of a considerable part of the people, who focus not on the future, but on survival in conditions of social, economic and political instability here and now.

The loss of Russian citizens' subjectivity in the historical process is one of the results of introducing into the political life the new population management mechanisms developed by the social sciences in recent decades and actively used in Russia, especially during periods of election campaigns. But the former social institutions are also improving, and among them is the institute of favoritism.

Analyzing the historical aspects of the favoritism phenomenon, the author comes to the conclusion: favoritism is eternal, favorites are random. Only theoretical identification of favoritism boundaries can contribute to network control over it from below.

S. P. Paramonova in her monograph "The Role of Favoritism in the Social Process"² uses an institutional methodological approach to the analysis of the social processes management mechanism, differentiated by the roles "leader - favorite" and typology of moral consciousness (individualism – collectivism). The author has chosen the generally accepted way: from the general philosophical study of the favoritism nature to the sociological specifics of the phenomenon. Exploring the nature of this phenomenon, Paramonova S. P. naturally raises the question: is favoritism objectively unavoidable due to human nature, or is it the result of spontaneity and imperfection of management, and perhaps, in general, an indicator of uncontrollability of social processes in society?

Keywords: favorite; favoritism institute; leader; role; social status; Russia.

References

1. Vopros Putinu. Kogda posadyat Chubaysa? [Putin's question "When will Chubais be imprisoned?"]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=J_yRm3c51Dg.
2. Korzhakov A. V. Besy 2.0. A tsari-to nenastoyashchiye! ["Beans 2.0. And the kings are not real!"], Moscow: Eksmo, 2018, 384 p.

Author's Bio

SHIROKALOVA Galina Sergeevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Researcher, Volga Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: shirokalova@list.ru

Библиографическая ссылка

Широкалова Г. С. Фаворитизм. Это приговор? // SocioTime / Социальное время. – 2019. – № 2(18). – С. 142-149. – DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.142

² Review monograph of S. P. Paramonova's "The role of favoritism in the social process: monograph / under general editorship of V.N. Stegnia. Perm: Publishing House of Perm National Research Polytechnic University, 2018. 188 p."

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «SocioTime / Социальное время» – это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть ученые-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи-практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200–250 слов), ключевые слова (5–10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объемом 0,4–1,0 авторского листа (16–40 тысяч знаков, включая пробелы), оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал) в формате А4. Подписанные надписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;
- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;
- список использованной литературы на языке издания (кегль 9) помещается в конце текста и строится в алфавитном порядке;
- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи на транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык (в квадратных скобках)); выходные данные с обозначениями на английском языке;
- сведения об авторах на русском и английском языках (кегль 8,5): Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы или учебы, почтовый адрес, телефон для связи, E-mail.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация – краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть четко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction)*;
- *Методы (Methods)*;
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results)*;
- *Заключение (Conclusions)*.

Ключевые слова – основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи:

- *Введение:* цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешенные вопросы и т.д.;
- *Методы исследования:* методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования.

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение:* изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение:* теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10–30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников – 3-5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. **Список материалов**, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;
- текст статьи;
- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);
- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**);
- договор на издание статьи.

4. **Порядок рассмотрения рукописи.** Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1-3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала SocioTime / Социальное время: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net.

Телефон редакции (главного редактора): 8-8362-686040.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

"SocioTime / Social Time" is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. **General information.** The journal "SocioTime / Social Time" publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (200-250 words, justification page, font size 9);
- Keywords (no more than 5-10, font size 9);
- The manuscript 7-16 pages (16-40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;
- References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
- List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in alphabetical order;

- Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;

- Information about the authors in Russian and English (font size 8,5): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and e-mail.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200–250 words) - summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;

- Methods: methods and approaches used by the author in the study;

- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);

- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5-10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;

- *Research methods*: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;

- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;

- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5–2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10-30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3-5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. Materials shall be sent:

- The author's statement addressed to the editor;

- The manuscript;

- Recommendation of the supervisor (for students);

- Certificate on checking the article in the "Antiplagiat" system (articles with original text of **at least 80 %** are allowed to be published);

- Contract for the publication of an article.

4. The review process and publication decision. The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1-3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net.

Tel. (Editor in Chief): 8-8362-686040.

Подписка на журнал осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и Журналы» (подписной индекс **94236**)